

2020

ТОМ: 1

■
ГОМЕР: 3

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том I. № 3. 2020.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Бушуева О.С., Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том I. № 3. 2020.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Канестри Хорхе (Италия), Ph.D., профессор психологии в Università degli Studi di Roma Tre, обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации, экс-президент Итальянской психоаналитической ассоциации, экс-президент Европейской психоаналитической федерации (EPF)

Коротецкая А.И. (Россия), проректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Потапова В.А. (Россия), канд. мед. наук, доцент Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского, член Парижского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), экс-Президент Московского Общества психоаналитиков (МОП)

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, ректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, кандидат Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том I. № 3. 2020.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- А.В. Россохин

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDV), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Евдокименко А.С. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, эксперт Oxford Russia Fund

Кетс де Врис Манфред (Франция), Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (IPA). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Кранц Джеймс (США), Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Кречмер Томас (Германия), Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Лейкина А.С. (Россия), канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Лонг Сьюзан (Австралия), Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Мамедов Шираз (Россия), Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Медведев В.А. (Россия, Эстония), канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психологического центра

Мерски Роуз (США, Германия), Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рафаелли Дерек (Великобритания), Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Watzwater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рингер Мартин (Новая Зеландия), Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Россохин А.В. (Россия), д. психол. н., проф., зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования

Сиверс Бурхард (Германия), Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Стрижова Е.А. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Таккер Саймон (Великобритания), Ph.D., проф. программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Уорд Грэм (Великобритания), директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шенкман А.И. (Россия), Доктор эконом. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Хиршорн Ларри (США), Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Сама Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шаповалова Е.В. (Россия), ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том I
№ 3.2020**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕКСТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Андре Грин

Нарциссизм жизни. Нарциссизм смерти. Послесловие.
Я, смертное-бессмертное

6

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Чершинцева М.А.

Символ, символизация и «психологическая химера» Мишеля де М'Юзана

31

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мартынов И.А.

Психоаналитический взгляд на фармакологическое
лечение психических нарушений

68

Мелёхин А.И.

Психодинамика возникновения тиннитуса: конфликт или дефицит?

91

Пестов М.Г.

Интерпретация как интерсубъективное событие

109

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

БИЗНЕС И EXECUTIVE КОУЧИНГ

Россохин А.В.

«Сладкая парочка» или бессознательный
сговор между клиентом и коучем

117

ГРУППОВОЙ И КОМАНДНЫЙ КОУЧИНГ

Джабар-Заде Е.В.

Командный коучинг: психодинамический подход

131

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мусатов Д.В., Евдокименко А.С.

Групповые защитные механизмы в психотической организации

149

Пацына Е.Л., Стрижова Е.А.

Глубинные причины критических инцидентов на производстве

166

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕКСТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Нарциссизм жизни. Нарциссизм смерти. Послесловие. Я, смертное-бессмертное (1982)*

(Пер. с фр. и науч. ред.: А.И. Коротецкая)

Андре Грин (1927–2012) – титулярный член Парижского психоаналитического общества, экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-вице-президент Международной психоаналитической ассоциации, почетный член Британского психоаналитического общества.

Послесловие к основному труду А. Грина о нарциссизме, в котором он вводит концепции нарциссизма жизни (т.е. нарциссизма, необходимого для сохранения целостности Я) и нарциссизма смерти (или негативного нарциссизма), который является представителем влечения смерти и ведет к разрушению психической жизни.

Ключевые слова: Андре Грин, нарциссизм жизни, позитивный нарциссизм, нарциссизм смерти, негативный нарциссизм, вторая теория влечений, моральный нарциссизм.

---

* Green A. (2013). Narcissisme de vie. Narcissisme de mort. Paris. Les edition de minuit. P. 285–314

Бригитте Понталис посвящается

Это никого не удивляет и не вызывает особых сомнений: в нашем обществе смерть стала чем-то скандальным. Когда нас покидает близкий человек, даже преклонного возраста, мы все выражаем сожаление и иногда даже упрек в адрес тех, которых мы считаем ответственными за его жизнь, что они его не спасли, как будто бы мы привыкли считать длительность жизни неограниченной и ее предел безгранично отсроченным. Такое отношение к смерти появилось относительно недавно. Если и сложно выявить момент, когда оно появилось под воздействием стечения обстоятельств – удлинение мирного периода после двух особо смертоносных войн, улучшение средств, предназначенных для сопротивления природным катастрофам, прогресс в медицине и уменьшение детской смертности, – то ясно, что эта новая эра поднимается не выше мизинца над вершиной горы, настолько столетия, которые прошли, были отмечены присутствием смерти во всех обществах и на всех промежутках истории. Можно также удивляться тому, что эта тенденция не смиряется со смертью или отодвинуть этот исход как можно дальше, сопровождается относительной бессознательностью по поводу накопления средств для разрушения. Если мы не можем говорить о безразличии, следует отметить, что желание противостоять данной угрозе не вызвало всеобщей мобилизации против опасности войны.

В этой парадоксальной ситуации мы сегодня и находимся. Возможно, сегодня мы не в состоянии понять то умонастроение, которое царило менее столетия тому назад, в то время, когда смерть была беспокоящей, но знакомой людям тенью, а религия еще предоставляла нам наивысшее утешение.

Также мы не до конца осознаем значение и вклад идей Фрейда в этом плане. Они обладали смелостью, которая утратила свой блеск, поскольку перемены лишили их своеобразия. В бессознательном не существует представления о смерти – вот что он утверждает с уверенностью очевидца. Человек не может знать, что такое смерть, ни сознательно, ни бессознательно. В бессознательном нет ничего, кроме репрезентаций влечения и аффектов. Чистая позитивность, функцией которой является как раз нахождение ответа на те фрустрации, которые навязывает реальность при реализации наших желаний, заставляя проживать ежедневно опыт этих лишений, больших и малых, в отношении которых смерть является по большому счету лишь максимальной актуализацией. По существу, предложенный религией потусторонний мир, ждущий праведных, добродетельных или раскаявшихся, был обнаружен Фрейдом в бессознательном, и эти миры вполне сравнимы, имея те же пределы и ограничения.

Тем не менее, даже если мы не можем знать, что такое смерть, и представить ее себе, и даже если бессознательное ее не постигает, – в том смысле, что оно не выделяет ей никакого места, – это не означает, что у человека упраздняется сознание того, что он смертен. Мало того что Фрейд боролся с религиозной иллюзией и развенчивал философов, к ней примыкающих,

разрушая их чрезмерную веру, ему еще надо было оспаривать подлинное содержание размышлений, вдохновленных таким пониманием смерти. В то время как западная философия, к которой примыкала его культура, на протяжении времени выстраивала дискурс о смерти, возобновляя его бесконечно с точки зрения меняющихся концепций и считая его одним из наиболее благородных завершений человеческой мысли, Фрейд бросает в лицо этим мыслителям смелую идею: размышления философов про страх смерти того, которого называют существом-для-смерти¹, являются обманом, маской, за которой человек прячется, чтобы отрицать тот факт, что речь идет лишь о страхе кастрации и ни о чем другом. Таковой была его смелая констатация, которая граничила с дерзостью. Фрейд хотел показать, что требуется гораздо меньше смелости, чтобы утверждать, что человек – это единственное существо животного мира, у которого есть дискурс о смерти и которое осознает свою смертность, нежели признать ограниченность этого знания, иллюзорность тщеславия и – что особенно важно – принять идею того, что настоящим мотором действия, а также мышления людей является то, что ускользает от контроля воли и сознания – бессознательное, оно является невидимым владыкой, который держит за веревочки марионетку «сознание».

Было ли это провокацией? Для Фрейда не могло быть иначе, так как он лишь доводил до крайности последствия своих взглядов относительно системы бессознательного. Радикализм его идей об отсутствии смерти в бессознательном, в связи с тем что там нет ее репрезентации, обоснован рациональностью, присущей первичному процессу: он не знает ни сомнения, ни степени своей уверенности, он игнорирует отрицание и остается бесчувственным к течению времени и, следовательно, к любой идее о времени. Именно поэтому невозможно постичь в какой-либо форме подобный конец существования, оживленного одной лишь потребностью осуществления желания. Последнее находит в данной области (за неспособностью достичь области реальности) способ удовлетворить себя, удаляя противящиеся этому препятствия, благодаря средствам, позволяющим обходить цензуру. Таким образом, верховенство принципа удовольствия оказывается здесь подтвержденным.

Сознание, рожденное из требований внешней реальности с тем, чтобы обеспечить выживание такого шаткого существа, которым является Я очень маленького ребенка, будет регулироваться принципом реальности, намного более уязвимым, чем принцип удовольствия. В конечном счете последней функцией первого станет защита второго, который безраздельно царит лишь в бессознательном. Одним из его наиболее значимых проявлений оказывается отрицание неудовольствия, связанного с угрозой кастрации. Она (кастрация) вызывает чрезмерный ужас из-за того, что представляет собой наивысшую угрозу исчезновения сексуального удовольствия, являющегося основой и прототипом всех других удовольствий. Неудовольствие, связанное с идеей о смерти, может быть

---

¹ Мы расширяем формулу Хайдеггера до философской традиции.

объяснено тем, что она, как и предыдущая, имеет те же последствия. Она несет с собой те же опасности. Положив конец удовольствию жить, она соприкасается, по сути, с утратой удовольствия наслаждаться. Лакан выражается более красноречиво: «Наслаждение, отсутствие которого сделало бы Вселенную тщетной...»

Итак, нарциссическая рана – сказано Фрейдом, – нанесенная человеку из-за оспаривания верховенства его сознания, не только лишила гордости за возможность строить свой дискурс о смерти, она начала разлагаться из-за необходимости знать то, что этот дискурс призван загоразживать единственную и уникальную причину его страха: кастрацию.

Мы полагали, что знание о собственной смертности утешит от бремени смерти и даст возможность к ней подготовиться и с ней справиться: «Философствовать – значит учиться умирать». Это не означает смириться или покориться слепой силе, под которой немощно сгибаешься; согласие с собственной временностью поддерживало в человеке идею о том, что смерть обрела в нас достойного противника. Не раба, а свободного человека, желающего быть здравомыслящим. В действительности мы остаемся несведущими не только в отношении смерти, но и в отношении самих себя, кичась благородством, в которое рядилось наше сознание, отворачиваясь от истинного источника наших мыслей. Последние, возвращенные к весьма прозаическим мотивам, были прикованы к поиску удовольствия нашего детства, вечно загороженного страхом, что исчезнет возможность его возобновления. И даже когда нам казалось, что какое-то поведение понесло нас к неудовольствию, то это было не что иное, как последняя хитрость, защитное облачение, в котором строгий анализ быстро обнаруживал, в этой противоположности удовольствия, неизгладимый отпечаток состояния, предшествовавшего неудовольствию: все еще то вечное удовольствие, оно, чьей начальной целью было сексуальное наслаждение, которое является ровесником начала нашей жизни.

Как-то Декарта спросили, есть ли у детей душа. Он дал отрицательный ответ, ссылаясь на их нестабильность, на их лабильный ум, находящийся все время в движении, склонный к игре, то есть неспособный осуществить тот умственный запрос, который должен был делать выводы относительно неустрашимости «когито». И только с появлением идей Фрейда, Мелани Кляйн и особенно Винникотта стало ясно, что игра детей является занятием серьезным и несет в себе функцию, столь необходимую и столь расширяющую, что она содержит в себе самую глубокую и самую значимую психическую деятельность, на которую способны взрослые. Потому что игра может быть понята лишь в свете фантазма, а он коренится в сексуальности, чтобы расцвести в сублимации.

Слишком поспешная интерпретация искала бы объяснение страха кастрации в онтогенезе, который так тесно связан у человека с сексуальностью. На самом деле для Фрейда все обстоит совсем иначе. Его работы показывают, что его концепция развития либидо постулирует существование специфического программирования – то есть связанного с видом более, чем с индивидом. Сексуальность как бы оказывается упорядоченной при помощи организующих схем – первоначальные фантазмы

соблазнения, кастрация, первосцена и даже те, что касаются Эдипова комплекса, – они придают форму избытку индивидуального опыта, дабы придать ему смысл (направление и значение), осуществляя разбор некоторых событий, инвестируя их специфическим образом и классифицируя их для мышления на манер философских категорий. Мы явно здесь думаем об *a priori* Канта.

Однако то, что допустимо и даже рекомендовано для философии, плохо вписывается в теорию, нацеленную на научную истину. Ничто на научном уровне не может подкрепить спекуляцию Фрейда относительно того, что названо им «филогенетическими следами памяти», психическим выражением которых на индивидуальном уровне являются первичные фантазмы.

И не было упущено ни одного случая, когда можно было обратить на это его внимание. Он относился к таким возражениям с презрением: возможно, он опережал науку. Он даже отвечал, что ему нет дела до этого призыва к авторитету науки, потому что он был не ученым, а психоаналитиком. Фрейд оказался в условиях странной непоследовательности. Он не переставал требовать для психоанализа статуса научной дисциплины, не допуская других критериев истины, кроме научных. Не надо видеть в его теории некое *мировоззрение*, одну из тех концепций построения мира, которыми философы пропитали иллюзии людей. И вот как раз по этому поводу он выдвинул спекуляцию сверхнаучного достоинства, прикрываясь профетическим даром, не приводя ни малейшего доказательства того, что он выдвигал. Что же именно питало это непоколебимое убеждение? То, что в глазах других виделось как нечто безрассудное и достойное осуждения, ему казалось наиболее логичным, и он оставался верен себе, что нельзя было обнаружить с первого взгляда.

Не рискуя ошибиться, можно утверждать, что Фрейд видел в сексуальности базис психической жизни, не только из-за того, что у человека она тесно связана с удовольствием, а в особенности потому, что она является такой функцией, которая насквозь пронизывает индивида. Не только оттого, что она отмечает отношения с другими, но также потому, что она переливается через края его существования вверх и вниз по течению, соединяя между собой поколения, так как родственники по восходящей и по нисходящей линии составляют непрерывную цепь. И как раз из-за этого невозможно воспринимать ее в онтогенетической перспективе.

Можно сказать, что «изобретение» сексуальности и смерти оказываются взаимосвязанными. На самом деле, без сексуального различия – при отсутствии «сексизма» – беспрерывно повторяющееся размножение делением одного и того же организма вырисовывает образ бессмертия. Но можно также утверждать, в совсем другом смысле, что, когда умирает индивид, часть его остается живой через то наследие, которое он передает своему потомству. Даже если к этому добавляется и наследие партнера другого пола, нечто лишь от него переходит в новое существо. Следовательно, относительное бессмертие, но все же бессмертие есть, по крайней мере в отрезке одного поколения.

Современная наука позволила женщине вернуться к полному бессмертию. Партеногенез, способный порождать новое существо, полностью идентичное своему родителю, придает непрерывному ряду мать–дочь (поскольку последняя в свою очередь становится матерью другой дочери) бессмертный характер. Все это ценой, безусловно, тех ограничений, к которым приводит чистое повторение того же самого. Таким образом, наше новое время подтверждает превосходство женщины, полностью самодостаточной, которая может любить в своем отпрыске свое собственное изображение. И вот мы уже находимся в направлении связи между нарциссизмом и бессмертием. Но и объектная любовь может здесь также обрести нечто выгодное для себя. Ведь супруг, который отказался бы от радости собственного отцовства, смог бы избавиться от грусти видеть увядание во времени объекта своей любви, если он позволит своей жене радоваться такой репродукции того же, что нашел он когда-то в расцвете ее давно прошедшей молодости. У него также появится огромное удовольствие от возможности узнавания ее во времени, с самого раннего детства, какой она была еще до того, как он ее встретил!

Оставим эти мечтания, приятные или ужасные, и вернемся к Фрейду, который не подозревал, что они могут стать реальными. На его взгляд, сексуальность является той функцией жизни, которая делает относительной силу индивида. Это легко можно заметить с первых же фаз его работ. Его первая теория влечений противопоставляла влечения самосохранения (индивида) сексуальным влечениям, где сохранение вида, если прямо и не ощущается, оказывается все-таки конечной целью. Другими словами, сексуальность покрывает одновременно поле индивидуума и поле вида, тогда как самосохранение касается лишь индивида. Таким образом, сексуальность, удовольствие (угрожающее самосохранению, начиная с этого этапа фрейдистского мышления) и отрицание смерти связаны общей судьбой, которую может выделить только анализ бессознательных процессов.

Однако со всей строгостью мы не можем говорить здесь о бессмертии. Быть лишенным любой репрезентации смерти и чувствовать себя бессмертным являются эквивалентами только на первый взгляд. Отсутствие представителя смерти в бессознательном не является поводом претендовать на бессмертие. Отрицание осознания смерти не относится к ее возможности и уж тем более – к ее неотвратимости. Абсолютное утверждение жизни, в форме осуществления желаний, не знает соперника. Самое большее – оно имеет дело с цензурой и никогда со знанием о смерти. Поэтому ссылка на кастрацию оказывается обоснованной. Она будет материализовываться путем оппозиции «фаллический – кастрированный». Концепция Фрейда построена на фаллоцентризме, это несомненно, так как, по его мнению, сущность любого либидо мужская, у обоих полов. Именно поэтому кастрация затрагивает – правда, по-разному – оба пола, поскольку она угрожает угасанием любой возможности удовольствия, вызывая страх смерти. В анализе забвения имени Синьорелли ассоциации Фрейда приводят его к тому, что он вспоминает слова турков, которые

полагают, что без сексуального наслаждения жизнь не имеет смысла. Что ж говорить тогда евнухам?

Понимание идей Фрейда невозможно, если не придавать им метафорическую оценку. Согласно утверждению Лакана, «Великий властитель пенис» (Фрейд) – это знак желания, его телесная, материальная опора. Это фаллическое присутствие, для которого фаллос, по Лакану, будет гарантом символического порядка, заслоняет влагалище, которое, как и смерть, по Фрейду, не может быть представленным. Мы вправе задуматься об избирательности памяти Фрейда, который обнаруживает в трагедии Софокла интуицию Эдипова комплекса, при этом забывая причину того, почему Тиресий, прародитель психоанализа, был кастрирован. Влагалище, испытывающее наслаждение в девять раз сильнее, нежели пенис, не станет означать ничего, а зависть к вагине – непостижимой. Мы не закончили с этим «отречением от женственности», которое Фрейд считал ответственным за ограничения психоаналитической терапии. Будем довольствоваться на данный момент тем, что подчеркнем трансиндивидуальную функцию сексуальности, но отметим, между прочим, что данная функция воплощается намного более четко у женщины, нежели у мужчины; женщина способна в определенный момент своего существования включать в одно тело два, разделенные отличием поколений, а иногда и отличием полов.

Когда Фрейд изменит свою первую теорию влечений, дабы предпочесть ей другую теорию, теорию о противостоянии между либидо Я и либидо объекта, а сексуальность распределится между первым и вторым, бессмертие останется в его размышлениях, как о том свидетельствует следующая цитата из его работы «О введении понятия нарциссизм» (1914):

«Индивид действительно ведет двойное существование – как самоцель и как звено цепи, которой он служит, вопреки или, во всяком случае, помимо собственной. Даже сексуальность он принимает как одно из своих намерений, тогда как, если смотреть с другой позиции, она представляет собой лишь придаток к своей зародышевой плазме, которому он предоставляет свои силы в награду за удовольствия, будучи смертным носителем, возможно, бессмертной субстанции, подобно тому как старший в роду – лишь временный владелец сохраняющегося и после его смерти имущества. Отделение сексуальных влечений от влечений Я отражало бы только эту двойную функцию индивида»².

Эти строки ясно показывают ту опору, которую Фрейд желает найти у Вейсмана, который отстаивал мысль об оппозиции зародышевого вещества и сомы. Лишь сома смертна. Нельзя ли тогда заключить, что между смертностью сомы и наградой удовольствия, полученной взамен осуществления целей зародышевого вещества, включается страх кастрации, связывающий зародышевую плазму и соматическую плазму? Идеи Вейсмана еще послужат Фрейду порукой несколькими годами позже, когда его мышление претерпит тот мутирующий скачок, выраженный в работе

---

² «О введении понятия нарциссизм» (1914 год), с. 48.

«По ту сторону принципа удовольствия» (1920). Спекулятивный характер его размышлений не должен заставить нас поверить в то, что мышление Фрейда приводится в движение само по себе. Потому что несколькими годами ранее, в 1911 году, он предался анализу «Воспоминаний...» президента Шребера, где бред автора указывал одновременно на нарциссическую регрессию через возврат либидо в Я, став мегаломаничным, и на фантазм бессмертия, скрыто присутствующий в фундаментальной теме новой реальности, созданной Шребером. Благодаря своей трансформации в женщину, путем кастрации, он после своего спаривания с Богом породил бы новую расу людей. В этом желании женского наслаждения Фрейд увидел лишь удовлетворение пассивных гомосексуальных желаний по отношению к Отцу, откуда страх кастрации исключен.

Но всего лишь несколькими годами позже, перед написанием работы «По ту сторону принципа удовольствия», анализируя в своей статье «Жуткое» (1919) проблему двойника, которой Ранк посвятил свой знаменитый труд, Фрейд явно вводит понятие бессмертия Я. Этот сдвиг от бессознательного к Я, которое открывает первичное аутентичное психическое выражение бессмертия, меняет его предыдущие перспективы. Анализ мифов и литературных произведений, относящихся к близнецовости, выявляет разделение Я на две части – которые представляют собой близнецов, из которых одна часть является смертной, в то время как другая часто наделена даром бессмертия. Здесь речь идет не о бессмертии сексуальности через биологическое призвание, ни об отсутствии репрезентации смерти в бессознательной психической жизни, но о вере Я, которая может стать и сознательной в виде вымысла. В 1900 году, в ту пору, когда он анализировал истерию, такое нормальное универсальное явление, как сновидение, позволило Фрейду доказать, что бессознательное не является достоянием невроза. В 1919 году доказательство возобновляется на тех же основаниях: бред также не обладает монополией на сознательные выражения бессмертия Я; коллективный или индивидуальный вымыслы, которые люди с удовольствием передают и разделяют между собой, не вызывая подозрения о болезни, – в этом даже обнаруживается религиозное возвышение души – также свидетельствуют о том, что Я – или его часть – большинства смертных считает себя бессмертным.

С этой точки зрения можно действительно говорить о бессмертии, то есть об аутентичном отрицании смерти внутри Я, имеющего понимание своей смертности, но при этом его двойник отказывается допускать фатальность конечности своего существования. Ссылка на сексуальность тем не менее не отвергается. Однако бессмертие зародыша не вписывается нигде в психике, так же как и то, что смерть не имеет репрезентации в бессознательном. Ответом на биологическую смертность сомы, как и на осознание смерти, является бессмертие части Я. Именно нарциссизм – как результат сексуализации влечений Я – является тому причиной.

Фрейд обнаружил истину, которая ему казалась достойной располагаться среди достижений науки – пустое место смерти в бессознательном. В этом наверняка победа Я, способного проникнуть в секрет большой территории, ускользающей от сознания. И вот он обнаруживает внутри

этого прозорливого Я, способного видеть по ту сторону самого себя, общника бессознательного, предателя, подрывающего собственные усилия в попытках добиться «большого света».

Здесь нам вновь следует связать спекуляцию Фрейда, рожденную как будто бы из анализа фикции, с тяжелыми разочарованиями клинического опыта. В начале его работы бессознательное и Я находятся в конфликте. Фрейд видел в Я своего самого верного союзника в терапии, потому что в рамках психики его роль – быть представителем отношения к реальности. Сознание до психоанализа переоценивало свою силу, но его значение оказалось менее незначительным, чем считается. Оно грешило по незнанию. Достаточно было, чтобы благодаря аналитику Я «осознано» и опознано настоящие связи между репрезентациями вещи (бессознательные) и репрезентациями слова (предсознательные-сознательные), дабы обрести реальную власть над бессознательным и не только над внешним миром. Можно по праву задаться вопросом, не вернул ли Фрейд в эту часть территории философии, которую отнял у нее ранее. Разве не философия всегда утверждала, что людям не хватает мудрости из-за невежества? Короче говоря, если причины безумия людей можно объяснить их незнанием бессознательного и если метод, предполагающий их от этого освободить, состоит уже не в том, чтобы философствовать, а в том, чтобы интерпретировать, пропасть между двумя дисциплинами, какой бы глубокой она ни казалась, оказывается способной быть заполненной, несмотря на неприязнь Фрейда к философам. Осознание – это как раз работа сознательного существа.

Эта последняя иллюзия, в свою очередь, должна была рухнуть, когда Фрейд сломал себе зубы о некоторые непокорные невроты, грустной парадигмой которых оказался случай Человека с волками. Вопреки всякому ожиданию интерпретация давних воспоминаний, а именно тех, что касаются «первосцены», не возвращала Я ни одного из своих владений, инвестированных со стороны бессознательного. Рациональное Я, похоже, отказывалось наводить порядок в своем собственном доме, хотя оно как будто бы принимало – не без видимой убежденности – построения психоаналитика. Оно спало с открытыми глазами и оставалось закрытым для всякого понимания... По прошествии лет Фрейду пришлось допустить, против своей воли, что он неудачно оказал доверие этому Я, не поддающемуся обработке. Если остается правдой то, что под страхом угасания Я способно отвечать адекватно на некоторые требования реальности, необходимо признать, что бывший союзник оказался способен скрыть эту половину самого себя – а была лишь половина? – которую он тайно сформировал и где желание быть бессмертным, каким бы безрассудным оно ни казалось, могло обрести убежище и веру. В свете констатирования данного недостатка следует пересмотреть структуру психического аппарата целиком. Именно это оправдывает новую концепцию Я во второй топике. Я, как утверждает Фрейд в 1923 году, является по большей части бессознательным. До такой степени, что некоторые из его основных функций, механизмы защиты против страха, оказываются такими же. Они имели смысл своего существования в раннем детстве, используя единственные

психические процессы, находящиеся в распоряжении еще слабого Я, пытаясь облегчить груз внутреннего напряжения, которое оно испытывало, прибегая к механизмам, которые меньше заботились о внешней реальности, чем о реальности психической. Во взрослом возрасте они кажутся устаревшими, более инвалидизирующими, нежели продуктивными, по причине их анахронизма. Цепляясь за свои верования прошедшего времени, Я не отказывается от них с легкостью, даже когда они правильно интерпретируются. Оно неохотно соглашается допустить их неадекватность, лишь стиснув зубы, когда оно не настолько слепо к непониманию собственного функционирования, а психоаналитик берет на себя труд показать это посредством переноса.

Вера в бессмертие, следовательно, укоренена в бессознательном Я. Смысл существования данной топографии кроется в сексуализации влечений Я. Незнание смерти в бессознательном нашло свое пристанище в Я. Инстанция Я сознательна, нужда обязывает быть инстанцией, гарантирующей рациональность, и через свое отношение с внешней реальностью она ощущает себя смертной, носит в своих складках двойника, страдающего манией величия, готового напыжиться до такой степени, чтобы затмить второго, иногда ради невинного удовольствия фикции, или – для поддержания веры. Она всплывает на поверхность под ударами психоза. Я является самой двойственностью, а его расщепленная структура участвует в его самом интимном функционировании – замаскированном в нормальности, но с открытым лицом – в болезни. Принятие материальной реальности – значение которой, кстати, не следует минимизировать, – ее неприятие реальностью психической (бессознательной) – такова данная диалектика, которая отвечает за то, что желание бессмертия обретает свой смысл, лишь сосуществуя с осознанием смерти.

Однако из той точки, в которой он находится в 1919 году, Фрейд осмысливает страх смерти как замещение страха кастрации. Бессмертие является для нарциссизма тем же, чем отрицание кастрации – для объектного либидо. Также Фрейд начинает подозревать вероятное влияние других факторов. Он был слишком хорошо осведомлен в развитии психиатрической клиники своего времени, чтобы не заметить тот факт, что синдром Котара, который наблюдался при меланхолии, идеи мании величия при деменциях душевнобольных или в терминальной фазе прогрессивного паралича, не могут быть объяснены одним нарциссизмом. Даже в рамках психоаналитических терапий сопротивление лечению имеет другие объяснения, нежели настойчивость Я в истощении себя ради поддержки отживших защит.

Немногие толкователи идей Фрейда были удивлены той тесной солидарностью, которая связывает последнюю теорию влечений со второй топикой психического аппарата. Оно, Я и Сверх-Я отныне замещают бессознательное, предсознательное и сознательное; последние сведены к тому, чтобы обозначать не более чем психические качества и лишены своей функции в качестве инстанций. В особенности старались подчеркивать отношения между двумя топиками – вторая, как казалось, лишь приступала к перераспределению ценностей первой. На самом деле введение

понятия влечения к смерти полностью меняло концепцию функционирования психического аппарата.

Можно оценить это, сравнивая взгляды Фрейда на меланхолию, спустя две написанные им работы. Более давняя «Горе и меланхолия», датированная 1915 годом, выражает концепцию, предшествующую последней теории влечений. Более поздняя, «Я и Оно», появилась спустя три года. В первой меланхолия еще видится под углом зрения либидинальной фиксации, без каких-либо ссылок на влечения к смерти. Конечно, стадия, к которой была привязана меланхолия, орально-каннибалистическая, предполагает разрушительное отношение к объекту; тут задеты оральный садизм и амбивалентность, но все происходит в рамках нарциссического и объектного либидо, без того, чтобы Фрейд принимал во внимание высокий деструктивный потенциал данного недуга, содержащего самый большой в психиатрии риск суицида. В «Я и Оно» меланхолия будет обозначена по-другому: «чистая культура влечения к смерти». Здесь ужасный антагонизм между влечениями к жизни и влечениями к смерти обнажает происходящую в психике битву титанов, а возможно, не только в психике. Работает как раз феномен разъединения влечений. Отсюда опасность кризиса, потому что уменьшение смешивания влечений имеет следствием освобождение влечений смерти от их связи с Эросом, от влечений к жизни. Их высвобождение придает им невероятную разрушительную силу, они более не ограничены гнетом Эроса, которому удавалось их связывать до сих пор, придавая им эротический характер. Это как если бы Эвмениды, покидая свое обиталище вследствие нового матереубийства, вернулись к своему бывшему образу безжалостных эриний, вампиров, требующих кровь за кровь.

Отныне Фрейд не может утверждать, что все страхи смерти оказываются субститутами страха кастрации. То, что могло быть верным в случае невротического переноса (истерия, фобия и в особенности невротическое навязчивое состояние), не является больше таковым в случае невротического нарциссического, прототипом которых можно считать меланхолию, и уж тем более в случае психозов³.

Анализ меланхолии показывает существование расщепления Я. Одна его часть идентифицируется с утраченным объектом, – именно эта потеря для либидо станет основой разъединения влечений, – в то время как вторая часть Я сохраняет свой статус. Можно предположить, каким образом такой отказ принять смерть объекта может способствовать вследствие размышления развитию фантазма о бессмертии Я.

По поводу кастрации Фрейд говорит о страхе, то есть об опасности, но, рассуждая о нарциссизме горя (и не только об этом), он говорит о нарциссической «ране», то есть имеется в виду не только угроза, а действительное увечье. И также желание при невротическом переносе может пройти в обход

---

³ Известно, что Фрейд вначале включил меланхолию и шизофрению в нарциссические невроты. В 1924 году он решился на то, чтобы ограничить лишь меланхолией данное определение, помещая шизофрению в разряд психозов, собственно говоря.

через вторичную идентификацию, дабы получить по доверенности награждение, предназначенное кому-то другому. В меланхолии идентификация с потерянными объектом (или с тем, который невозможно потерять) осуществляется первичным образом. Я «принимают» за утраченный объект. Оно само себя осыпает упреками, винит себя за малейшие грехи, придавая им такую серьезность, как если бы они были смертными грехами. Оно себя принижает и требует для себя самого ужасного наказания. Здесь мы имеем дело с притворством.

На самом деле часть Я восстает против другой его части в качестве ее злейшего врага, для того чтобы замаскировать желание измываться над объектом и реализовать в данном продолжении существования, которое представляет собой идентификация, садистские влечения, что были вытеснены в самом отдаленном прошлом. Дело не в самоубийстве, так часто удающемся при меланхолии, которое заслуживало бы оправдания интерпретацией в связи с оральной фазой инфантильной сексуальности. Таким образом, по причине смешения между Я и объектом вторая смерть объекта оказывается совершённой. Соединение с ним, отныне бессмертное, завершено. Блаженство вместе с объектом в бесконечности и неограниченности вновь обретенного рая оральной стадии не будет более знать никакого расставания. Такова концепция, изложенная в работе «Горе и меланхолия».

Когда Фрейд возвращается к проблеме меланхолии в своем труде «Я и Оно», он обновляет ее интерпретацию, тщательно изучая ее в рамках второй топики. Речь уже не о двух половинках одного Я, которые по этому случаю разделяются, чтобы бороться. Расщепление Я – от которого Фрейд тем не менее не откажется, так как его последняя работа называется «Расщепление Я в процессе защиты» (1938), – заменяется конфликтным отношением между Я и той его частью, которая давно уже отделилась: Сверх-Я. Тогда меланхолия представляет собой удручающий спектакль преследования Я тем безжалостным Сверх-Я. Это как Яхве, который карает свой избранный народ, потому что у него несгибаемый затылок, заставляя его заплатить цену этого выбора тем несчастным сознанием, которое у него должен был признать Гегель. На первый взгляд разница между идеями, высказанными в 1915 году и в 1923 году, кажется простым вопросом, касающимся нюансов. На самом же деле новая теория сильно отличается от прошлой. Так как Фрейд не устает повторять, что, в отличие от Я, Сверх-Я имеет своим источником Оно. Другими словами, что мораль, вестником которой оно является, закреплена в глубинах самой дикой инстанции психики, инстанции, которая влияет на оба влечения так, что превращает ее во взрывоопасную смесь, в которой любое ослабление Эроса – происходит ли оно из-за внешнего реального горя или из-за чрезмерного разочарования, которое вызывает изменение в объекте переживаемого во внутренней реальности, – превращает жизненную смесь в бульон летальной культуры. И Фрейд впоследствии вскользь заденет Канта, заметив, что категорический императив далеко не столь незыблемый, как он это утверждает, так как меланхолия в первую очередь,

но также и менее серьезные формы мазохизма свидетельствуют о том, что Сверх-Я подвергается изменениям, которые полностью отнимают у него весь трансцендентальный характер.

Через год после написания работы «Я и Оно», в труде «Экономическая проблема мазохизма» (1924) – приложении к эссе 1923 года – Фрейд пойдет еще дальше. Он будет четко делать различие между мазохизмом Сверх-Я, отвечающим за «ресексуализацию» морали, и мазохизмом Я какого-то таинственного происхождения, который еще больше препятствует терапии, чем предыдущий. Так как мазохизм Сверх-Я является выражением *связывания* влечений смерти; не будем также забывать, что Сверх-Я оказывается в том числе и «Защитной силой судьбы», в связи с чем можно сказать, что оно охраняет индивида, поддерживая главные запреты, предписанные обществом. В то время как мазохизм Я будто бы отражает диффузное пропитывание психического аппарата чрезмерной разрушительностью, распределенной по всем инстанциям, в несвязанном, то есть в не контролируемом состоянии.

Чем больше Фрейд продвигается в своем размышлении, тем более ему открывается Я, неспособное отвечать своим задачам. Как слуге трех господ, Оно, Сверх-Я и реальности, имеющих противоречивые требования, Я необходимо считаться с той незрячестью, которая ослепляет его бессознательную часть, но еще и с той отравой, что подрывает его изнутри: с влечением к смерти. Оно становится гнездом конфликта, который открывается во всей своей полноте лишь при болезни, но которое присутствует у всех. Инстанция Я втиснута между упрямством не покидать свои самые давние либидинальные фиксации, несовместимые с ограничениями, наложенными внешней реальностью – относящейся к физическому, но также и к социальному миру, – и разрушительностью влечений смерти, с центробежной или с центростремительной ориентацией; оно изнуряется в процессе затыкания дыр, заполнения брешей, подпорки стен, идя от одной аварии к другой, чтобы держаться на ногах. Конечно, это пессимистическое видение. Жизнь, настолько, кажется, идет своим путем, что мы, возможно, недостаточно удивляемся тому, что она может быть приятной, как Эйнштейн утверждал, что мы недостаточно удивляемся тому, что Вселенная может быть понятной.

Много было толков о причинах, побудивших Фрейда выдвинуть рискованную гипотезу влечения смерти. Его подозревали в том, что он был задет личными событиями, которые несли ответственность за данную мутацию, украшающую психический аппарат в цвета смерти. Эта точка зрения, так мало верящая в силу жизни, сменила предыдущую, которая превозносила в сексуальности свою укрепляющую мощь, лишь под влиянием старения, которое стало причиной меньшего сопротивления перед испытаниями, налагаемыми судьбой (рак, утрата дочери и внука и т. д.). На самом деле то, что мы знаем относительно биографии Фрейда, заставляет нас скорее думать, что его интерес к смерти восходит к более

давним временам. Он присутствует в момент зарождения психоанализа⁴. Переписка с Флиссом тому доказательство.

Здесь мы открываем Фрейда, который в угоду «теории периодов» своего друга, предается исчислениям относительно предполагаемой даты своей смерти, и это происходит в период, когда его здоровью угрожают сердечные симптомы, не всегда невротические или психосоматические. Было бы правомерным считать, что годы, когда Фрейд связал себя узами дружбы с Флиссом, были отмечены сильной стимуляцией его гомоэротических сексуальных влечений, это подтолкнуло его к мазохистскому подчинению размышлениям этого человека, которого он глубоко уважал. Также следовало бы подчеркнуть тот факт, что эта дружба оказалась окрашенной в тона нарциссической экзальтации отношений в зеркале. И если амбивалентность присутствовала в этих отношениях – так как Фрейд сталкивался с сопротивлением со стороны Флисса в том, чтобы признать его открытия, а со своей стороны он оказался очень поддающимся влиянию взглядам берлинцев, – несомненно, разрыв произошел из-за какого-то прилива, произошедшего в его собственном нарциссизме. Короче говоря, в этой связи с Флиссом Я Фрейда играет в двойную игру. Оно знает, что является смертным, и придает своим достижениям характер бегства от смерти, в то же время либидинизируя страх смерти тем, что он называет своей «неловкостью» (а именно гомосексуальностью). Взамен он желает стать бессмертным – более рационально, в поиске того бессмертия, которое обеспечено его открытиями. И в конце концов он решает предоставить старшинство над другим за счет этой части себя. Достаточно напомнить те фантазмы, что появились при анализе сновидения Ирмы, воображаемую мемориальную доску, увековечивающую его открытия в области сновидений, на которую будут взирать прохожие в будущем.

Известна аналогичная история, которая произошла с другим лицом, старше его по возрасту, Брейером, которому он будет приписывать – из-за чрезмерной своей скромности, которая, возможно, маскировала одновременно его гордость и его чувство виновности – свои собственные находки. И к тому же именно робость соавтора «Этюдов об истерии» – ограничения, которое ему диктовало слишком рациональное Я – стала причиной окончания данного сотрудничества.

Брейер, Флисс... этот ряд должен был завершиться Юнгом, так как Фрейд, слишком задетый разочарованием, нанесенным ему тем, кто на этот раз был младше, решил покончить с ловушками сублимированной гомосексуальности⁵. Он щадил, насколько мог, этого наследного принца, изображая снисходительного родителя, сталкиваясь с выражениями Эдипова комплекса, достаточно ясного, дабы позволить ему распознать

⁴ Чтобы не сказать ничего о предыдущих годах, насчет которых у нас отсутствуют сведения из первых рук.

⁵ Ференци и другие эпигоны, которые позже пожелали занять это место в сердце Фрейда, ошиблись в своих расчетах.

желание отцеубийства у того, кому он хотел передать свою корону. Принц Хал вступил на трон своего отца задолго до того, как тот почил. По прошествии определенного периода гомосексуального подчинения – вспомним об обмороке Фрейда во время одной их встречи – он порвал отношения с сыном, так же как он положил конец своей связи со своими старшими товарищами, которых он бессознательно считал больше своими отцами, нежели равными себе. Фрейд отказался от преждевременной смерти, ведь он уже заботился о своей преемственности и о будущем своих трудов, которые легче были бы приняты от не-еврея, и продолжил завоевание своего бессмертия.

Известно, что среди причин, и не самых маленьких, которые подтолкнули Фрейда отбросить свои гипотезы относительно распределения влечений на либидо Я и на либидо объекта, было то, что он посчитал данную концепцию – выработанную после разрыва с Юнгом – слишком близкой идеям последнего, того, кто предпочел диссидентство для достижения собственного бессмертия. Теория, придающая нарциссизму столь важное место, возможно, стала следствием работы горя, которую следовало закончить, подчеркивая несовместимость теорий Фрейда и Юнга. Безусловно это объясняет тот факт, что последняя теория влечений, представленная в труде «По ту сторону принципа удовольствия», написана семь лет спустя после работы о нарциссизме, к которому Фрейд теряет любой интерес. Нарциссизм был лишь поворотом, остановкой на пути, который должен был привести к цели в 1921 году. Данная цель никогда больше не была пересмотрена, в течение всех восемнадцати лет, что ему еще оставалось прожить. Фрейд настолько повернулся спиной к нарциссизму, что он даже не удосужился объяснить своим ученикам и публике, которую он старался заполучить вне принадлежащих к профессии, каким образом возможно пересмотреть его предыдущие – однако очень убедительные – идеи в свете новых гипотез.

Можно было бы подумать, что начиная с 1920–1921 годов Фрейд осознал, что амбивалентные отношения, которые выражались в последовательных, дружественных связях с Брейером, Флиссом и Юнгом, были лишь экраном. Речь больше шла не о том, что сознательная или предсознательная враждебность, которую они проявляли по отношению к нему, противостояла полному раскрытию его гения, а о том, что его собственная агрессивность была направлена к самому себе. Иначе говоря, у него не было худшего врага, чем он сам.

Однако если объяснять торможение функции синтеза, которая возлагается на Эрос, влечением к смерти, то не следует тем не менее оставлять без внимания те формы, в которых мы наблюдаем связывание Эроса с влечением к смерти: агрессивность, направленная на другого, гомосексуальность и нарциссизм. Бессмертие Я можно также рассматривать через призму, которая разделяет на составляющие, что обнаруживаются при более близком анализе создания двойника, благодаря которому данный фантазм доходит до сознания.

Все это указывает на сложность того, что Ж.-Б. Понталис по праву называл «работой смерти» у Фрейда⁶. Мы далеки от мысли, что создатель психоанализа столь легко поддавался искушению предложить причудливую гипотезу с влечением к смерти, мы окажемся гораздо ближе к истине, если подчеркнем, как долго Фрейд этому противостоял. Стоит лишь подумать о другом диссиденте, а именно Адлере. Последний протянул в сторону Фрейда шест, за который тот не ухватился. Он мог бы поддаться искушению и по-другому сформулировать то, что из-за своей ограниченности не смог сделать его ученик. Наоборот, Фрейд взял время на размышление, откладывая написание работы, которую ему пришлось очень долго вынашивать до того, как черным по белому изложить идеи, представленные им вначале с осторожностью, не требуя признания других. В данной области сомнения были допустимы, в отличие от других концептов, таких как бессознательное, вытеснение, Эдип и трансфер, которые были условиями *sine qua non* для всех считавших себя психоаналитиком. По мере того как шли годы, с 1921-го по 1939-й, спекуляция должна была стать уверенностью. Для него по крайней мере.

Влечение к смерти работает в тишине, говорит Фрейд, а вопль Эроса покрывает глухой шум его губительного воздействия. Тишина, иногда прерванная некоторой тревогой, отпечаток которой остается в написанном. «Тема трех шкатулок» конкретизируется в трех женских лицах: любовница, прародительница, земля, в которой почтили тела, покинутые жизнью. Фрейд чувствовал себя близким к старому королю Лиру задолго до своего старения. Бессознательное соучастие связывало его с Брейером, и каждый из них со своей стороны назвал свою спутницу Корделией. Старик, несущий на руках молодую девушку, был лишь обратным образом другой картины, намного более вероятной, смерти, уносящей старика, все еще остающегося ребенком. Мифология преимущественно ассоциирует смерть с женщиной. Если подобную репрезентацию можно оправдать интерпретацией, относящей к страху кастрации, то в недрах коллективного бессознательного с незапамятных времен проводится параллель между смертью и внутриутробной жизнью.

Во многих культурах, особенно в архаические времена, мертвых помещали в могилу в позе зародыша. Самой распространенной идеей в верованиях многих народов – увековеченных монотеистическими религиями – является идея о том, что смерть ведет к воскрешению в другом мире.

Текст статьи «Жуткое» заканчивалась на молчании, которое нам навязывает факт непредставления как смерти, так и влагалища. И человек поражен немотой, сталкиваясь с этим непостижимым. Но, что еще хуже, как можно жить, являясь женщиной, изувеченной репрезентацией части *своего* тела, сокращенной до зависти к отсутствующему у нее половому органу? Конечно, пенис приметен, тогда как влагалище не видно. И существует ли в этом, как будто вопреки, слишком сильный стимул к репрезентации?

⁶ Ж.-Б. Понталис. Между сновидением и болью. «Галлимар», 1977.

Фаллоцентрическая концепция Фрейда производит значительную чехарду. В том, что касается сексуальности, выражение смыслов придает пенису репрезентабельность, которая учитывает замещение и сгущение, объектом которых он может быть в бессознательном. Однако в том, что касается материнства, Фрейд меняет стратегию. Материнство удостоверяется через чувства⁷. Но тот же фаллоцентризм, который дает пенису исключительную силу репрезентации, будет играть здесь роль в обратном смысле. В своей работе «Моисей и монотеизм» (1938) Фрейд припишет сомнениям в отцовстве развитие интеллектуальной любознательности, прогресс в духовности, согласно его выражению, состоящий в наделянии большей ценностью интеллектуальной дедукции, нежели результатов чувственного познания. Исходя из этого, следовало бы придать женщине большую интеллектуальную проницательность, через дедукцию, которая должна быть вдохновлена скрытым положением ее полового органа. Фрейд отказывает ей в этом. Во имя чего?

Дело в том, что влагалище, эта «древняя родина людей», из которой вышло любое человеческое существо, вызывает знакомую странность или странную фамильярность, до такой степени, что об этом невозможно что-либо молвить, одним и тем же молчанием покрывается женский пол, что и смерть, превращая женское в квазиестественное состояние, а культура остается занятием мужчин. Миф о женщине, дающей жизнь и смерть, подтолкнул Фрейда к тому, чтобы одновременно идеализировать образ матери, а также видеть в отказе от женственности – у обоих полов – причину настойчивости болезненного состояния. То есть в этом исходящая от матери опасность, общая для обоих полов, – угроза, которую следует отвратить почти столь же сильно, что и угрозу смерти. Является ли это еще одной превратностью страха кастрации? С момента введения влечений смерти мы уже не можем больше на нее ссылаться во всех обстоятельствах.

Постфрейдистский психоанализ, самой значительной фигурой которого является женщина, Мелани Кляйн, смог показать, что идеализация образа матери – это отрицание страха преследования, объектом которого она является. Ссылка на психоз – шизоидно-параноидные и депрессивные позиции – возобновляет разделение, присутствующее в психиатрии со времен Крепелина, современника Фрейда. Она же заменила невроз, который послужил Фрейду для разъяснения страха смерти кастрационной тревогой. Мелани Кляйн, которая должна была поймать Фрейда на слове – и, безусловно, больше чуждым нежели знакомым способом, – считала, что и влагалище, и смерть имеют репрезентацию в бессознательном. Можно было думать, что они там занимают почти все место. Фаллоцентризм Фрейда, которому оставался верным Лакан – «Женщина не есть вся» – оказался развенчанным «маммо(грудь)центризмом» Мелани Кляйн. Задолго до появления вопроса о кастрации ребенок с рождения разделен проблемой хорошей и плохой груди. Еще до того как ребенок, который, конечно,

---

⁷ Кроме трансфера.

купаются в море слов, начинает говорить, «мысли», которые можно у него предположить, вращаются вокруг переживаемого им уничтожения (аннигиляции). Он обязан своим выживанием манихейским механизмам защиты, которые с грехом пополам структурируют весь мир вокруг рая и ада – но второй оставляет больший след, нежели первый – обитателем которых он по очереди был, то безмятежный, то терроризированный. Чем становится в данном контексте бессмертие Я? Следует ли смириться с тем, что обе версии оказываются несовместимыми? Возможно, нет. Подчеркивая уязвимость Я, перегруженного многими последствиями разрушительности, мы лишь делаем более необходимым фантазм его бессмертия.

Мы его обретаем еще на уровне первоначального нарциссизма. Бессмертие – это состояние идеализации Я, существование которого, мы знаем, ставится под угрозу. Неуязвимость, которая ему таким образом придается, является солидарной с состоянием, которое можно охарактеризовать либо как самодостаточную бисексуальность, либо как безразличную асексуальность, или как сексуальную недифференцированность. Я, которое являлось самим нарциссизмом целиком, освобождает место для Я, зависящего от всемогущего первичного объекта. В своих самых обработанных формах выражения раздвоенное Я более не нуждается в комплементарном объекте, принадлежащем другому полу. Нарциссическая законченность больше не является результатом слияния с объектом, сейчас она рождается из того отношения, которое Я поддерживает со своим двойником. Тем же образом, которым можно было бы сказать, что идеалом аутоэротизма являются «губы, сами себя целующие», можно было обнаружить в фантазме бессмертия симметрический идеал Я, который занимается любовью сам с собой либо со своим раздвоенным выражением, не обеспокоенным ни страхом кастрации, ни страхом смерти.

Я не защищает более свою целостность или свое единство желанием бессмертия. Я отрицает свои границы в пространстве и во времени. Оно более не знает конечности бытия или истощения от здесь и сейчас. Серия образов, изображающих бессмертие, идет от первичного слияния молодого Я с объектом к нарциссической инвестиции Я, затем к инвестициям двойника, в когерентном движении развития.

Психотическая угроза начинается с ипохондрии: последняя объясняется блокировкой либидо в части тела, которая живет самостоятельно, выражая самые первые проявления психической фрагментации, которая разорвет Я в клочья, если разовьется психоз. Есть смысл в том, что Фрейд отделил ипохондрию от меланхолии, потому что необходимо больше, чем нарциссическая регрессия, чтобы учитывать то, что, по видимому, относится к разрушению единства Я. И вовсе неслучайно сторонники понятия влечения к смерти оказываются сегодня в рядах «психосоматиков» – по крайней мере те, кто принадлежит к Парижской школе, во главе с П. Марти⁸.

⁸ П. Марти, *Индивидуальные движения жизни и смерти и Психосоматический порядок*.

Концепт влечения к смерти вызвал различные интерпретации – от Гартмана до Лапланша. Что касается первого, то из теории Фрейда он обратил внимание на значение агрессивности и особенно – на приравнивание ее к сексуальности. Но речь лишь о влечениях, обращенных вовне, направление, в котором Фрейд видел лишь вторичное отклонение, то есть отвод наружу наибольшей части первоначальной летальности. Лапланш предпочитал говорить о сексуальных влечениях жизни и о сексуальных влечениях смерти⁹. Как бы там ни было, мало авторов, которые не признавали бы необходимости придавать силам смерти статус группы влечений. Даже если бы мы отказались от идеи первоначального мазохизма, изменение направления мазохизма в сторону Я и значимость обращения в противоположность (любви в ненависть) являются для Я угрозой достаточно ощутимой, чтобы принудить его создать фантазм бессмертия, особенно когда Я страдает от недостатка нарциссизма.

Радикализм Фрейда подтолкнул его к выражению формулировок, которые могут казаться противоположными его первичным концепциям. Курс жизни, спешащей к смерти, – не место для исчерпания потенциала на грани ресурсов; он является следствием активного смертоносного процесса, захватывающего все больше места с возрастом или по причине биологического оснащения субъекта. Сексуальность оказывается оживляющей лишь при условии, что ее держат в надежном месте. И вот уже из-под пера того, кто так усердно придавал сексуальности заслуженное значение источника жизни, выходят слова о том, что принцип удовольствия действует от имени влечения к смерти! Данная идея, кажется, сильно повлияла на труды Жоржа Батая¹⁰. «Экономическая проблема мазохизма» выдвигает на первый план заимствованный у Барбары Лей принцип Нирваны, который действует в пользу влечений смерти, а принцип удовольствия, служащий сексуальным влечениям является лишь измененной формой принципа Нирваны у живых существ. Не нужно прилагать много умственных усилий, чтобы понять – ссылка на Нирвану об этом свидетельствует – что влечение к смерти и бессмертие отсылают друг к другу.

Мы видим, сколь неравна борьба между Эросом и влечениями смерти, так как они всегда сохраняют за собой последнее слово. Индивид, как напишет Фрейд незадолго до своей кончины, в одной из немногих замечаний, которые он оставил, поддается разрушению со стороны своих внутренних конфликтов, в то время как вид погибает из-за своего конфликта с внешним миром. Пройдя сквозь все научные работы Фрейда, его революционное утверждение, которое сводило страх смерти к страху кастрации, сузилось, как шагреневая кожа. Неосознавание смерти превратилось в неосознавание стремления к умиранию. Возможно, следует об этом сказать иначе: горе по материнскому пенису было причислено к более общей категории объектных потерь (частичных или тотальных). Меланхолия,

---

⁹ Ж. Лапланш, *Жизнь и смерть в психоанализе*, изд. Фламарион.

¹⁰ Ж. Батай, *Эротизм*. Минью и (Полночь), 1957.

чье-то несчастье, отправляет нас к прототипу горя, которое, вероятно, является причиной данной всеобщей беды, от которой психоанализ отказался начиная с работы «Исследования истерии» (1893–1895). Если вдумчиво прочитать научные труды Фрейда, то есть читать их наоборот, с 1939 года и до истоков, можно с удивлением отметить, что поздний принцип Нирваны – изобретение которого здесь также приписано другому – уже существовал в его голове под названием принципа инерции (невозбудимость неинвестированных систем)¹¹. Психика, которая притворяется мертвой под предлогом не видеть нарушенным свое душевное спокойствие, не стремится ли она безотчетно, постоянно, к этому состоянию?

Никто не может избежать депрессии, которая связана с самими условиями человеческого существования, она оказывается той ценой, которую мы платим за привязанность к объектам, придающим радость нашей жизни. К счастью, не все мы погибаем из-за этого. У большинства из нас влечения жизни возвращают отказавший нам в определенный момент вкус к жизни. Либи́до одерживает верх, оно инвестирует новые объекты или же реинвестирует объекты, причинившие нам разочарование, что послужило поводом для их дезинвестирования. Даже горе по самым дорогим нам существам, которых мы считали незаменимыми, однажды заканчивается. Это тот великий урок, который нам преподают Монтень и Пруст. Забвение служит жизни, при его отсутствии бессмертие стало бы тяжелым бременем. Вытеснение также оказывается сохраняющим. Если горе становится нескончаемым, то безутешную утрату следует относить не к категории любви, а, наоборот, к злобе, рожденной от потери объекта, который не называет своего имени.

К двум порядкам аргументов, питавших размышления Фрейда о смерти – реакции на события, которые его затронули, и резистентности к лечению при негативной терапевтической реакции, приписываемой мазохизму, – добавилось свидетельство социальной жизни: война 1914–1918 годов. Хотя он и поддался националистической страсти – а как бы он смог ей противостоять, имея детей на фронте? – он в этом нашел, без всякого сомнения, еще один стимул для выдвижения гипотезы о влечении к смерти. Людская бойня в той войне, которую назовут мировой, могла бы подтолкнуть к мысли, что данное влечение имело своей первичной целью смерть другого. Это было лишь видимостью. Фрейд воспользовался этим для расширения рамок своей проницательности в работах «Рассуждения о войне и о смерти» и «Наше отношение к смерти»¹². Там он отметил безразличие людей к смерти тех, кто не является частью нашего либидинального достояния. Но и в случае последнего, как бы больно ни было, мы в конце концов миримся с тем, что их больше нет среди близких. Так как, несмотря на огромную привязанность, которая нас с ними связывает, они всегда являются лишь гостями, которых мы принимаем внутрь себя. Они

¹¹ См. «Очерк научной психологии» (1895) в работе Рождение психоанализа / пер. А. Германа. П.Ю.Ф., 1956.

¹² В работе «Очерки психоанализа», в новом переводе Маленькой Библиотеки Пэйо.

остаются, по сути, чужими для нашего самого сокровенного Я, которое переживает их исчезновение. Однако, если смерть продолжает быть непостижимой для нас, возможно, что уход тех, кто был нашим объектом любви, и отнимает у нас идею бессмертия.

В работе «Тотем и табу» (1913) Фрейд объясняет, что мышление «примитивных» людей стало вдруг верить в бессмертие и это произошло по множественным причинам. Одна из них показывает, насколько объяснимым может быть такое верование. Смерть лиц, инвестированных либидо и интериоризированных в Я, не уничтожает их существование внутри нас. Их следы в нашей памяти поддерживают их жизнь в психике, они вновь появляются в наших снах в форме, которой обладали за много лет до того, как покинули этот мир. Их тело исчезло, а их душа обитает в нашем бессознательном. Если их душа бессмертна, то и наша также. Призраки посещают сон живых и повергают в печаль, даже без нашего ведома. «Тень объекта (то есть его призрак) падает на Я», – читаем мы в работе «Горе и меланхолия». Мы вправе думать, что подобная угроза делает сон невозможным: леди Макбет проживала, бодрствуя, нескончаемый кошмар, прекратившийся лишь с ее смертью. Мертвые напрашиваются в гости, когда хотят в чем-то нас упрекнуть или когда они должны напомнить о каком-то долге.

Короче говоря, мы думали, что уже оплакали наших ушедших дорогих людей, но данная скорбь никогда не была настолько полной, как мы себе это представляли. Души умерших обретают новую жизнь в бессознательном, даже если они более не жаждут крови и щадят наш вкус к жизни. Как тут не вспомнить о тесных связях, которые объединяют траур с состоянием влюбленности? Одно сменяется другим, наподобие обратной стороны или противоположного двойника. Если думать как Фрейд – об этом можно и поспорить, – что любовь обедняет нарциссизм, так как переоценка объекта неразрывно связана с недооценкой Я¹³, мы способны лучше понять, что когда состояние влюбленности утрачивает пыл или исчезает, Я раздувается от чувства своего собственного значения и вновь дает повод бессмертию существовать. М. Торок¹⁴ замечает по праву, что сразу после смерти дорогого нам существа и до начала собственно работы горя Я реагирует на данную утрату посредством короткой эйфории – чаще всего обойденной молчанием, по очевидным причинам, – которая объясняется не только неприятием смерти, но скорее торжествующим удовлетворением Я, оставшегося в живых. Маниакальная скорбь или обращение

---

¹³ К. Давид, в работе *Состояние влюбленности*, (Маленькая Библиотека Пэйо), отметил, что любовь может также повысить нарциссизм, вызывая у влюбленного экзальтацию, сопровождающуюся состоянием восторга, являющегося результатом идентификации с переоцененным объектом, особенно в случае, когда любовь оказывается взаимной. Можно было бы сказать, что при таких обстоятельствах именно пара считает себя бессмертной, что могло бы объяснить суицид вдвоем при крайней степени любви, как в случае Г. фон Клейста.

¹⁴ М. Торок. Болезнь горя и фантазм чудесного трупа. Н. Абрахам. «Ядро и скорлупа». Обье-Фламмарин. С. 229–251.

меланхолии в манию отражают защитные ресурсы Я, которое здесь обнаруживает намного большую реакцию, нежели просто «здоровое безразличие».

Следовательно, есть целая совокупность достаточно убедительных аргументов о том, что бессмертие Я обладает очень широким полем в психике, так как оно простирается от нормальности до психоза. Если правомерно относить его к нарциссизму, то необходимо добавить, что это тот же нарциссизм, который внутри Я напрямую страдает от влечений смерти. Полагаю, что невозможно придерживаться явных формулировок по поводу нарциссизма Фрейда, который полностью располагает его на стороне влечений жизни. К положительному нарциссизму надо прикрепить его обратного двойника, который я предлагаю назвать *негативным нарциссизмом*. Таким образом, Нарцисс оказывается также и Янусом. Вместо того чтобы поддержать цель объединения Я, используя сексуальные влечения, негативный нарциссизм под властью принципа Нирваны, который представляет влечения смерти, стремится к снижению любого либидо до нулевого уровня, ведя к психической смерти. Мне кажется это логическим заключением относительно того, чем, в свете последней теории влечений, становится нарциссизм. За пределами фрагментации, которая дробит Я и возвращает его к аутоэротизму, *абсолютный* первичный нарциссизм желает обладать миметическим покоем смерти. Он является поиском нежелания Другого, несуществования, небытия, другой формы доступа к бессмертию. Никогда Я не было более бессмертным, чем тогда, когда оно утверждает, что больше не имеет никаких органов, никакого тела. Как и больной анорексией, который отказывается быть зависимым от своих телесных нужд и уменьшает свой аппетит путем радикальной ингибиции, дает себе умереть, как на это так правильно указывает язык.

Не только индивиды позволяют себе умереть. Есть также целые цивилизации, которые, похоже, страдают апатией, отказываясь от своих идеалов, погружаясь в пассивность, что оказывается предвестником их исчезновения, а также того, что они утратили всякую иллюзию о будущем. Именно в этом кроется один из аспектов последней части работ Фрейда, на что недостаточно обратили внимание его толкователи. Если Фрейд и продолжал день изо дня убеждать себя в обоснованности утверждения главенствующей роли, которую играют влечения к разрушению, то это происходило не по причине неправильного обобщения представленного клинического опыта. Нам известно, что его чаяния не ограничивались, как мы знаем, прояснением тайны невроза или даже психоза. Лечение неврозов было лишь применением метода. Слух психоаналитика, привыкший к клиническим выводам, не столь уверен по поводу того, что он способен уловить и разгадать в сознательном дискурсе общества. Общества – от самых «диких» и до самых цивилизованных – непрерывно кричат о желании жить в мире, при этом раздирают друг друга как на войне, так и в миру.

Любая война, не является ли она, в конце концов, наилучшей защитой от братоубийственной угрозы гражданской войны? Шекспир уже как-то это признал.

Цивилизация – всего лишь результат равновесия между влечениями жизни и влечениями смерти. Она улучшает судьбы индивидов, позволяет им пользоваться многими преимуществами, неизвестными нецивилизованным народам, – но у тех, впрочем, есть другие преимущества. Но она также является излюбленным полем влечений смерти. Практически не существует достижений технического прогресса, которые не были бы использованы в смертоносных целях. Кроме того, цивилизация навязывает индивидам отказ от удовлетворения влечений, что сокращает поле действия Эроса. Именно она способствует вытеснению, возвышает сублимацию и склоняется к самоудовлетворению. Неискоренимый нарциссизм приводит к мысли о том, что какая-то одна цивилизация лучше других. Конфликт назревает даже между так называемыми цивилизованными нациями, давая волю варварству, которое оправдывается самыми благородными идеалами. Данная программа взывает к компенсации уступок, требуемых от Эроса, которые не могут быть удовлетворены лишь развертыванием сил агрессивности. Безусловно, у идеала появилась функция по принятию мер по этому поводу, когда-то это происходило при помощи религии, затем, вчера и сегодня, – при помощи политических идеологий.

Бессмертию богов отвечало бессмертие героев (воинов, атлетов, политиков, святых, философов, артистов и ученых). Нелишним будет напомнить: между работами «По ту сторону принципа удовольствия» и «Я и Оно» был еще текст под названием «Психология масс и анализ Я» (1921), где Фрейд, сам того не ведая, предсказывал судьбу некоторых европейских обществ, которая толкала их к диктатуре. Но тут он оказался робким, так как не посмел использовать ресурсы последней теории влечений, которую только что представил. На тот момент, когда он еще колебался насчет значения своего открытия, ему показалось подходящим, вторгаясь в социальную сферу, не добавлять к предположительному характеру своего исследования гипотетическое влечение к смерти. Но работа «Болезнь цивилизации» (1930) исправит это упущение. Труд «Моисей и монотеизм» (1938) продолжает идеи текста «Тотем и табу» (1913), смело утверждая, что отец таки был убит своими сыновьями – вопреки всякой очевидности. Не столько для того, чтобы указать на постоянство Эдипа в обществе от самих его истоков, сколько для того, чтобы вновь подчеркнуть работу влечения к смерти и те способы, посредством которых народ может противиться своему собственному исчезновению. Сосредоточение вокруг одной Книги, его единственный вклад, говорит он, в процесс развития цивилизации. Политический проект сегодня принял эстафету у Священного Писания.

В наши дни, похоже, многие современные общества больше не способны придать фантазму бессмертия коллективную опору путем празднования обрядов или поминания прошлого. Лишенное связи с сообществом, бессмертие оказалось заброшенным, как позабытая могила. Оно отнесено к своеобразному верованию, к «частной религии», все еще сильно закрепленной в психике, но стесняющейся критики со стороны рационального Я. Конечно, это всего лишь показная реакция, имеющая мало последствий для внутреннего мира. Требования рациональности положили

конец этому поручительству, полученному индивидуальным Я от такого благовидного и даже похвального разделенного убеждения; индивидуальная гордость питалась своим коллективным выражением; даже если каждый в душе знает, что будущее не может обойтись без подобной иллюзии бессмертия, он жалеет об утраченной общности.

Мы можем по праву спрашивать себя: что станет с этим существенным выражением отношения человека к смерти, к *собственной* смерти, без социальной поддержки? Вполне возможно, что те общества, которые поддерживают веру в бессмертие индивида и которые жертвуют собственной жизнью в надежде наступления утопического золотого века, будут торжествовать свою победу над теми, у которых бессмертие сведено лишь к отпрыску индивидуального бессознательного.

Как бы то ни было, кажется сомнительным, что такая более или менее фанатическая вера могла бы реализовать свои цели, не прибегая к разрушению обществ, руководимых различными идеологиями, и, как нам показывает опыт, не прибегая к насилию в своих собственных рядах. Так как погоня за мегаломаническими идеалами (изменение человеческой природы!) требует многих смертей. И тогда следует ожидать разочарования, которое наступит и не заставит себя ждать, тормозя осуществление обещаний. Под давлением людей и событий эти общества, возможно, окажутся вынужденными вернуть Эросу определенные права, которых он был лишен. Таковыми были выводы работы «Болезнь цивилизации», написанной вот уже больше пятидесяти лет тому назад. Можно ли надеяться на то, что бессмертие, поставленное на службу Эросу, сумеет возложить на себя более скромные задачи, находя достаточное нарциссическое удовлетворение в гордости принадлежности к некоей культурной традиции, без того чтобы презирать другие и добавлять к удовольствию принадлежности радость преемственности, детища единения. Возможно, именно эта – та форма, которую примет вызов, брошенный современному человеку – надеяться лишь на себя самого, когда боги покинули небо. Фрейд вновь обратился к стоической морали в своих размышлениях о жизни и смерти. Сегодня, вероятно, недостаточно просто спокойно готовить себя к возможности смерти. Следует пытаться дать отпор искушению предаться ей коллективно, ведь она угрожает всей планете губительными разрушениями.

Август 1982

Ссылки:

Уже опубликованные тексты были пересмотрены. В содержании не очень значимые изменения, они касались в особенности формы. Редкие вставки служили главным образом для уточнения того, что было сформулировано некоторым эллиптическим образом в предыдущем издании. Я благодарю Оливье Грина за помощь, которую он мне оказал в написании окончательного текста.

– «Другой, Нейтральный: нарциссические значения Самого», *Новый журнал психоанализа: Нарциссы*, 1976 год, номер XIII.

– «Первичный нарциссизм: структура или состояние?», *Бессознательное*, номер 1, 1966 год, номер 2, 1967 год.

– «Страх и нарциссизм», *Французский журнал психоанализа*, 1979 год, XLIII, стр. 45–87.

– «Моральный нарциссизм», *Французский журнал психоанализа*, 1969 год, т. XXXIII, номер 3.

– «Средний род», *Новый журнал психоанализа, Бисексуальность и различие полов*, 1973 год, номер VII.

– «Нарциссизм, вчера и сегодня», неопубликованная работа.

– «Мертвая мать», публичная лекция, представленная Парижскому психоаналитическому обществу, 20 мая 1980 года, неопубликованная работа.

– «Я, смертное-бессмертное», неопубликованная работа.

Narcissism of life. Narcissism of death. Epilog. The Ego, Mortal-Immortal (1982)

*(Translation from French
and scientific ed.: A.I. Korotetskaya)*

André Green (1927–2012) – titular member of the Paris Psychoanalytic Society, ex-president of the Paris Psychoanalytic Society, ex-vice-president of the International Psychoanalytic Association, honorary member of the British Psychoanalytic Society.

The afterword to main work of A. Green on narcissism, in which he introduces the concepts of narcissism of life (i.e. narcissism necessary to preserve the integrity of the Ego) and narcissism of death (or negative narcissism), which is a representative of the death drive and leads to the destruction of mental life.

Keywords: Andre Green, narcissism of life, positive narcissism, narcissism of death, negative narcissism, second theory of drives, moral narcissism.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Символ, символизация и «психологическая химера» Мишеля де М'Юзана

М.А. Чершинцева

Чершинцева Мария Александровна – кандидат культурологии, магистр психологии (НИУ ВШЭ), психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт, клинический психолог.

Статья посвящена исследованию возможной взаимосвязи символа в его философско-эстетическом понимании и «психологической химеры» Мишеля де М'Юзана. Пытаясь разъяснить динамическую природу символа и символизации (в философском, художественном и психоаналитическом контекстах), мы видим некоторые важные аналогии между символической работой и функционированием «химеры», как описывает ее де М'Юзан. Для выстраивания необходимых связей в центр исследования ставится «символический субъект» – т.е. субъект, создающий символическое. Последнее требует включения ресурсов бессознательного, причем в той же форме взаимодействия, какую предлагает Мишель де М'Юзан относительно бессознательного пациента и аналитика. Возможно ли найти символические «корни» описываемой де М'Юзаном «химеры»? По некоторым признакам они видятся в идеалистической теории символического, могущей пролить свет на истоки «химеры» как особого продукта деятельности бессознательного, ассоциируемой с символическим функционированием в рамках художественной деятельности.

Ключевые слова: символ, символизация, бессознательное, «психологическая химера», Мишель де М'Юзан.

«Психологическая химера» – одна из блестящих теорий Мишеля де М'Юзана – занимает особое положение в современной психоаналитической теории и практике. Являясь полемической, поскольку функционирование «химеры» описывается самим де М'Юзаном как взаимодействие двух бессознательных, аналитика и анализанта, при котором аналитик имеет спонтанный доступ к еще не проявленному и совершенно

точно не осознанному содержанию бессознательного анализанта, эта теория несет несомненную практическую ценность, что провоцирует исследовательский интерес к ней. Истоки этой теории находятся в «парадоксальной системе»¹, функционирующей внутри аналитического процесса и, по замечанию самого де М'Юзана, носящей почти пророческие черты. В отличие от «системы» (т.е. парадоксального взаимоотношения), «химера» видится полноценным «третьим» в анализе, однако призрачным «третьим» – неким центром, сферой между двумя бессознательными, с неясными границами, местоположением, размерами (сопоставимыми, как минимум, с «размерами» бессознательного), с необъяснимыми «мотивами» (если их вообще возможно обнаружить) и загадочным функционалом². «Химера» многое позволяет и дает «прямой доступ» к бессознательному, при этом особое условие, рождающее «химеру», как пишет де М'Юзан, – «поэтическая деятельность мысли»³. Возникает естественная необходимость прояснить возможные «корни» этого могущественного «третьего», описываемой де М'Юзаном «химеры», которые по некоторым признакам видятся в идеалистической теории символического (теории собирательной, основанной на ряде философско-эстетических гипотез), могущей пролить свет на истоки «химеры» как особого продукта деятельности бессознательного, ассоциируемой с символическим функционированием в рамках художественной деятельности.

Проблема, которую я ставлю в данном случае, располагается на стыке философского (эстетического) и психоаналитического дискурсов и может быть сформулирована следующим образом: функционирует ли «химера» бессознательного в контексте, выходящем далеко за рамки терапии, за рамки аналитического кадра, имея одним из своих истоков (на что указывает сам де М'Юзан) творческую деятельность? Вопрос напрямую связывается со следующей гипотезой: можем ли мы найти прообраз «химеры» в понятии символа и в функционировании, обозначаемом как художественная символизация? Если да, то какими путями, благодаря «химере», эта символизация происходит?

Методологию исследования «химеры» и принципов художественной символизации, следуя за де М'Юзаном, я предлагаю базировать на

¹ Мишель де М'Юзан. «Контртрансфер и парадоксальная система». / «Французская психоаналитическая школа» (Французская психоаналитическая школа, 2005, с. 193–205 [29]).

² У де М'Юзана читаем: «"Химера" (1978) означает некое новое образование, рождающееся из слияния двух бессознательных: анализанта и его психоаналитика; это монстр, обладающий собственным рабочим режимом. Рост этого фантастического ребенка зависит от различных влияний, происходящих от его создателей. Некоторые из них относятся к структуре анализанта. Но нужно также учитывать, что другие зависят от психоаналитика и развиваются из специальной конструкции для первоначальной идентификации и до разрешенного предела по отношению к опытам деперсонализации» [фрагмент книги Мишеля де М'Юзана «L'inquiétude permanente» («Постоянное беспокойство»), (Michel de M'Uzan, 2015, с. 138–140 [38]), автор перевода: Виктория Юшкевич].

³ По определению де М'Юзана, «Химера <...> это скорее поэтическая деятельность мысли наподобие той, которую мы, в основном, встречаем у Антонена Арто или Андрея Белого» (Michel de M'Uzan, 2015, с. 140 [38]).

«парадоксах» – логических, философско-символических и психоаналитических, возникающих вследствие применения метода «квантования», конкретным примером которого, помимо выстраивания символической суперпозиции, является нахождение в обще-символическом контексте «референтных точек», ориентирование на которые помогает продвигаться глубже в вышеназванной теме, не исчерпывая ее, но расширяя исследовательский горизонт.

Итак, представляя «химеру» как особый продукт работы бессознательного, я предлагаю обратиться прежде всего к символической деятельности. Конечно, поле исследований символического не менее туманно, чем результаты наблюдений за «химерой», что, с одной стороны, усложняет исследовательскую задачу дать ясные ответы на поставленные прежде вопросы, но с другой – говорит о косвенном родстве понятий «символ» и «химера». Между последними я не ставлю знак равенства, предлагая воспринимать «химеру», скорее, как одно из проявлений феномена, собирательно обозначаемого словом «символ».

Символическая «система координат»

Самый беглый взгляд на историю символа и символического, в многообразии интерпретаций и подходов, дает двойное ощущение: окружающей реальности как тотально символизированной, и тогда верным будет предположение, что символическое явно обнаруживается повсюду (предположение, возводящее понятие (но не термин) «символ» в абсолютную степень, делающее его устойчивой единицей идеальной интегрирующей системы – если не прямого счисления, то системы взаимодополняющих, в рамках кросс-анализа, мер), либо окружающей реальности, изгнавшей символическое в область умозрения, иллюзии, фантазии, вытеснившей символаобразование и символадействие как идеальный проект и одновременно проекцию себя-реальности вовне и внутрь человеческой психики. Если последнее верно, то изгнание «вовне» мы можем изучать с философских позиций, вытеснение «внутри» – с психоаналитических. Интересно, что и философия и психоанализ, претендующие (каждый по внутри-специфическим причинам) на формальный статус науки, все же оставляют за собой право на определенную непроницаемость («птичий» язык, аналитический «кадр», в некоторой степени аналогичный системности и категориальной стройности философского дискурса), не позволяющую «любви к мудрости» мутировать в, предположим, «софиологию» и удерживающую психоанализ в рамках метода, хоть и повлиявшего коренным образом на развитие психологии в целом, но остающегося прежде всего практикой, окруженной теориями того или иного направления, той или иной школы. Возможно ли, что не полная проницаемость, «кастовость» связаны в обоих случаях с желанием оградить, ограничить и удержать внутри нечто, соразмерное и соответствующее символическому как феномену – «символическое ядро», символический

«Грааль», не вмещающийся в узко-рациональное и строго научное, однако обильно питающий и то и другое «недвижимый двигатель»?

Изгнанный или присутствующий, не очевидно или очевидно действующий, тайный или явный, символ – повсюду. Области его прямого или иносказательного функционирования обширны и простираются в условной системе координат, где горизонталь (ось X) составляет историческое развертывание символического в разных областях знаний и функционирования человека (центральной сферой здесь будет культура, история и теория культуры/культур), а вертикаль (ось Y) связывает символическое с тем, что можно в целом обозначить «тестированием реальности», пониманием того, что есть реальность, что именно реальность объемлет, что органически включено в нее, а что она отторгает как обманное или патологическое, что мы можем реальности противопоставить, – то есть, обобщая, от бредовых конструкций (психопатология) до той или иной формы солипсизма (философия), где символическое так или иначе присутствует.

Зачем вписывать символическое в систему координат, не ограничиваясь прямой исторического развития (какие бы формы символическое не принимало, от иносказательности, прямой метафоричности древнейшего ритуала и не прямой – мифа, до постмодернистской деструкции, инволюции символа в тотальную симуляцию, путаницу, подмену)? Я полагаю, опираясь на ряд ключевых теорий символического, что символ «произрастает» из пограничной ситуации «стыка», смыслового столкновения, соединяет с трудом соединимое, манифестирует скрытое содержание «обходным» путем, являясь одновременно и носителем этого содержания-смысла и способом его сообщения (последнее дает символическому возможность легко встраиваться в эстетический дискурс). При мнимой доступности, очевидности (как бы видимости) символа он перманентно остается «миражом» в рационально воспринимаемом мире, притягательным, но доступным только отчасти (благодаря разветвленной обычно системе предикатов – своего рода, символических отражений, «бликов», благодаря смысловому «мерцанию»). То есть символ, образно говоря, невозможно «ухватить за хвост» и при этом удержать; подражая повадкам Жар-птицы, символ оставляет в руке охотника сияющее перо – и только.

С теоретической точки зрения эта проблема видится как проблема распознавания и атрибуции. Заключена она прежде всего в невозможности дать однозначное и исчерпывающее определение символа и символического, что объясняет многообразие подходов к теме (часто – друг другу противоречащих), отстоящих ближе или дальше от центрального затруднения – нахождения корня символического, скрывающегося от рационального взгляда, объективной реальности (в существующем приблизительном диапазоне объективности как суммы впечатлений и представлений об окружающей действительности, позволяющей здраво оценивать последнюю) в области, условно обозначаемой как «идеальное» (если мы придерживаемся традиции платонизма), «тайное» (если нам ближе религиозно-мистический подход) или «бессознательное» (если мы стоим на психоаналитических позициях). Представляя ось Y функционально, можно допустить хоть и достаточно вольное, но необходимое в данном

случае разделение символа и знака, при котором последний (знак) будет условно существовать в рамках классической диады «означающее – означаемое», явно отсылать к содержанию, направляя и разъясняя, а первый (символ) выведет нас принципиально за ее (диады) пределы, объединив «означаемое как означающее», с одной стороны, а с другой – притянув «воспринимающее» как воспринимающего субъекта и акт восприятия как неотъемлемую часть символической работы, вне которой символ существует абстрактно и по способу употребления приближается к знаку. Тестирование реальности, совершенно не принципиальное для знака, оказывается таким образом существенно важным для символа, дополняя историческую «длину» психологической «высотой» распознавания символического. Так выстраивается условная шкала: от продуктивного бреда, «шизофренической реальности» (по К. Ясперсу [37]) до солипсических установок, сводящихся к общему знаменателю – «мы все галлюцинируем» (В. Руднев [25]), – приблизительно в этом диапазоне и обнаруживается символическое, существующее и функционирующее по внутри-специфическим законам, отстоящее от нулевой точки в нашей системе координат выше или ниже, то есть ближе патологическому либо философскому его атрибутированию. Движущей силой здесь будет сила психическая, в отличие от оси X, движимой общеисторической логикой развития.

Несомненно, такой взгляд на символическое как, во-первых, само в себе существующее и, во-вторых, активно при этом воздействующее на психическую жизнь человека (в некотором смысле, формирующее психическую жизнь), может быть подвергнут критике как взгляд радикальный. Однако предлагаемый подход хоть и имеет уязвимые области (связанные, в основном, с синкретичностью и, следовательно, некоторой размытостью, неоднозначностью формулировок), но позволяет добиться важного, учитывая предмет рассмотрения, результата: наметить и закрепить ключевые «референтные точки» – если не фиксации, то пульсации символического. Более того, я не предлагаю полномасштабных топографических изысканий символического в некоей недоступной нашему пониманию внешней сфере, а напротив – условно помещаю его внутрь человеческой психики, воспринимающей и ретранслирующей. Тогда символическое функционирование представится нам движением, причем движением не частиц, но, скорее, волн. «Референтные точки» станут точками пересечения большого числа волн, точками «сгущения» символического, а для разъяснения «механики» символического функционирования и взаимодействия (прежде всего – взаимодействия психик) нам понадобится то, что Мишель де М'Юзан назвал «химерой» бессознательного – одновременно аномалией и чудом символической коммуникации.

Избранный подход, не предполагающий полного рационального разъяснения, оправдан не только предметом изучения, но и спецификой психического в широком его понимании. С проблемой неоднозначности, даже фрагментарности накапливаемых в этой области знаний мы сталкиваемся в «науке о душе» от психопатологической до психоаналитической ее ипостасей. Рассуждая о душе, Карл Ясперс пишет: «...психическая

субстанция (душа) есть бесконечно объемлющее, которое нельзя охватить в целом, а можно лишь издать, проникая в него с помощью различных методов. У нас нет основополагающей системы понятий, с помощью которой мы могли бы определить человека как такового; нет и теории, которая могла бы исчерпывающе описать человеческое бытие как некую объективную реальность. Поэтому мы, как ученые, должны быть готовы к восприятию любых эмпирических возможностей; нам ни при каких обстоятельствах нельзя сводить "человеческое" к чему-то единому. Мы не располагаем планом целого...»⁴. Невозможную, с точки зрения Ясперса, попытку свести «человеческое к единому» отчасти осуществил З. Фрейд, благодаря научной интуиции которого сегодня мы располагаем куда большими знаниями о психическом, чем до случившейся в XX веке психоаналитической революции. Однако и у Фрейда мы не найдем однозначности в описании целого. Сложность, эфемерность идеи психического аппарата – центральной идеи, смыслообразующей для психоанализа и связанных с ним наук – была описана им таким образом: «Мы оставим совершенно в стороне то, что душевный аппарат <...> известен нам в качестве анатомического препарата, и постараемся избежать искушения определить психическую локальность в каком-либо анатомическом смысле. Мы останемся на психологической почве и представим себе только, что инструмент, служащий целям душевной деятельности, является чем-то вроде сложного микроскопа, аппарата и т.п. Психическая локальность соответствует той части этого аппарата, в которой осуществляется одна из предварительных стадий образа. В микроскопе и подзорной трубе это, как известно, лишь идеальные точки и плоскости, в которых не расположено никаких конкретных составных частей аппарата» (Фрейд З., 2018, с. 488–489 [32]).

Следуя предостережению Ясперса и не желая «принести вред» что-либо доказывая, рассуждения о символическом я предлагаю выстраивать

---

⁴ К. Ясперс. «Общая психопатология» [37], параграф 2 «Некоторые фундаментальные понятия». Подробнее он отмечает следующее: «Психическая жизнь объективируется благодаря речи, творческим импульсам, различным аспектам поведения, событиям соматической жизни и т.п. Но душа сама по себе не может быть предметом наблюдения; все, на что мы способны – это представлять ее через уподобления и символы. Мы ее переживаем и осуществляем, мы знаем, что она присутствует внутри нас, но мы никогда не наблюдаем ее как таковую. Рассуждая о душе, мы неизбежно переходим на язык образов, оставаясь обычно в рамках трехмерного пространства; в сфере психологической мысли можно найти многочисленные образцы описания души с помощью пространственных символов и аналогий, как то: душа – это поток сознания; сознание подобно пространству, в пределах которого отдельные психические явления приходят и уходят, словно сценические персонажи; сознание есть пространство, уходящее бесконечно глубоко в бессознательное; душа имеет слоистую структуру, поскольку составлена из слоев сознания, переживаний, функций, характера; душа состоит из элементов в разнообразных сочетаниях; она приводится в движение некими фундаментальными силами; она разложима на факторы и компоненты; она имеет атрибуты, которые можно описать, привлекая для этой цели самые разнообразные пространственные аналогии. Такие пространственные образы имеют для нас неоценимое значение. Мы не можем обойтись без них; они не приносят никакого вреда до тех пор, пока мы продолжаем пользоваться ими в чисто описательных целях, то есть не пытаемся с их помощью что-либо доказывать».

в опытно-гипотетическом ключе, надеясь, со своей стороны, так же нащупать «идеальные точки», в которых не находится целиком ни одной «конкретной составной части», но при этом происходит символическая работа и взаимодействие. Очевидно, что «химера» де М'Юзана окажется одной из таких, «идеальных областей».

Символический человек: «Адам Кадмон»

Итак, воображаемая нами система координат, содержащая ось X как историю развития символического (или «околосимволического», символического, понимаемого внутри системы координат, а не только линейно) от древности до наших дней, и ось Y как психический эквивалент символического, показывающий степень восприятия символической информации, степень вовлеченности в символическую работу, позволяет расположить те или иные явления, события человеческой культуры, культурные артефакты внутри четырех секторов получившегося «креста». В качестве обзорной модели такая диспозиция удобна. Мы можем условно расставить «референтные точки» в соответствующих им, на наш взгляд, секторах: представить себе возникновение языка (как одной из абстрактных форм коммуникации, связавшей знак и символ); возникновение культуры ритуала, балансирующей (благодаря необходимому включению в ритуал форм измененного состояния сознания) на грани психической нормы и патологии; внести в соответствующие координаты знаковые артефакты искусства (от древнейших до современных, повлиявших в равной степени на человеческую культуру), имеющие отношение к эстетической экзальтации, феномену катарсиса; пунктирно наметить точки зенита в истории религий, истории философской мысли и т.д. Но существует ли в действительности символическое «на плоскости»?

Нам придется сделать следующий шаг, и, переводя плоскостную систему декартовых координат в объемное, трехмерное пространство, мы можем добавить третью ось – ось Z, суть которой в движении (принципиально важном, как было показано выше) и функционировании символического. Используя библейскую метафору, можно сказать, что в почти готовый «мир» нам остается «вписать» человека – и не просто Адама, но Адама Кадмона, «предвечного Адама», существующего одновременно во всем многосоставном «символическом космосе». Ступни его упираются в «земную твердь» знака, рациональной логики, а над головой – непроизносимое и непроявленное, «корень» каббалистического Древа Сефирот, корень символического.

Третья ось, разъяснение которой не представляет большой сложности в пространственной геометрии (так как она, дополняя «длину» и «высоту», соответствует, прежде всего, «глубине»), будет более затруднительным в нашей модели, поскольку меняет представление о «координатах символического» принципиально. Теперь мы видим не просто четыре сектора и две оси, функции которых специфичны, но однозначны, а объемную и, более того, подвижную фигуру, при вращении которой один сектор сливается с другим, а их значения размываются. В статичном положении

трехмерная система координат (соответствующая внешне противотанковому «ежу», и тогда танк, как можно догадаться, развивая эту фантазию, – военная метафора наших усилий «штурмовать» символическое) вмещает в себя ось Z как собственно представительство воспринимающего субъекта, точнее – воспринимающего и ретранслирующего символическое. Адам, продолжая линию библейских метафор, – создатель языка, создатель имен (имя-нарекание животных в Эдеме [Быт. 2:19-20]), то есть его (Адама, субъекта) функция – не только подчиненная всей системе координат, но и волевая. И тем третья ось радикально отлична от первых двух. Ее, как оси X и Y , мы представляем в движении между условными крайними точками, которые на самом деле нам не известны, так как мы не сможем точно определить исторического истока, начала символического, и не видим его исторического окончания. Та же приблизительность присутствует в вопросе критериев реальности, где между нормой и патологией мы проводим скорее пунктирную линию.

Третья ось объединяет в виде «положительного» и «отрицательного» значений субъекта в двух его ключевых отношениях к символическому: в восприятии и в ретранслировании как воспроизводстве; то есть здесь две символические ипостаси субъекта – субъект, принимающий символ, и субъект, символ воспроизводящий. И то и другое может происходить сознательно и бессознательно, и тогда последнее мы отнесем к естественному процессу, происходящему в человеческой психике, к работе бессознательного, а первое, сознательное включение символаобразования будет иметь отношение к творческому волевому усилию, к ясному намерению субъекта функционировать символически.

Нулевая точка, центр системы координат – «настоящий момент» «исторической» оси X , «пунктирная линия» между нормой и патологией «психической» оси Y – на третьей оси знаменует собой качественный переход от восприятия к действию. Взяв третью ось за несущую, представив ее «стволом» символического «древа», «позвоночником» трехмерной модели, мы увидим, как «плоскостные» координаты расслаиваются, удваиваются, притягиваются двумя противоположными, расходящимися от нулевой точки прямыми оси Z – третья пространственная координата добавляет к первым двум значения не только «вдоль», но и по обеим их сторонам (рис. 1). Тот же принцип «растягивания» значений от нулевой точки в обе стороны «главной» третьей оси мы видим в форме ритуального предмета индуистской и, в большей степени, буддийской культуры – ваджры, с тем лишь дополнением, что расслоившийся «крест» плоскостных координат там закольцован, образовав вдоль третьей оси две «восьмерки», два знака бесконечности, вариацию на ленту (т.е. на «кольца») Мебиуса. Будучи изначально «оружием Индры», разрушительной «молнией», крепким «алмазом»⁵, скипетр ваджры переключался в буддизм в виде «орудия», уничтожающего тьму невежества, которое порождает истощающие человека желания и, следовательно, агрессию, страдание. Ваджра – символическое

⁵ Ваджра – в переводе с санскр., «алмаз» [3].

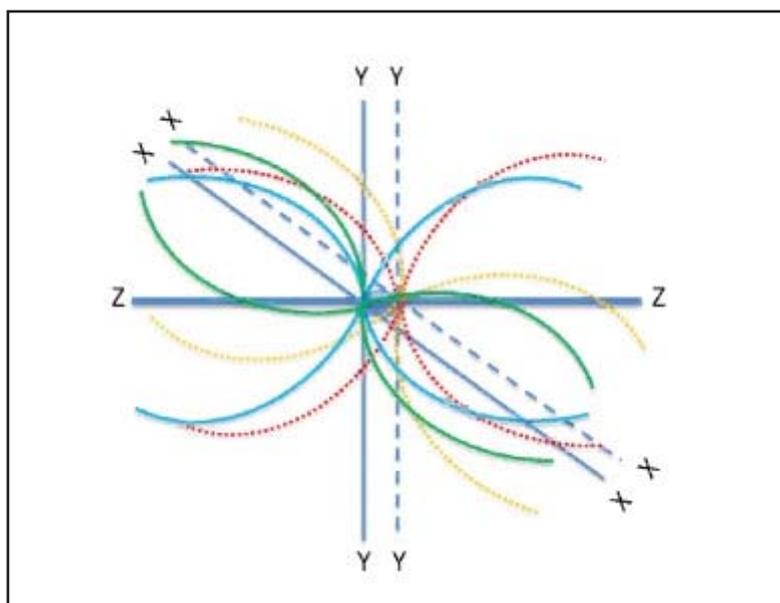

Рис. 1. Система координат – двойные оси X, Y на ведущей оси Z

орудие духовной инициации (рис. 2). Одна из трех осей, которую придется сделать основной, определяющей, чтобы снять тотальную неопределенность прямых, разбегающихся от нулевой координаты в бесконечность; взаимообращаемость и нестабильность тройственности без центральной оси, удерживающей и замыкающей на себе оставшиеся две – и человек, наделенный волей, возможностью выбора, прошедший сквозь нулевую координату, будто только для него (или им самим) заданную, инициированный нулевым значением, которое между и одновременно по

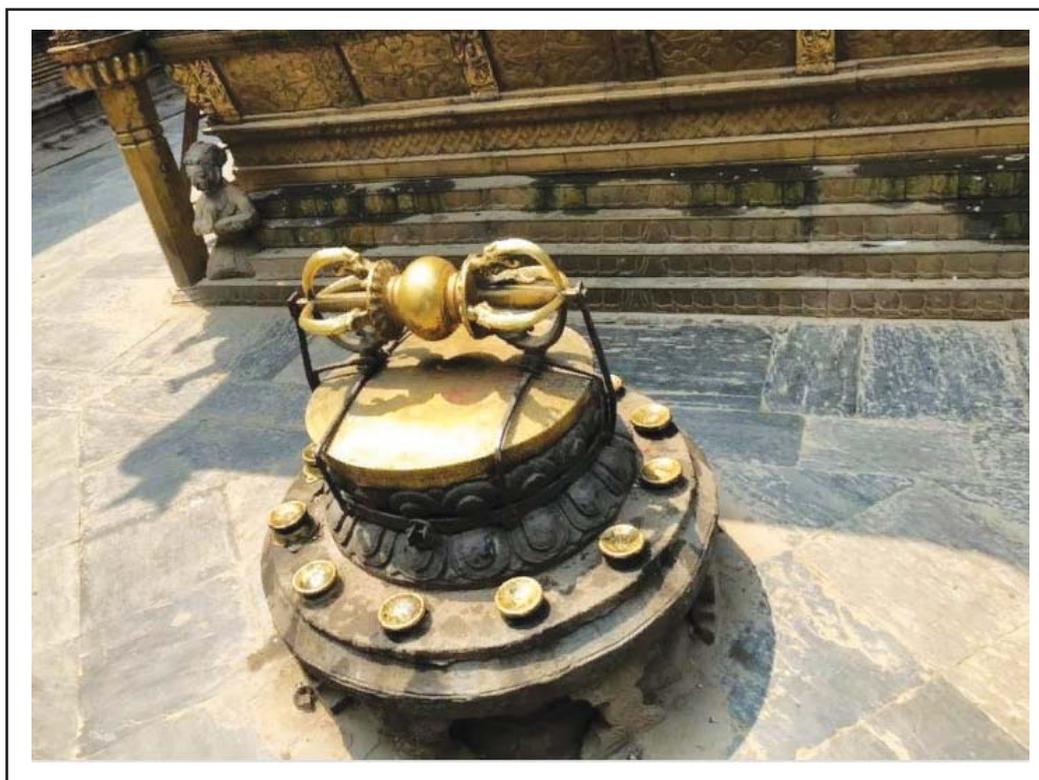

Рис. 2. Ваджра в Золотом храме (Непал, Катманду)

ту сторону «плюса» и «минуса», «верха» и «низа», – вот метафора, образ символического человека в его становлении, воспринимающего и творящего субъекта.

Человек-творец, поставленный в центр мира, удерживающий на себе систему координат, «человек Леонардо», сталкивается с символическим как со «звездной материей», из которой сделан он сам и вся вселенная – его бессознательное и его представления о мире. Из этой материи он творит культуру и культуре же со-организуется. По оси бежит бесконечное эхо, мерцающий символический «сигнал», сообщение, узнаваемое, но слышимое только частично. В искусстве с древних времен выставлены «референтные точки» – «вечные» сюжеты, специально ограненные поколениями «резервуары» символического, черпать из которых способен инициированный в «мистерию» творчества, прошедший через и сквозь нулевое значение. Инициация как путешествие и путешествие (поиск) как инициация – один из таких сюжетов. Доверяя Борхесу⁶, мы знаем, что главных сюжетов всего четыре, и каждый из них – путь (или способ) художественной символизации. Путь, потому что символическое становится только в движении. Способ, потому что четыре сюжета – не карта, не фиксированный маршрут, а скорее «связка ключей», и понимать их, сюжеты, нужно не литературно, а исключительно символически.

Что это значит? В раннем детстве мы заворуженно следим за бегающим по стене солнечным зайчиком, за отраженным светом (хоть мы еще не знаем, что он отраженный), чудом, которое ни понять ни поймать невозможно. Вот – первая встреча с символическим. После мы догадываемся, что за этим приятным мерцанием можно не только наблюдать, но и управлять, направлять его, тем более если в руке имеется маленькое зеркальце – простой отражатель. Тогда ситуация в корне меняется. Отблески и преломления – почему это так красиво? Их все, эти блики, эту радугу на стене от скола стекла – хочется украсть и оставить исключительно для себя. Но они неуловимы, и не только мы позволяем им появиться или заставляем исчезнуть. Платон, разъясняя миф о пещере⁷, не предлагает нам теоретического обоснования символа, но описывает в движении теней на стене саму суть функционирования психики, питающейся и источающей, репродуцирующей иллюзии как результат неожиданного вторжения символического, столкновения с символическим, с красотой. Случайность, которая ослепляет психику – встреча с символическим, оттолкнувшись, отразившись от психического «зеркала», до того спокойно показывавшего людей, предметы и события окружающей жизни. Зеркало внутри психической «комнаты» – кажется, что его глубина и есть глубина бессознательного. «Магическое зеркало» – все, отразившееся в нем, никогда не пропадет.

---

⁶ Х. Л. Борхес. Четыре цикла [2].

⁷ Платон. Государство (Платон, 2013, с. 250–254 [20]). Книга 7, «Символ пещеры».

Символическое «зеркало»: двойники и сублимация

Метафора теней на стене и метафора зеркала – обе о бессознательном, о символическом и обе, кроме того, о двойнике: двойнике-тени и двойнике-отражении, т.е. о преследующем (и ненавистном) и о преследуемом (и возлюбленном). Тень остается позади, а отражение мы видим как бы перед собой; тень – негатив, отражение – проявленная копия; тень – хвост (совесть), отражение – проекция (надежда); тень – свидетель, отражение – репрезентант. В волшебной сказке тень всегда, так или иначе, плоха, ее стоит опасаться. Отражение взлелеяно большинством из нас как лучший образ себя (вот почему уловка фотографа – зеркально развернуть снимок, отражение привычнее и приятнее натурального образа себя). Два двойника, но существуют ли они отдельно друг от друга? Можем ли мы сказать, что поэтическая, нарциссическая любовь чиста, прозрачны ли в действительности воды, в которые смотрит Нарцисс? Или он видит лишь обогнавшую, обманувшую его тень? Так, вдруг, возникают в символическом расщеплении две Беатриче (живая и мертвая), две Маргариты (Фауста и Мастера), так Адам оказывается двоеженцем (не только Ева, но и Лилит). Так выясняется, что все «воспевающие» – просто не в ладах со своей тенью. Так символическое становится психоаналитическим.

Символический человек – скорее, фантазия. Сейчас я упрощаю, чтобы в дальнейшем оставить себе несколько простых опор, очевидных ориентиров. Символическое можно разглядеть в человеке с разных углов зрения, главные из которых – мистический, философский и психоаналитический. Адам Кадмон, каббалистический первочеловек, прачеловек – абсолютно символический, таково его назначение и основная функция, таково его единственная реальность. Припоминание «истинного бытия» – собственно бытия, в отличие от небытия, нас окружающего, – ключевая идея платонизма, питающая корни идеалистической философии в целом (разветвления которой обширны и плодоносны), возводящая символическое в абсолютную степень. Психоаналитический взгляд на человека – это, прежде всего, понимание его психического функционирования, его психической реальности как основной – непредставимой вне символизации, без символической работы и работы с символическим в анализе (в крайних случаях, символическое действует главным образом в психике аналитика, во взаимодействии с патологичными пациентами).

Говоря о символическом человеке, можно представить его психическую реальность как скрывающую внутри зеркало, достаточно чистое, достаточно большое, способное «пропустить через себя», т.е. отразить (абстрактно) символическое в обход рационального «фильтра», то есть в данном случае речь о процессе, о механике, а не о содержании того, что именно отражается. Попытка рационально осмыслить содержимое равна усилию удержать, рассмотреть и, следовательно, остановить символический процесс, сделав его дискретным. В этот же момент в руках останутся фрагменты, осколки, возможно – бессвязный набор знаков, но не цельный артефакт символического.

Удобной иллюстрацией здесь может быть творческий процесс и сублимация как его психоаналитический «двойник». Термин «сублимация», заимствованный, как известно, Фрейдом у В. Флисса, употребляется в химии для обозначения процесса перехода вещества из твердого сразу в газообразное состояние, минуя, как и десублимация (аналогичный обратный процесс), промежуточную стадию плавления (или жидкую стадию). Так сгусток энергии, рожденный (отброшенный) Солнцем, обросший после льдом и пылью, по возвращении к светилу на орбитальном витке «отращивает» хвост (лед превращается в газ, а мы наблюдаем за полетом кометы по небосводу). Так после долгой осени, в первое морозное утро на окнах появляются чудесные узоры. Этот скачок вне промежуточной стадии, химический «монтаж», синонимичен и работе сублимации в психоаналитическом смысле, и идеальному символическому функционированию, промежуточной стадией которого можно было бы обозначить рациональное (линейное) осмысление. Сублимация – химическая, психоаналитическая и символическая – грани одного процесса, выявляемого в различных средах. Потому, возможно, она так завораживала алхимиков средневековья и Возрождения, выделивших «возгонку» и как часть Великого делания и как его метафору в целом⁸. Сублимация тем и таинственна – мгновенной конвертацией, путь которой для нас невидим. Потому мы можем только фантазировать о нем (но тут – слепое пятно, мы касаемся ровной поверхности зеркала), либо теоретизировать (и рискуем потерпеть фиаско, ведь даже сам Фрейд, как указывает в главе о сублимации Андре Грин, уничтожил свои наработки по этой теме, предполагая, что в будущем кто-то другой разберется в этом вопросе так же успешно, как он – в судьбах влечений⁹).

⁸ Понимая алхимическую символику как метафору психологических процессов, мы найдем и место сублимации. Она относится к процессу разделения, наряду с дистилляцией (сепарацией) и фильтрацией. То есть это один из трех возможных путей разделения/превращения. Собственно сублимацию (возгонку) мы можем традиционно связать с метаморфозой либидо, дистилляцию (сепарацию) – с превращением агрессии и влечения к смерти, а фильтрацию – с включением «третьего», некой «зоны притяжения» (гипотетически существующей, помимо внутриспсихической «зоны отталкивания»), без которой мы как будто видим только часть процесса сублимации. Включение третьего не только ведет нас к триангуляции, но и открывает символическое измерение феномена сублимации.

⁹ «Известно, что Фрейд, возможно, будучи недоволен результатом, уничтожил свои разработки, откладывая удовлетворение нашего любопытства до лучших времен. Таким образом, работа по метапсихологии навсегда была лишена рассмотрения вопросов сублимации...» (А. Грин, 2020, с. 361 [9]). В письме 1915 года неврологу Джеймсу Патнему Фрейд разъясняет свое понимание морали и этических идеалов через сублимационные процессы. Он указывает также, что со своей стороны сосредоточился на исследовании вытеснения влечений, но кто-то иной смог бы найти подход и к сублимации: «...мой случай можно приводить как подтверждающий Вашу точку зрения, что побуждение к идеалу составляет существенную часть наших задатков. Если бы только столь ценные задатки почаще наблюдались и в других людях. В глубине души я уверен, что если бы кто-либо обладал средствами такого же тщательного изучения сублимаций влечений, как и их вытеснений, то такой человек смог бы натолкнуться на абсолютно естественные психологические объяснения морали, которые сделали бы Ваше человеколюбивое предположение ненужным. Но, как я уже сказал, я абсолютно ничего об этом не знаю. Почему мне и также моим шестерым взрослым детям приходится быть абсолютно порядочными людьми, всегда оставалось для меня абсолютно непостижимым» (Э. Джонс. 2018, с. 275 [11]).

Мгновенная конвертация – верная примета символической работы, избегающей рациональности и прямого наблюдения, однозначного описания, без которого мы оказываемся будто за рамками строго научного дискурса. Хороший пример этого затруднения (второго из основных, первый, напомним, касался разъяснения корня, происхождения символического), затруднения в рациональной фиксации, объяснении конкретного содержания символического, дает нам музыкальное искусство. В классическом виде это пара «Моцарт и Сальери», где последний, разъяв музыку «как труп» и поверив «алгеброй гармонию», осознает, что проще убить символическое, чем понять его. Музыка не может быть названа языком, поскольку не вмещается в границы языка, превосходит знаковую систему. Нахождение семантики в музыке невозможно, поскольку смысл не поддается здесь прямой дешифровке (смысл как смысл просто не опознается). Музыка функционирует символически, и мы воспринимаем ее в обход цензуры рации. Потому труды пушкинского Сальери выглядят убого, настолько, что Моцарту (острому на язык) приходится по-дружески подбадривать его. Пригвожденная булавкой бабочка больше не летает (мертвому, будь он хоть император, не снятся сны), мы видим ее, но ее как бабочки уже нет, она засохла, тогда кого или что мы на самом деле видим? В бессилии мы задаемся вопросом: так существует ли символическое вообще? И возвращаемся к самому началу: символическое либо тотально присутствует, либо давно изгнано, а нам остались лишь памятные следы – механика, интуитивное понимание процесса, обрывки снов, предчувствие символического (или платоновское «припоминание»).

Символический человек – отражатель. В том числе он отражает свое бессилие понять символическое, функционируя символически. Его (нас) может поразить красота, автономия и даже личная адресованность символа, его доступность, легкость проникновения сквозь психическую цензуру и при этом – непознаваемость. Символический человек (человек, работающий с символическим) отражает «то, не знаю, что», пришедшее «оттуда, не знаю, откуда». И будто удачливому царскому стрелцу, ему это удастся. Ища простые опоры, мы думаем о символическом как об иллюзии (очень ценной иллюзии), о символических путях – как фантазийных, галлюцинаторных. В пределе психика галлюцинирует большими иллюзиями: иллюзией языка, иллюзией истории, иллюзией философии, иллюзией искусства... Как будто ограничивая экспансию галлюцинации, Эрнст Кассирер вводит понятия «символической системы» и «символического универсума», в которых оказывается человек, функционирующий символически, *animal symbolism*: «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности – он живет как бы в новом измерении реальности»¹⁰. «Новое измерение», новый объем символической системы координат, волновой принцип

¹⁰ Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры [13].

и система отражений символического подводят нас к пониманию квантовой природы символа, разъясняемой отчасти с помощью парадоксальной логики и лишь в присутствии наблюдателя – воспринимающего и ретранслирующего субъекта. Однако и сам воспринимающий (символический) субъект порождает большое количество вопросов, не имеющих прямых ответов, а приглашающих то ли к размышлению, то ли к символической игре. В довольно-таки запутанных условиях этой игры именно введенный М. де М'Юзаном третий – «химера», на первый взгляд, могущая усложнить ситуацию, – берет на себя функцию своего рода «регулятора», если не упрощающего, то очерчивающего границы, что, как выясняется, возможно в случае символического взаимодействия только на внешней, нейтральной территории.

Символическая пара: «Соломон и Суламифь»

Изгнанное или присутствующее, символическое организует психическую реальность по не всегда ясным, но всегда исполняемым законам – законам развертывания, эманирования символического. Высчитывая разницу между пропорцией и диспропорцией, мы помещаем туда символическое как золотое сечение. Мы клеймим пустоту художественную (формальную), человеческую (личностную), во многом потому, что не находим там присутствия символа – духа, не вошедшего в предуготовленную форму. Библейский символизм отсылает нас к метафоре оплодотворения или запрета на него, и во втором случае символический «дух» уподобляется мужу, не вошедшему к жене, ожидавшей его, оставившему пустым ее чрево, забывшему жену. Отвлекаясь на время от узко-теоретических рассуждений, мы можем проследить развертывание этой метафоры символически (или «химерически»).

Противоположность указанной выше «музыкальной» паре (Моцарт и Сальери – «живое» символическое и «умерщвленное», «разъятое») – пара любовная, это Соломон и Суламифь, смотрящие друг на друга (или, точнее, друг в друга). Символ – «плод» их любви. Но Соломон (др.-евр. שְׁלֹמֹה, Шломо) и Суламифь (др.-евр. שֻׁלָּמִית, «шуламит» – девушка из города Сулам, «мирная», «совершенная», «цельная») – еще и «символическая пара», то есть они оба как герои внутри сюжета – две стороны одного символа, встреча которых его (символ) проявляет, – такова диспозиция со стороны символа. А со стороны символического субъекта, Суламифь – продолжение, отражение Соломона, его надежда и репрезентант, он видит ее перед собой. Суламифь – младшая по отношению к старшему – нарциссическое расширение своего возлюбленного, ведь мы даже не знаем доподлинно ее имени. «Темная» шуламит, «возлюбленная» Соломона: «Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой – мне». Эта пара, образующая символ на системе координат из двух точек, позволяющая символу существовать в двух разных точках одновременно (в суперпозиции), будучи цельным (возлюбленные, из имен которых мы знаем только одно, и оба они – принадлежат друг другу), находится вместе с тем в секторе положительных значений – во всяком случае, видимой своей

частью, скрывающей тайную, отрицательную. Нахождению последней способствует амбивалентный манифест «Песни песней»: «крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность». Так, в тексте может угадываться третий, имя которого тоже не названо, к которому стремится из царских чертогов Суламифь, который должен быть «подобен серне или молодому оленю на расселинах гор»¹¹. Наш угол зрения вновь смещается, и на месте Суламиты мы уже видим сбрасывающую одно за другим покрывала Саломею (שְׁלֹמִית, Шломит) – также прельстившую царя (Ирода Антипу) своей юностью и красотой, но потребовавшую в качестве трофея голову того, кто не любил ее. Здесь – трое, за которыми стоит «мать» – мать Саломеи (ее имя мы знаем – Иродиада). «Мать» стоит и за спиной Суламифь – именно в ее дом, во внутренние комнаты «родительницы», она ведет возлюбленного (кем бы он ни был). И так далее – символические значения вращаются, множатся, разветвляются в еще более отдаленные аналогии. Таким образом, двусоставная символическая манифестация: «Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой – мне» и «крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность», – разворачивается через символическую пару, разрастается (двое становятся тремя, четырьмя...) и далее продолжает движение в качестве сюжета о любви и преследовании – сюжета как «референтной точки» в постоянном символическом вращении (вращении внутри символических координат).

Эманацию и одновременно наращивание символических значений, которое мы только что проследили пунктиром, можно сравнить с функционированием «химеры бессознательного». Кроме того, важно отметить, что, пытаясь ухватить символическое, мы задействуем психоаналитические механизмы – пусть, для начала, не самые сложные, близкие простому ассоциированию, или сближению образов сновидения (хотя сам де Мюзан разделяет функционирование «химеры» и работу сновидения, отмечая, что эти процессы не тождественны). «Химера» представляет собой, в некотором смысле, вынесенный на поверхность, вовне бессознательный процесс, обогащенный символически и отчасти осознаваемый. Метафорически, «химера» – лоно, чрево, выведенное между двумя персонами (или нашими «возлюбленными», нашей символической парой), не вполне третий, но место третьего, не вместо «плода», но место между двумя в ожидании «плода» – символического. Тогда «околоплодные воды» – это «воды» бессознательного.

Философский символ («отец») и психоаналитическая символизация («мать») порождают «химеру»

Вопрос о символе и символизации сложен, прежде всего, ввиду многообразия сред функционирования символического и, следовательно, множества подходов и определений.

¹¹ Александр Мень в «Исагогике» отмечает следующее: «Ряд толкователей считают, что царь [Соломон] хотел взять суламитянку в свой гарем, но она предпочла любовь пастиуха» (Свящ. А. Мень [20]), § 20, Книга Песни Песней.

Слово σύμβολο [si:mvolo] переводится с греческого следующим образом: 1. символ, эмблема; 2. знак. Близкое к нему существительное σύμβολή [simvoli:] – 1. перекресток, пересечение; 2. вклад (в науку и т.п.); 3. слияние¹². Ряд авторов и, в частности, Петер Орбан (Энциклопедия глубинной психологии, 1998, с. 532), дают более подробное разъяснение истории термина, упоминая древнюю традицию разламывать предмет (табличку, кольцо, монету и пр.) надвое, чтобы после люди могли узнать друг друга по этим вновь соединенным половинам¹³. Под «знаком» в этом смысле имеется в виду «опознавательный знак», свидетельство договоренности, подтверждение сговора, «замок» и «ключ» в этих двух половинках единого когда-то предмета. Второе слово не менее интересно, поскольку «пересечение» отсылает нас к идее системы координат, «перекрестка» символических функций, а «вклад» и «слияние» прямо указывают на нефиксированный процесс и сложность разделения символического содержания и символического субъекта, воспринимающего и ретранслирующего это содержание. Здесь же можно отметить, что сложность разделения – один из ключевых аспектов рассуждений о «химере бессознательного».

Две основные сферы, между которыми, на стыке которых мы инициировали поиски путей художественной символизации – философия (в частности, эстетика) и психоанализ. Потому, рассуждая о символе, удобнее сосредоточиться на тех философских направлениях, которые имеют отношение к идеализму (эстетический и этический ракурсы), игнорируя материалистический и прагматический взгляды на символизацию как отстоящие много дальше от основной темы¹⁴. Со стороны психоанализа очевидно важна та практика, которая в большей степени имеет отношение к художественному творчеству, таким образом исследования Мишеля де М'Юзана, что очевидно, для нас особенно ценны (его исследования функционирования химеры в психоаналитической технике и теоретическое осмысление творческого (в случае де М'Юзана – собственного литературного) процесса в психоаналитическом ключе). Учитывая заданный угол зрения, приходится коснуться классического психоаналитического понимания символизации лишь частично, избирая из разветвленного теоретического и практического круга теорий необходимые нам,

¹² Греческо-русский словарь [8].

¹³ Также Паскаль Киньяр пишет: *«Гомер и Пиндар называли словом symbola осколки глиняной таблички – тессеры, которую герои при расставании разбивали надвое. Возвращаясь домой после долгих лет разлуки, герои складывали части таблички. И в тот миг, когда осколки глиняного пазла плотно смыкались, глаза узнавали забытое лицо»* (П. Киньяр [15]), Глава XXIV «Уайткомб Джэксон».

¹⁴ Конечно, вопросы художественной символизации можно рассматривать и с рационально-прагматических позиций, однако нам они в данном случае будут мало интересны, так как с большой долей вероятности исключат сам предмет изучения – волновую, процессуальную природу символизации – как не существующий. Я же предлагаю придерживаться принципиально иного взгляда. Учитывая, что последний ни доказать в полной мере ни опровергнуть невозможно (для чего и понадобилась система «референтных точек»), остается двигаться экспериментальным путем, встав на одну из возможных позиций (в нашем случае – идеалистическую) и рассуждать гипотетически.

оставляя в стороне подробный исторический обзор психоаналитического толкования символа. Помимо двух основных сфер важно учитывать и психиатрию в ракурсе психопатологии – поскольку здесь есть важное для нас столкновение «реальностей», «нормальной» и «патологической», и ключевой вопрос тестирования реальности (о последнем сложно сделать выводы, а скорее – поставить вопросы).

Таким образом, перед нами стоит сложная задача: показать естественность происхождения и существования (в том числе – присутствия в психоаналитическом процессе) «химеры», выяснив ее «родословную» по «отцовской» линии (имеется в виду история символики, вписанная в философский дискурс), не только дополняющей «материнскую» (психологию и психоанализ как науку и практику), но и многое объясняющей касательно теоретического и практического потенциала «химеры бессознательного». Говоря точнее, я предлагаю рассуждать о «химере», прежде поставив теоретические «подпорки» в виде «генеалогического древа», подводящего как к настоящему моменту, так и к реальной практике. Таким образом, «химера» представится частью, в некотором смысле, инструментом символической деятельности. Именно поэтому с символического мы начали, символическим же продолжаем и обрамляем размышления о «химере».

«Отцовская» линия происхождения «химеры»

Итак, «родословная» «химеры» начинается издалека, с размежевания Платоном до-философского мифа и собственно символа, вмещающего своего рода формулу – логическую или этическую (классический пример здесь – символ пещеры, уже упоминавшийся выше), – символа, олицетворяющего истинное бытие в противоположность симулякру (термин впервые введен Платоном), «неправдоподобной копии», вымыслу, подделке¹⁵. Уже на этом, начальном этапе вырисовывается, что очевидно, проблема критерия истинности, сопровождающая в дальнейшем идеалистическую ветвь символического, а также формируется взгляд на символ как содержащий в себе нечто (а не только направляющий, как это свойственно знаку), причем нечто подлинное. Оба указанных пункта актуальны для теоретического осмысления «химеры», вмещающей фрагменты отдельных бессознательных, подчиняющейся критерию истинности только на основе договоренности между людьми, но не какому-либо «всеобщему», рациональному критерию (точно как в случае с символом). Идея о симулякре как «видимости», подделке (по сравнению с истинным содержанием символа) также может иметь параллель к функционированию «химеры», в частности, проявляясь в том, что далее будет обозначено «паразитическим» содержанием¹⁶.

¹⁵ Подробнее о философско-эстетической истории символа см. здесь: (О.А. Губанов, 2012 [10]).

¹⁶ Подробнее об истинной и «симулированной» (искаженной, «ложной») символизации нужно и хотелось бы, конечно, говорить отдельно.

Платон, как известно, описывает ситуацию, в которой оказываются узники пещеры, скованные цепями¹⁷. Их взгляд обращен в одну сторону – на стену пещеры, где они видят тени. За спиной узников стена (ее Платон сравнивает с «ширмой» фокусников), за которой, в свою очередь, проходят люди («помощники» фокусников), несущие что-то в руках (утварь, статуи, «всяческие изображения живых существ»). Некоторые говорят между собой, и обрывки разговоров доносятся до узников. Последние живут в мире кажимостей – принимают тени за реальные предметы, а обрывки фраз за определение этих предметов. Узники строят догадки и пытаются предсказать появление новых теней. Такая логика по сути софистична, оторвана от реального положения дел, от истинного порядка вещей, познать который может только узник, выведенный кем-то на свет и увидевший настоящий мир. Рассуждения «софиста» симулируют, искажают реальность, что ведет к возникновению симулякров. Но Платон (устаами Сократа) не говорит нам о симулякрах, он создает символ, предлагая Главкону, собеседнику, представить эту пещеру, узников, людей с утварью в руках, выведенного наверх героя, который должен привыкнуть к свету солнца, узнавая истинные предметы и людей сначала по их тени, затем – по отражению в воде и лишь потом – непосредственно. Небесные тела он будет изучать в ночное время, после – Солнце при свете дня. Тогда он обнаружит свет как источник всего (Единое), и мир, который объединяет Благо. Печально, что после узник должен вернуться в пещеру и волей-неволей вступить в спор с ее обитателями. Несомненно, это образ философа, не понимаемого «толпой», в противоположность «софистам», опирающимся на интересы и мнение «толпы». Знающий истину, по Платону, бодрствует, не знающий – мнит (грезит), имеет мнение, запутывается в противоречиях без ясной цели.

Встав на место Главкона и ярко представив себе описанную историю с узником, остается все же главный вопрос: где здесь собственно сам символ? Это пещера, отсылающая нас как к понятию «тьмы невежества», идеям познания, преодоления, развития, озарения, так и к анатомической метафоре «пещеры» – черепной коробки, и еще дальше – к «психическому театру», с объектами и их тенями? Или главные здесь – узники в пещере и свободные люди на поверхности, то есть «непросвещенные» и «просвещенные», символ равен состоянию? А может, это далекий источник света и финальная его «эманация» в виде теней? Символ в таком случае вместил бы в себя парадоксальность свето-образной метаморфозы. Возможно, нам придется принять, что в отношении функционирования символа все эти догадки окажутся правильными и при этом не будут исчерпывающими – символ окажется чем-то большим суммы толкований. Верным ли будет предположение, что таким образом Платон разворачивает перед нами «живой» символ, технически погружая при этом в «химеру»? И, конечно, остается еще один интересный вопрос: кто же такие эти «фокусники» и их «помощники»?

---

¹⁷ Платон. Государство (Платон, 2013, с. 250–254 [20]). Книга 7, «Символ пещеры».

Наследие платонизма видно в позиции И. Канта (Э. Кассирер, 1997 [11]), противопоставлявшего символическое как вид интуитивного интеллектуальному, дискурсивному (проблема не-дискурсивности характерна для «химеры»), у И. В. Гете (И. В. Гете, 1969 [6]), говорящем о символическом схватывании, парадоксальной вмещаемости символа, его бесконечной активной силе, скрывающей при этом нечто непознаваемое (вмещаемость «химеры», неизвестная нам доподлинно, коррелирует, как можно представить, с вмещаемостью бессознательного), у представителей русской философии – П. Флоренского (Э.М. Спирова, 2010 [24]) и Ю. Лотмана (Ю.М. Лотман, 1992 [17]), говорящих об абсолютной незнаковой природе символа (а значит, можно думать и о его неоформленности как неограниченности, что характерно и для «химеры»), «мерцающем» содержании, «мосте», соединяющем рациональный мир и мистический, бытии, которое больше самого себя (то есть о символе как сумме целого, превосходящей сумму отдельных слагаемых). Интересна позиция Г. Гадамера (Х.С. Гафаров, 2003 [4]), находящего в символе отсылку парадоксального рода, то есть не только функцию отсылающую, но и воплощающую значение (идея символа как «означающего и означаемого», открывающегося посредством воспринимающего субъекта, может быть синонимична идее «химеры» в принципе). Идеям Э. Кассирера (Э. Кассирер, 2011 [14]), упомянутым ранее, близка позиция Л. Уайта (Л. Уайт, 2004 [28]), проводящего прямую связь между символизацией и функционированием культуры (вспомним о «символическом животном» Кассирера) и, конечно, К.Г. Юнга (К. Г. Юнг, 1991 [36]), чья архетипическая теория специфически коррелирует и с «химерой бессознательного» (что, конечно, требует отдельных дополнительных разъяснений) и с пониманием символа и символизации в психоаналитической традиции.

Платон говорит, что философ «вождедеет к мудрости»¹⁸. Мы можем представить философствование как «преследование», «любовную пентрацию» и «зачатие» символического – мысль гонится за истиной, настигает ее и (в фантазии мыслителя) овладевает ею. Тогда же «зачинается» символ. Психоанализ – скорее, «вынашивание» символического.

«Материнская» линия происхождения «химеры»

Так мы подходим к «материнской» линии возникновения «химеры бессознательного». Как отмечает П. Орбан (Энциклопедия... 1998, с. 533–540), термин «символ» существует у Зигмунда Фрейда в трех редакциях. Первая, самая ранняя, связана с «конверсией»: расщеплением на «представление» и «аффект», который мутирует в симптом, лишившись «представления» – то есть становится символом. «Символ воспоминания», истерический симптом, «некий паразит» – стоят здесь в одном ряду, и символ, как мы видим, не имеет совершенно никаких околофилософских

¹⁸ «...любитель мудрости философ вождедеет не к одному какому-то ее виду, но ко всей мудрости в целом» (Платон, 2013, с. 204 [22]), Книга пятая, гл. «Философ – тот, кто созерцает прекрасное».

коннотаций (Энциклопедия... 1998, с. 533). Символ и симптом соединены Фрейдом скорее механически, с практической утилитарностью и, в целом, термин «символ» можно легко заменить на «знак», поскольку пока в его значение не входит совершенно никакого скрытого смысла, биографического содержания. Во второй редакции «символ» уточняется как «символические симптоматические действия» или «символизация» и уже имеет содержательные биографические указания, логическую взаимосвязь (иллюстрируемую примером из «Психопатологии обыденной жизни» – случаем за обедом Фрейда с его коллегой-философом, обронившим кусочек торта, «лакомый кусочек», как интерпретирует это симптоматическое действие Фрейд). Третья редакция возникла в связи с толкованием сновидений и содержанием бессознательного, ищущего «законный», то есть свободный от цензуры выход, заменяя один образ другим. Свод «означающих» (объектов символизации) оказался (в интерпретации Фрейда–Джонса) не слишком длинным, в отличие от разнообразия и богатства означающих. Это жизнь и смерть, беременность и роды, человек, мужчина и женщина, отец и мать, родители и дети, половые органы – мужские и женские, грудь, эрекция, сношение, онанизм (Энциклопедия... 1998, с. 536). Сразу отметим важный момент: несмотря на специфичность ракурса (острый фрейдистский акцент по сравнению с общефилософским кругом тем, даже по сравнению с главным вопросом философии – вопросом самопознания), лаконизм набора образов – то есть собственно символов (в отличие от подстановочных для продвижения их сквозь инстанции психического аппарата знаков, означающих) – характерная примета вхождения в символическое, сужающее круг, условно, главных тем. Вспомним о «референтных точках» и четырех сюжетах, вспомним о расширении значений (символической эманации), но постоянстве «символической пары». В результате генезиса трех редакций символ, в классической психоаналитической интерпретации, остался, так или иначе, означающим, то есть знаком по отношению к небольшому набору представлений, вытесненных и изображаемых символически. Здесь можно сделать шаг в сторону юнгианской критики и сказать, что «вытесненным» могло стать и собственно символическое (сейчас я ставлю временное равенство между архетипическим и символическим), нуждающееся в сообщении с иными психическими инстанциями посредством знака (а не символа – терминологический нюанс). Но важнее, что даже в утилитарном своем виде символ удержал связующую функцию между вытесненной травмой и ее репрезентацией (изначально – в рамках анализа сновидений, и далее на протяжении всей психоаналитической традиции). Не будет лишним отметить, что связующая функция крайне важна и для «химеры бессознательного».

Если представить себе символизацию художественную (в самом обобщенном виде), взглянув психоаналитически на эту форму функционирования психики, первое, что гипотетически можно здесь предположить – богатство образного ряда, причем большее, нежели в среднем клиническом случае. С этой точки зрения, одаренность, талант могут быть измеримы количественно и качественно – обилием и оригинальностью

символизируемых представлений. Сами представления, «означаемые» (придерживаясь классической позиции) не будут принципиально отличаться от данного выше списка основных. С художественной точки зрения, нас могут удивить, восхитить примеры парадоксальной символизации, нетривиальные связки между «травмой и ее репрезентацией», символические ребусы, приглашающие нас, как зрителей, к эстетической игре в разгадывание смыслов (суть игры, естественно, в самой игре, в красоте загадки, а не в разгадке). Потому фрейдистский анализ художественного творчества всегда продуктивен, однако не всегда его можно назвать исчерпывающим – хотя бы потому, что вопрос «убиквитарности» символического «словаря» так и остался, в общем, открытым, и противопоставление двух позиций по этому вопросу – о врожденной модели идентификации восприятий (архаической, лингвистической, по Фройд) или приобретенной в ходе социализации (сходной, как выясняется, в большинстве культур) (Энциклопедия... 1998, с. 539–540) – синонимичен в своей основе спору о критериях истинности символического или (уже ставшему классическим) противопоставлению идеализма «переворачиванию платонизма вверх ногами» Жюлья Делеза¹⁹, символу (имеющему глубину, но скрытую «корневую систему») и симулякру (исключительно утилитарному, но подавляющему избыточностью). И если интуиция Фрейда о врожденном характере символизируемого содержания верна, то каким может быть разъяснение этого феномена, в дополнение к теории трансгенерационного переноса, помимо юнгианской гипотезы о «коллективном бессознательном»? Теоретическое обоснование функционирования «химеры бессознательного» находится приблизительно в русле тех же вопросов и той же проблематики.

К. Ясперс и Ж. Лакан: психопатология, философия, психоанализ

Еще один интересный в теме символического и «химерического» ракурс можно найти на пересечении философии, психопатологии и психоанализа, между двумя, казалось бы, совершенно отличными друг от друга фигурами Карла Ясперса и Жака Лакана. Исследования первого (в частности, ключевой труд Ясперса «Общая психопатология») дают возможность прочертить (не всегда прямую) линию между нормой и патологией, взглянув на процесс символизации в ее психопатологическом виде. Психоанализ Лакана, напротив, выводит из ситуации прямого деления на «больное и здоровое», приглашая к философской дискуссии, в том числе о нахождении собственного Я и Реального, скорее угадываемого, нежели опознаваемого. Не пытаюсь дать глубокую сравнительную характеристику, ограничусь максимально кратким сопоставлением важных для нас моментов.

Карл Ясперс, классик психиатрии, один из выдающихся философов-экзистенциалистов, в ряде ключевых вопросов был очевидным

¹⁹ Об этом см.: (О.А. Губанов, 2012 [10]).

последователем идеализма. В частности, это касается понятия «подлинной культуры», коррелирующей с трансценденцией и областью человеческого духа. «Прорыв в потустороннюю подлинную реальность связан у К. Ясперса с "пограничными ситуациями". В эти ситуации человек оказывается вовлечен, когда перед ним возникает выбор, имеющий решающее значение для его судьбы»²⁰, – так, подлинная реальность Ясперса может быть соотнесена и с «иницированием» (своего рода, «прорывом») в символическое, и с «Реальным» Лакана, связанным так или иначе с работой бессознательного, глубоко скрытой от сознательной деятельности. С философских позиций Ясперс различал предметное бытие, экзистенцию, и трансценденцию (метафизику), при этом последняя обладала специфическим методом шифрования, – не идет ли здесь также речь о механизме символизации? Тогда упоминаемые философом «крушение шифра» и «пограничная ситуация» могут пониматься как аналоги открытия прямого содержания бессознательного. Интересен также взгляд Ясперса на сознание, которое он предлагал различать в двух «фазах»: «бодрственное и рефлектирующее»²¹. Последнее граничит с деперсонализацией, понимаемой философом-психиатром не как патопсихологический симптом или синдром, а как особое состояние сознания, связанное с духовной деятельностью человека. Отмечу, что эффект деперсонализации характерен для описываемого Мишелем де М'Юзаном состояния во время функционирования «парадоксальной системы», связанной с «химерой» бессознательного²². Позиция Ясперса относительно деперсонализации может быть понята в русле антипсихиатрии, то есть может выявить особый ракурс, касающийся как раз одной из границ нашей темы – творческой экзальтации и творческого безумия (безумия как патологического состояния). Граница между нормой и патологией, повторю, проведена здесь, скорее, пунктиром²³. С другой стороны, именно Ясперс подробно описывает виды патологий, связанные с восприятием (тестированием) реальности. Так, можно предположить, что существование «шизофренического мира»²⁴ – своего рода, патологический аналог «бытия» символического. Хотя само понятие «символ» Ясперс отвергает как «клириканство»,

²⁰ О философии Ясперса см.: (П.Т. Петрюк и др., 2013 [21]).

²¹ Там же.

²² Де М'Юзан пишет: «Он [психоаналитик] испытывает в этом случае неуловимое изменение состояния, что-то вроде очень легкого волнообразного движения, которое парадоксальным образом не сопровождается снижением внимания. Родство этого опыта с некоторыми слабыми состояниями деперсонализации – очевидно» (Французская психоаналитическая школа, 2005, с. 194 [29]).

²³ По этому поводу в главе «Объективация психического мира в познании и творчестве (психология творческой деятельности – *Werkpsychologie*)» Ясперс отмечает: «Значимая субстанция объективного духа не подвержена болезни. Но болезнь отдельного человека может иметь в качестве своей первопричины то, как именно этот человек соучаствует в жизни объективного духа и воспроизводит этот дух <...> Как принадлежность к роду человеческому вообще, так и принадлежность к разряду больших людей проявляется в том, каким образом индивид приспосабливает структуры духа для своих потребностей и как именно он их модифицирует» (К. Ясперс [37]).

²⁴ О «шизофренических мирах» читаем в «Общей психопатологии» в параграфе 2 «Трансформация личностного мира» (К. Ясперс [37]).

а психоанализ целиком – как «сектантство», сойдя на менее радикальную позицию, мы найдем довольно большое количество потенциально важных аналогий, способных при деликатном их сближении пролить свет на еще мало изученные области психологического знания.

Символическое у Лакана, как известно, входит в триаду «Реальное – Воображаемое – Символическое» и напрямую связано с языком. Оно формируется последним через эдипову ситуацию и является как местом культуры, так и обиталищем Другого как результата вытеснения. Символическое становится знаковым, теряя свое особое происхождение в до-языковом бессознательном (в Реальном, обратный путь куда, по Лакану, почти невозможен). Обозначая себя (в языке), человек теряет себя, в некотором смысле – дублируется языком. Возможно, именно в этом дублировании лакановская навязчивость «другого» – призрака, преследователя – отражения (другой) и тени (Другой). Однако даже «означенный» символ сохраняет некоторые характерные черты, уже знакомые нам. В частности, способность соединять – правда, интерпретированную Лаканом скорее как тотальное разделение и несводимость. «Главное в знаке, по Лакану, – не означающее и не означаемое, а черта между ними <...> Видна лишь одна сторона листа. Формула Лакана – формула не отношений двух составляющих знака, а их разделенности. Доступно лишь означающее» (М.А. Мазин [19]). Здесь символ оказался будто бы отрезан от своих корней, оставлен по одну из сторон, и таким образом, кроме как знаком, он ничем быть уже не может. «Означающее указывает не на означаемое, а на другие означающие, обнаруживаемые в последовательности, в цепи» (М.А. Мазин [19]), – вспомним здесь и о богатстве и обилии символов по сравнению с лаконичным символизированным содержанием – у Фрейда. Кроме того, в этой множасьей и разрастающейся символической (а на самом деле – знаковой, и у Лакана и у Фрейда) вселенной нам остается, как кажется, всего шаг до симулякра, низведенного как подделка Платоном и возрожденного к новой, лучшей жизни постмодерном, ведь чем как не связью «означающего с другими означающими» поддерживается жизнь симулякров, не имеющих корней? Можем ли мы найти здесь терапевтическую аналогию? Отчасти, опираясь на открытия Лакана, подсказкой для нас будет сквозящая, не всегда очевидная, но постоянно так или иначе присутствующая «ложь» – как в отношениях Супер-Эго и Бессознательного²⁵, так и в языке, то есть в лакановской символизации (поскольку Бессознательное, по Фрейду–Лакану, лежит на поверхности речи). Эту «ложь» – символизацию без символизации, симулированную символизацию – мы можем аналитически понимать как

²⁵ «*Jouissens* связан с требованием наслаждаться, идущим от супер-эго, жестоким императивом: *Наслаждайся!* – которому субъект никогда не сможет удовлетворить. Супер-эго поощряет *jouissance*, но одновременно и запрещает его. Фрейд указывал на парадоксальность функционирования супер-эго, так как оно тайно питается тем удовлетворением, от которого оно требует отказаться. Строгость супер-эго, таким образом, оказывается лишь средством достижения *jouissance*» (Компендиум Лакановских Терминов [16]).

форму защиты и обозначить клинический диапазон от индуцированного бреда (не стойкого, заимствованного бреда, т.е. бреда ложного, «обманного», заставляющего нас подозревать, что он (бред) является формой защиты) до интеллектуализации, пользующейся символическим с бессознательной целью уйти от продуктивного анализа (можно предположить, что эта функция интеллектуализации будет задействована в связке с другой защитой – идеализацией/обесцениванием, в ходе идеализации и в контексте патологической, вероятнее всего, нарциссической проблематики). Здесь мы подходим к вопросу, выходящему далеко за пределы нашего исследования – вопросу о нарциссической симуляции и, соответственно, подмене символа симулякротом – в аналитическом дискурсе. Обозначив эту более чем гипотетическую тему, но не развивая ее, мы можем предположить, что функционирование «химеры» в этом случае будет крайне затруднительным (если вообще возможным). Не потому ли де М'Юзан отмечает, пытаясь, как кажется, в том числе размежевать истинное и ложное в анализе, что «химера» задействует скорее творческие механизмы? Является ли симулированное «творческое» действительно творческим? То есть, разворачивая в обратную сторону определение де М'Юзана, можно ли принять за один из критериев творчества продуктивное функционирование «химеры» бессознательного?

Художественная символизация

Не пытаясь сейчас ответить на все эти вопросы, резюмирую: поиски «лазейки» в символическое, в художественное символическое происходят на стыке теорий и отдельных понятий. И художественная символизация интересна не только потому, что художественное творчество оказывается близко связано с функционированием «химеры», а главным образом по причине широты этого дискурса, многообразия художественной практики и при этом включения в нее (негласных) критериев истинности («правда/не правда», «верю/не верю», – по К. Станиславскому), а значит и избранности по принципу меньшей или большей одаренности, по способности к искреннему высказыванию. Художественный процесс, представляющий особый вид психической деятельности, отчасти может быть патологичен, однако, как и иные виды функционирования, представляет собой в целом «согласованный бред» (В. Руднев), позволяющий, с одной стороны, выйти за пределы означаемых (почти что за пределы Символического Лакана) в некое «квантовое символическое» (позволим себе предположить – почти Реальное Лакана) без выпадания в «реальный бред», «шизофреническую реальность» (К. Ясперс).

В частности, музыка – это сообщение без языка (напомню: бессознательное лежит на поверхности языка, Символическое связано с языком, по Лакану). Искусство вообще, если позволительно такое обобщение, – коммуникация без языка как такового. Оно информативно, но языка у этой информации нет, она избавлена от языка, даже имея в себе языковые формы (к примеру, язык как «символическую форму», по Кассиреру, – в литературе). А значит, это символ, переставший быть знаком, избавившийся

наконец от знака как от вируса, ставший символом как таковым, без четких границ, без очевидных опознавательных знаков, – символ, ставший самим собой и ставший химерой.

**Пара, в которой что-то происходит
и что-то умалчивается: скрытое удвоение
и «паразитический» симулякр**

Символ может проявиться там, где есть символическое функционирование, и поскольку символ находится в объединении двух половин, то появление «пары», в которой (в художественном смысле) что-то как будто происходит и при этом как будто умалчивается – может быть признаком символического функционирования. Сама пара – проекция воспринимающего субъекта, символического субъекта. Поэтому двух можно принять за одного и обратно: одного как двоих. Один, кроме того, может вместить в себя три состояния: 1. символическое не-воспринимаемое (скрытая часть); 2. символическое воспринимаемое; 3. воспринимаемое субъектом (без акта восприятия символическое, в некотором смысле, не существует). При этом, если воспринимающий субъект проецируется как символическая пара, то «три» как бы скрыто содержит в себе «четыре». Потому говоря, что в паре что-то происходит и умалчивается, я имею в виду это скрытое удвоение. Аллегорически эта модель функционирования символического может быть проиллюстрирована прасюжетом, библейской метафорой о происхождении человека (человека символического, того самого пра-Адама, перво-Адама, стоящего и как бы составляющего третью ось системы символических координат): «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» [Быт. 1:27]. Если божественное ассоциировать с невидимым (непроявленным, скрытым) символическим, то слова «его; мужчину и женщину» – и есть манифестация символической пары, проекции воспринимающего субъекта. Упомянутое удвоение заметно также на протяжении первых двух глав Бытия, поскольку во второй главе вновь говорится о создании человека (после завершения творения за 6 дней и дня отдыха): «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [Быт. 2:7], там же, после описания Эдема, заповеди не есть от древа познания добра и зла и имя-наречения всех живых существ, описано появление женщины («помощника, соответственного ему [человеку]»): «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего]». Таким образом, в первых двух главах мы будто наблюдаем происхождение человека в виде символической пары, то есть символического человека, и далее – человека «из праха земного», которому «не хорошо быть одному», потому ему нужна подруга; то есть последняя пара уже помещена в сюжет, собственно в «прах земной». Развивая метафору, отметим, что последовательное, сюжетное разворачивание первых двух глав в самом начале третьей выводит на авансцену

проблематичного во всех смыслах персонажа – змея, который и дает завязке этой истории мощный ход. Змей, в некотором смысле, «вползает» в пару, становясь между людьми, искушая и разделяя их, а в финале произошедшего инцидента, наоборот, скрепляя их узами более крепкими, чем прежние – узами тайного сговора, соучастия, преступления закона, нарушения запрета. Так мы получаем пару, в которой что-то происходит и умалчивается, пару, имеющую третьего как связующее звено сговора. За этой парой стоит другая – символическая пара (пра-Адам), имеющая третьего как источник происхождения – непроявленное символическое. Два треугольника, один – вертикальный с непроявленной вершиной (символом), и другой, растянутый горизонтально, с третьим в качестве искушителя, то есть «паразита» (симулякр). И «паразит» этот рождается именно в удвоении, закладывая таким образом начала темного двойничества (тени), в отличие от зеркального двойничества (зеркального близнеца) первых двух глав Книги Бытия. Симулякр, или «паразит», оказывается тенью на стене платоновой пещеры, оторванной, или не имеющей изначально источника, который мог бы ее отбросить, лишней тенью – что естественно внушает нам ужас²⁶ и заставляет запустить процесс вытеснения этого опыта в бессознательное (где, как кажется, тени самое место), а бессознательное становится «маленьким личным адом» с блуждающими там неприкаянными тенями, только и ждущими момента вырваться на свободу. Закруглим метафору допущением, что «химера» бессознательного может быть аналитической попыткой воссоздать исходный символический треугольник, и воссоздание этого треугольника имеет скрытую опасность присутствия в «химере» «паразита» – лакановой «лжи», нарциссической прагматики, индуцированного бреда/психоза и прочих «инородных тел», «спутников» символического человека, успешно маскирующихся под защиты и собственно «защитников», «советчиков» и в целом

²⁶ Сравним нашу «тень, не имеющую источника» с описанием жуткого у Фрейда, говорящего, во-первых, о том, что «жуткое – это та разновидность пугающего, которое имеет начало в давно известном, в издавна привычном <...> для нас интереснее всего то, что слово (*heimlich*) среди многочисленных оттенков своего значения демонстрирует одно, в котором совпадает со своей противоположностью (*unheimlich*). *Heimlich* тогда становится *unheimlich* <...> Жуткое – это все, что должно было оставаться тайным, сокровенным и выдало себя <...> Э. Йенч выделяет как превосходный случай "сомнение в одушевленности кажущегося живым существа, и наоборот: не одушевлена ли случайно безжизненная вещь" и при этом ссылается на впечатление от восковых фигур, искусно изготовленных кукол и автоматов. Он добавляет впечатление жуткого от эпилептического припадка и проявлений безумия, потому что с их помощью в зрителе пробуждаются догадки об автоматических – механических – процессах, видимо, скрытых за привычным образом одушевленного»; и во-вторых, одним из главных мотивов, производящих жуткое впечатление, Фрейд уверенно называет двойничество: «проблема двойников во всех оттенках и вариантах, то есть появление людей, которые из-за своей одинаковой наружности должны считаться идентичными, усиление данной ситуации благодаря скачку душевных процессов от одной из персон к другой – что мы назвали бы телепатией, – так что один персонаж овладевает знаниями, чувствами и переживаниями другого, отождествляется с другим лицом, герои произведения [Э. Т. А. Гофман, «Эликсир дьявола»] плутают в своем Я или перемещают чужое Я на место собственного, то есть происходит удвоение Я» (З. Фрейд, 1919 [30]). Кроме того, нужно отметить размежевание Фрейдом двойника-тени и двойника-отражения и их особые роли в психической жизни человека.

довольно темных (теневого) персон. Симптоматично, что в предложенной выше метафоре из Песни Песней этой «темной фигурой» оказывается «мать» – Суламифи, готовая скрывать любовников «во внутренних комнатах»; Саломеи, подговаривающая дочь искусить царя (отчима!) и казнить Иоанна.

«Химера» Мишеля де М'Юзана

«Химера» Мишеля де М'Юзана особым образом глубоко связана с бессознательным. Потому разъяснение ее функционирования не может избежать аналогий с жизнью этой инстанции, ее «характером» (если можно, с одной стороны, одушевлять и антропоморфизировать эту часть психического аппарата, а с другой – особый «характер» – это именно та деталь, которая невольно вырисовывается во всех исследованиях бессознательного, прямо или косвенно ее описывают все авторы, касающиеся этой темы). Характер при этом в большей степени ассоциируется с пресловутой «хитростью» бессознательного, спаянной со столь же заметной авторитарностью. Интересной параллелью между психоанализом и философией будет здесь сопоставление альянса Сверх-Я и Оно с «мировым разумом» В.Ф. Гегеля²⁷ – параллелью, которую сейчас мы оставляем в стороне, чтобы сосредоточиться на той «части» бессознательного, которая связана как с процессом символизации, так и с «химерой» в ее активном действии. Об этом читаем: «Здесь друг подле друга могут мирно уживаться взаимоисключающие представления, чего не бывает в сознательной системе. Энергетические части, которыми катектированы представления, могут быть оттеснены, замещены другими, и, при определенных обстоятельствах, сгущаться в одно-единственное. Логические связи, закон противоречия, пространственные и временные границы здесь не имеют никакой силы. Из этой системы выпадает реальное отношение ко внешнему миру, свойственное сознательной системе. Для бессознательной системы нет ничего невозможного, она не знает ни колебаний, ни запретов. Она замещает материальную реальность реальностью психической, которая может воплотиться в сновидениях, фантазиях, галлюцинациях и видениях» (Энциклопедия...1998, с. 271 [35]). В целом, бессознательное может быть представлено как некая «параллельная реальность», царство

²⁷ Хитрость мирового разума, по Гегелю, видна в *«опосредствующей деятельности, которая, дав объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель»* (В. Ф. Гегель, 1929, с. 318–319 [5]). О тесной взаимосвязи Сверх-Я и Оно («преследующего» не рациональные, порой антиморальные цели) у Фрейда читаем: *«Я-идеал является, таким образом, наследником Эдипова комплекса и, следовательно, выражением самых мощных движений Оно и самых важных судеб его либидо. Выставив этот идеал, Я сумело овладеть Эдиповым комплексом и одновременно подчиниться Оно. В то время как Я является преимущественно представителем внешнего мира, реальности, сверх-Я выступает на встречу ему как поверенный внутреннего мира, или Оно. И мы теперь подготовлены к тому, что конфликты между Я и Я-идеалом в конечном счете отразят противоречия реального и психического, внешнего и внутреннего миров»* (З. Фрейд, 2015, с. 175 [34]).

фантазии в ее неоформленном (до-оформленном) виде, о чем мы не имеем даже приблизительно ясного понятия, но с чем – как бы с резервуаром, с глубокими темными водами – мы соприкасаемся, распознавая движение, «шевеление» этих «вод» по «гравитационной тяге», поднявшись на поверхность артефактам, необъяснимым, странным, иногда пугающим. Сновидение и спонтанная интуитивная творческая работа – благодатная среда для «жизни» этих артефактов у поверхности сознания. Сюда же мы можем отнести и иные измененные состояния сознания, вход в которые возможен естественным и специально стимулированным путем²⁸, в ряду которых стоит и «химера» бессознательного, представляющая собой «общее трансферентно-контртрансферентное состояние ИСС, возникающее в психоаналитическом процессе между аналитиком и субъектом» (А.В. Россохин, 2009 [23]).

В книге Мишеля де М'Юзана «L'inquiétude permanente» («Постоянное беспокойство») дано следующее определение «химеры»:

«"Химера" (1978) означает некое новое образование, родившееся из слияния двух бессознательных: анализанта и его психоаналитика; это монстр, обладающий собственным рабочим режимом. Рост этого фантастического ребенка зависит от различных воздействий, оказываемых его создателями. Некоторые из них относятся к структуре анализанта. Но нужно также учитывать, что другие зависят от психоаналитика и развиваются из первичной идентификации и до определенных границ *деперсонализации*. <...> Для де М'Юзана неожиданное появление *психологической химеры* означает корректность психоаналитического лечения. <...> Затем, фон, на котором разворачиваются его [де М'Юзана] рефлексии, скорее относится к литературному, культурному и даже поэтическому порядку (в это время он уже написал в собрании "Métamorphose" [Метаморфоза], в Gallimard, два сборника "коротких рассказов": *Les Chiens des rois* [Собаки королей] (1954) и *Le Rire et la poussière* [Смех и пыль] (1962), затем в Grasset: *Celui-là* [Тот] (1994)).

<...> Де М'Юзан "одалживает" воображение пациенту, рискуя получить то, что он называл "афанизисом психики". <...> Это не имеет много общего с "эмоциональными страданиями пациента, которые прочувствовал и разделил с ним психоаналитик" Огдена. У де М'Юзана речь не идет о трансформации кажущихся "бета-элементов в альфа-элементы", а скорее о ситуации специфического обмена с пациентом. Психоаналитик и анализант должны оба обладать настоящими способностями, которые бы им позволили поддерживать первичные регрессии и измеряемые деперсонализации. Наконец, когда у де М'Юзана химера является следом настоящего психоанализа, способного сместить акценты с "Я" в том, что

---

²⁸ Отметим здесь глубокое исследование измененных состояний сознания в психоаналитическом ключе: (А.В. Россохин, 2009 [23]). Вслед за А.В. Россохиным измененные состояния сознания можно определить «как состояния, в которых происходит трансформация семантических пространств субъекта, изменения формы категоризации, сопровождающиеся переходом от социально-нормированных культурой форм категоризации к новым способам упорядочения внутрэнного опыта и переживаний» (А.В. Россохин, 2010 [24]).

он называет "спектром идентичности", Огден говорит о "третьем лице" <...>. Де М'Юзан постоянно писал, что без возникновения его "химеры" в деятельности переноса-контрпереноса нет настоящего психоанализа, а только "*squiggles*" [каракули] Винникотта <...>. Де М'Юзан не обращается к нарративности или событийной истории анализанта, как в случае общих фантазий со своим пациентом у Огдена, но к структурам ума самого пациента. Это специфический характер умственной деятельности последнего и его способов повествования (содержащих вытеснение, избегание, ретроактивное аннулирование и т.д.) <...> Де М'Юзан не интересуется пережитыми историями, которые случились в повседневной жизни, либо были воскрешены в памяти или пробудили в главных действующих лицах непреодолимую нужду поделиться своим настоящим или ментальным опытом (Огден и главенствующая роль "проективной идентификации"). Внутри этих же историй из прошлого, рассказанных пациентом, де М'Юзану нравится их риторика, постановка, что и составляет принципиальную разницу. <...>

Химера де М. де М'Юзана однозначно отсылает к тому, что он называет "парадоксальной системой", в которой парадоксальное качество не подразумевает режим, свойственный ночным грезам, и тем более не предполагает совместных фантазий пациента с психоаналитиком; это скорее поэтическая деятельность мысли наподобие той, которую мы, в основном, встречаем у Антонена Арто или Андрея Белого»²⁹.

«Химера» и символ

Итак, прежде чем сформулировать методологические подходы к исследованию «химеры», нужно дать ряд уточняющих аналогий, связывающих понятие «химера» с определением символа, так как, на мой взгляд, они оба имеют как общую природу, так и общие способы функционирования в культуре и, узко, человеческой психике. Не ставя между ними знак равенства, я предлагаю представить символ и «химеру» как феномен и конкретную форму его проявления, неотделимую от него, его, по сути, обозначающую.

Ориентируясь на подробное определение «химеры» де М'Юзана, можно сказать, что, как и символ в платоновской интерпретации, «химера» вмещает истинное – в данном случае, истинное содержание бессознательного анализанта, не вербализованное и не угадываемое, но точно определяемое аналитиком. Так же, говоря об истинном и ложном, можно вспомнить об отличии символа от симулякра (в философии Платона). Очевидно, де М'Юзан отвергает присутствие в «химере» «лжи» (симулякра, «паразита»), в чем, на мой взгляд, нельзя быть до конца убежденным; «химера», расширяя спектр ее значений и область функционирования, способна вместить инородное (не относящееся к обоим, включенным

²⁹ Фрагмент книги Мишеля де М'Юзана «Постоянное беспокойство» (Michel de M'Uzan, 2015, p. 138–140 [38]), пер.: Виктория Юшкевич.

в «химеру», бессознательным) содержание – что, возможно, характерно в большей степени для творчества, нежели для строго аналитического процесса. Однако сам де М'Юзан апеллирует к творчеству («поэтическая деятельность мысли»), позволяя нам пойти с другой стороны (со стороны искусства) навстречу тем же вопросам и изысканиям. Не-дискурсивность символа, по Канту, также синонимична «химере», описание которой представляется более удобным на конкретном примере аналитического случая, нежели в сухом теоретическом ключе. Более того, обоснование функционирования «химеры» требует методологических новшеств, предполагающих вовлеченность исследователя в процесс воссоздания «химеры», становление на позицию наблюдателя, без которого ход эксперимента затруднителен и не может считаться состоявшимся. Парадоксальная вмещаемость символа, о которой говорил Гете, характерна как для бессознательного вообще, так и для «химеры», объемы которой сложно обозримы, если вообще представимы. «Химеру» в аналитическом процессе обрамляет «кадр», являясь искусственной границей, но не сдерживает. «Химера» в общехудожественном контексте в большей степени близка пониманию символа по Гете, сюда же мы можем отнести «вечные сюжеты», или наши «референтные точки», являющиеся одновременно и символическим субстратом, и собственно «химерами», оставленными для будущих поколений творцов, способных с ними совладать, или, по де М'Юзану, обладающих «настоящими способностями, которые бы им позволили поддерживать первичные регрессии и измеряемые деперсонализации». Незнаковость символа, отмечаемая Лотманом, очевидно характерна для «химеры», отводящей аналитическую пару (аналог символической пары) от Символического Лакана ближе к его же Реальному благодаря прямому взаимодействию бессознательных – взаимодействию, огибающему обозначающую и клиширующую функцию слова, которая, в свою очередь, довлеет над до-словесным содержанием. Очевидно, что первый шаг к этому освобождению был сделан Фрейдом в рамках техники свободных ассоциаций, выводящих слово из цепи строгого логического соответствия. В функционировании «химеры» мы замечаем то же «мерцающее» содержание, характерное символу, когда вдруг возникшая на поверхности речи фраза или образ, выведенные из «химеры», становятся решающими в аналитическом процессе. Столь же близки будут понятия «парадоксальной отсылки» Гадамера и «парадоксальной системы» де М'Юзана, парадокс единства означающего и означаемого равен здесь парадоксу единства бессознательных, не имевших цели (и тем более – четкого плана) воссоединиться и обменяться содержимым. «Символические формы» Эрнста Кассирера как нельзя лучше подходят, на мой взгляд, к описанию не только символического, но и «химерического», поскольку принципиально размывают границы символа как «частицы», предлагая более продуктивный подход к пониманию этого феномена – в метафоре «волны». Те же «волны» скорее опишут процесс взаимодействия бессознательных, напоминая в большей степени не обмен конкретными образами, а общий резонанс. Приближая понятие «символических форм» к непосредственно психическому контексту, мы можем представить себе

функционирование («биение») своего рода «символических пластов» в до-сознательных инстанциях, выводящих на поверхность избранные образы или ощущения (предчувствия). Последние могут продолжить свой путь как внутрь «химеры», так и в художественный контекст (являющийся «прахом земным» до того, как возникший естественным путем образ станет «дыханием» новой жизни). Так содержание бессознательного имеет (в данном случае) двойкий выход: в «химеру», запускающую, по де М'Юзану, аналитический процесс, и в символическое, питающее творческий. Как кажется, именно поэтому де М'Юзан принципиально настаивает на родстве этих процессов.

Отдельный вопрос, которого следует коснуться, – время бессознательного, не соответствующее, что очевидно, времени, воспринимаемому сознательно. Традиционно маркируемые нами три точки на абстрактной временной шкале – прошлое, настоящее и будущее – теряют в бессознательном линейную последовательность, что позволяет осуществляться сложным психическим процессам: от фиксаций, защит и комплексов, снов и галлюцинаций до парадоксальных ассоциаций, порой соединяющих несоединимое, инсайтов и художественных открытий. Добавив ко времени бессознательного представление о его пространстве (или среде), мы получим гипотетическую модель пространства-времени, не вполне, говоря осторожно, соответствующую классической (и, конечно, с трудом познаваемую, только отчасти), приближение к пониманию которой возможно (гипотетически) с позиций воспринимающего субъекта – символического человека, находящегося на третьей оси координат так же сразу в трех условных точках (вторая из которых является точкой «символической инициации», символического рождения – это центр оси координат), то есть в суперпозиции, условием которой будет единомоментность «прошлого-настоящего-будущего». Этот человек, «квантовый человек», будет обладать необходимым потенциалом как для творческого делания, так и для работы с бессознательным, включающим взаимодействие посредством «химеры». И в отличие от концепции сверхчеловека Ф. Ницше, можно предположить, что движение к символическому, способность к психическому «квантованию» доступны куда большему количеству людей, чем мы можем сейчас представить. Тот же оптимистический прогноз хочется сделать в отношении «химеры бессознательного» в аналитическом контексте: «кастовость», все-таки включенная де М'Юзаном в определение «химеры» (творческая кастовость, специфическое функционирование психики), имеет потенциал к расширению.

Не освещенным остался вопрос о соотношении символического, «химеры» и коллективного бессознательного К.Г. Юнга. Эта тема требует отдельного рассмотрения, однако пунктирно можно отметить наиболее для нас важное. Красота теории коллективного бессознательного и даже отдельные факты, доказывающие ее актуальность, не могут дать исчерпывающего ответа, применима ли эта теория в полном ее объеме. И здесь очевидна параллель с общей теорией символического (в идеалистическом ее ключе, который мы довольно подробно рассмотрели выше), выдерживающей многообразные толкования, но не становящейся абсолютно

понятой. Природа символического, ускользающая от прямого рационального взгляда, не дает нам такой возможности, что я отметила сразу, предложив ограничиться разъяснением (фиксацией) «референтных точек» – ориентиров, маяков, позволяющих нам продвигаться глубже в этой теме, но не дающих полной ясности. Особый взгляд на символическое, как и концепция «химеры» де М'Юзана – в большей степени локальные исследования, имеющие потенциал расширения (обобщения общекультурного, общечеловеческого), но удерживаемые в тех рамках, которые кажутся нам доступными по сравнению со всеобщими. Потому вместо апелляции к теории коллективного бессознательного, я бы предложила решить вопрос о синхронии (актуальный и для функционирования «химеры»), и для символического взаимодействия, переполненного угадываниями и совпадениями, делающими возможным художественный диалог) в контексте идеи о филогенетической преемственности культуры (включающей как дары культуры, так и «болезни», патологические процессы). Такой подход очевидно базируется на исследованиях Фрейда³⁰, посвященных истории культуры и религии, и может послужить гипотетическим обоснованием символического взаимопонимания людей (что, как кажется, и дало возможность Фрейду составить хотя бы в общем виде перечень наиболее употребимых символических мотивов). В таком случае не только невроз, но и символический диалог (а также, возможно, способность взаимодействовать через «химеру») растет из законов, запретов и ритуалов той или иной культуры, имеющих при этом преемственные черты. Синонимична этой идее и догадка Фрейда о трансгенерационной передаче содержания бессознательного, опять же – перманентно подпитываемого культурой. О чем заставляет нас думать культура, порождая как комплексы, так и образы-символы? Очевидно, что она глубоко влияет как на социум (идеологии, традиции), так и на личность (идеи, фантазии).

Как исследовать «химеру»?

Мишель де М'Юзан, исследуя «химеру», предпочитает демонстрировать особенности ее функционирования на конкретных аналитических примерах, отмечая при этом родство психоаналитической и художественной деятельности. Вслед за ним мы становимся на позиции творящего (то есть включенного в творческий процесс) человека, исследователя, наблюдающего за ходом сложного эксперимента, проходящего как бы на нескольких уровнях – в частности, психическом и аналитическом. Эта вовлеченность не позволяет нам удержать традиционную теоретическую дистанцию, а напротив, заставляет войти в эксперимент в качестве непосредственного его участника, претендующего (надеющегося в тайне) на достаточную свою компетентность, аналитический и творческий потенциал. Я полагаю, что «химера», вызванная к аналитической жизни де М'Юзаном, функционирует в широком психологическом

---

³⁰ Отметим наиболее для нас важные: З. Фрейд «Неудобства культуры» (З. Фрейд, 1929 [31]); З. Фрейд «Тотем и табу: психология первобытной культуры и религии» (З. Фрейд, 2018 [33]).

поле, охватывающем символическое взаимодействие, художественный, философско-эстетический контекст. Так, аналитическая пара де М'Юзана «мутирует» в символическую пару, осуществляющую художественный диалог (легко огибая пространство и время, благодаря включению работы бессознательного) через символический артефакт, являющийся одновременно «химерой», этот диалог связывающей и подпитывающей. Сама символическая пара мультикоммуникативна, что позволяет включиться в ее со-общение, так же задействовав ресурс бессознательного.

Возможный здесь методологический инструментарий будет так или иначе относиться к интерпретации, собственно интерпретацией и являясь³¹. «Квантование», о котором говорилось выше, я предлагаю, условно, в качестве общего методологического принципа. Теоретическую (философско-эстетическую) основу его можно найти в философии Я. Голосовкера – в «имагинативной эстетике», где имагинация определяется как «разум воображения, а никак не отвлеченный разум», и порождает она «идеи, заложенные в *смыслообразы*, которыми живет человечество» (Я. Голосовкер, 1993 [7]). Задействовав «разум воображения», возможно осуществить то самое «квантование», сфокусировавшись, насколько это возможно, на работе бессознательного и «подключившись» к «химере» посредством художественной рефлексии. К символизации, как уже было сказано, нельзя подходить узко рационально. Символ (как и «химера») «скорее мертв», умозрителен без особой среды и условий, вне присутствия наблюдателя (символического субъекта, «алхимика»).

Для внятной формулировки идеи квантования нужны достаточно крепкие и при этом достаточно легкие опоры. Одной из них может стать так называемая «парадоксальная логика», использованная в ключевых трактатах буддизма махаяны, в том числе в «Алмазной сутре» (название которой вновь отсылает нас к символизму скипетра ваджры, речь о котором шла в связи с пространственными координатами символического)³². В упрощенном виде «парадоксальная логика» заключается в амбивалентном единстве верного и ошибочного, высказанного и не высказанного, длящегося и застывшего, существующего и не существующего. Таким образом, мы видим здесь не только принцип квантовой суперпозиции (в которой, напомню, должен удержаться наш символический субъект), но и мерцание парадоксов – символического и аналитического. Очевидно и родство «парадоксальной логики» с «парадоксальной системой»

³¹ В качестве исследовательских интерпретационных принципов я бы предложила три: «деконтаминацию», «реконструкцию» и «мутацию». «Деконтаминация» и «реконструкция» – как очищение от наслоений и интерпретативное восстановление символического сюжета – в большей степени относятся к теоретической работе с «химерой»; «мутация» – собственно экспериментальная, практическая составляющая – привнесение нового, субъективного содержания, включение в «химеру». Последнее метафорически равно символическому «оболу», «плате» за вход и продвижение внутри эксперимента. Подробное разъяснение трех принципов и их обоснование необходимо дать отдельно.

³² «Алмазной сутре» [1] и парадоксальной логике посвящено глубокое исследование Е.А. Торчинова (Е.А. Торчинов [27]).

де М'Юзана – хотя обосновать и практически выявить это родство необходимо не умогнительно.

Главной идеей, которой мне хотелось поделиться в этой статье, остается идея теснейшей взаимосвязи символического и «химерического», и поскольку символ продуктивно функционирует в художественном контексте, возникает естественное предположение о тех же возможностях для «химеры» – возможностях выхода из узко аналитических рамок и включения в художественный контекст. В таком случае мы можем представить, что особым образом присоединяясь к символическому сюжету (репрезентанте «вечного» сюжета – символа в его динамическом, волновом понимании), мы одновременно включаемся в «химеру», воссозданную в виде художественного артефакта. И если сам художник (в широком смысле) использовал творческий ресурс («поэтическую деятельность мысли», по де М'Юзану), то мы, со своей стороны, можем задействовать ресурс бессознательного, формально или специально (две ипостаси символического субъекта на нашей системе координат). Отдельно надо сказать, что определение символа динамически, через квантовую суперпозицию, как волны, требует серьезной дополнительной аргументации, поэтому пока я предлагаю такого рода определение лишь в качестве метафоры.

«Химера», этимологически, – некое существо, составленное из двух и более других, странное, немного пугающее своей «биологической» аномальностью, но и будоражающее наше воображение. Сказочное существо, пришелец из мира грез и наш проводник в бессознательное. Неаккуратное обращение с ней может заставить это существо «выпустить когти» и отправить нас туда, где в галлюцинаторной иллюзии рождается «*folie à deux*». Помня об этом, мы будем фантазировать о «химере», имеющей не только «когти», но и «крылья».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазная сутра. Ваджрачхедика-праджняпарамита-сутра. [Интернет-ресурс] URL: <http://arion.ru/litera/sutry/almaz.html> (дата обращения 24.05.2019 г.)
2. Борхес Х.Л. Четыре цикла. / Сайт: «serann.ru». [Интернет-ресурс] URL: <http://www.serann.ru/text/chetyre-tsikla-9220> (дата обращения 24.05.2019 г.)
3. «Ваджра – оружие богов». / Сайт «Клуб oum.ru». [Интернет-ресурс] URL: <https://www.oum.ru/literature/raznoe/vadzhra-oruzhie-bogov/> (дата обращения 24.05.2019 г.)
4. Гафаров Х.С. Философская герменевтика Г.-Г. Гадамера: становление и развитие. Дисс. ... д-ра философии. Минск: РИВШ, 2003 г. [Интернет-ресурс] URL: https://www.academia.edu/8493632/ФИЛОСОФСКАЯ_ГЕРМЕНЕВТИКА_Г.-Г._ГАДАМЕРА (дата обращения: 24.05.2019 г.)
5. Гегель В.Ф. Сочинения. Т. I. Под ред. Л. Деборина, Д. Рязанова. М.-Л.: Государственное издательство, 1929. 369 с.
6. Гете И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда. Пер. с нем. Наталии Ман. М.: Художественная литература, 1969. 605 с.

7. *Голосовкер Я.* Имагинативная эстетика [как опыт имагинативной гносеологии]. // Символ, № 29, 1993. С. 73–128.
8. Греческо-русский словарь. [Интернет-ресурс] URL: <https://www.dict.com/греческо-русский/συμβολίζω> (дата обращения: 24.05.2019 г.)
9. *Грин Андре.* Работа негатива. Психоаналитическая работа, фокусированная на концепте негатива. – Киев: Издательство Ростислава Бурлаки, 2020. 488 с.
10. *Губанов О.А.* Художественный символ и симулякр: эстетическое противостояние. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana), 2012. С. 104–107.
11. *Джонс Эрнест.* Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М.: Канон, 2018. 448 с.
12. *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. СПб: Книга света, 1997. 447 с.
13. *Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры (Перевод Муравьев А.Н.). // Проблема человека в западной философии. / Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. Москва: Издательство «Прогресс», 1988. С. 3-30. [Интернет-ресурс] URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kassirer-e/opyt-o-cheloveke-vvedenie-v-filosofiyu-chelovecheskoj-kultury> (дата обращения 24.05.2019 г.)
14. *Кассирер Э.* Философия символических форм. В 3-х т. М.: Академический проект, 2011. Т. 1: Язык. Пер. с нем. С.А. Ромашко, 271 с. Т. 2: Мифологическое мышление. Пер. с нем. С.А. Ромашко, 279 с. Т. 3: Феноменология познания. Пер. с нем. А.М. Руткевича. 398 с.
15. *Киньяр Паскаль.* *Ладья Харона.* / Сайт «www.litmir.co» [Электронный ресурс] <http://www.litmir.co/br/?b=155047&p=10> (дата обращения: 24.05.2019 г.).
16. Компендиум Лакановских Терминов / *Jouissance* / Кармэлла Леви-Стокс, с. 101–109. [Электронный ресурс] URL: <http://dreamwork.org.ua/jouissance/> (дата обращения: 24.05.2019 г.)
17. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. 480 с.
18. *Мазин В.А.* Лакан в кино. СПб: Сеанс, 2015. 336 с.
19. *Мазин М.А.* «Под знаком Де Соссюра». [Интернет-источник] URL: <http://sova.pp.ru/index.php?id=396> (дата обращения: 24.05.2019 г.)
20. *Мень Александр,* Свящ. Исагогика, § 20. Книга Песни Песней. Интернет-источник. URL: <https://www.bible-center.ru/book/isagogika/002/003/000> (дата обращения: 7.06.2020 г.)
21. *Петрюк П.Т., Петрюк А.П., Кузнецов В.Н.* Профессор Карл Теодор Ясперс: штрихи к жизненному и творческому пути известного немецкого психиатра, психолога и философа-экзистенциалиста (к 130-летию со дня рождения) // Психічне здоров'я. 2013. № 3. С. 85–93. [Интернет-источник] URL: <http://www.psychiatry.ua/articles/paper428.htm> (дата обращения: 24.05.2019 г.)
22. *Платон.* Государство. М.: Книга по требованию, 2013. 398 с.
23. *Россохин А.В.* Психология рефлексии измененных состояний сознания. Дисс. ... д-р психол. наук. М.: МГУ, 2009. 379 с. [Интернет-источник] URL: <http://docplayer.ru/68750294-Rossohin-andrey-vladimirovich-psihologiya->

- refleksii-izmenennyh-sostoyaniy-soznaniya.html (дата обращения: 24.05.2019 г.)
24. *Россохин А.В.* Психология рефлексии измененных состояний сознания (на материале психоанализа) // Психология (Журнал Высшей школы экономики), 2010. Т. 7 № 2. С. 83–102. [Интернет-источник] URL: <https://psyjournal.hse.ru/2010-7-2/26670509.html> (дата обращения: 24.05.2019 г.)
  25. *Руднев В.* Мышление и реальное Лакана // Nota Bene [Интернет-источник] URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25573 (дата обращения: 24.05.2019 г.)
  26. *Спирова Э.М.* Символ в философском наследии П.А. Флоренского. // Знание. Понимание. Умение. 2010, №2. С. 212–217.
  27. *Торчинов Е.А.* О психологических аспектах учения Праджняпарамиты, на примере «Ваджрачхедика-праджняпарамита-сутры». [Интернет-источник] URL: <http://psylib.org.ua/books/paspb01/txt08.htm> (дата обращения 24.05.2019 г.)
  28. *Уайт Лесли А.* Избранное: наука о культуре. (Серия: Культурология XX век). Пер. Резвых П.В. Изд.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 960 с.
  29. Французская психоаналитическая школа. / Под редакцией А. Жибо, А.В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. 576 с.
  30. *Фрейд З.* «Жуткое» (1919) [Интернет-источник] URL: <http://freudproject.ru/?p=723>] (дата обращения 24.05.2019 г.)
  31. *Фрейд З.* «Неудобства культуры» (1929) [Интернет-источник] URL: <https://freudproject.ru/?p=818>] (дата обращения: 24.05.2019 г.)
  32. *Фрейд З.* Толкование сновидений / Зигмунд Фрейд; [сост. и примеч. И. Кивель; пер. с нем. В. Зоргенфрея, Я. Когана]. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2018. 575 с.
  33. *Фрейд З.* Тотем и табу: психология первобытной культуры и религии. М.: Эксмо, 2018. 224 с.
  34. *Фрейд З.* «Я и Оно» / Зигмунд Фрейд. Я и Оно (сборник). М.: Эксмо, 2015. 2015 г. 175 с. ISBN 978-5-699-74175-5
  35. Энциклопедия глубинной психологии. Том I. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. Пер. с нем./Общ. ред. А.М. Боковой. М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998. 800 с.
  36. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. (Серия: Страницы мировой философии). Изд.: Ренессанс, 1991. 304 с.
  37. *Ясперс К.* Общая психопатология. / Сайт «psychiatry.ru» [Интернет-ресурс] URL: <http://psychiatry.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/yaspers.pdf> (дата обращения: 24.05.2019 г.)
  38. *Michel de M'Uzan.* «L'inquiétude permanente». Editions Gallimard, 2015. 192 p.

Symbol, symbolization and "psychological chimera" by Michel de M'Uzan

M.A. Chershintseva

Chershintseva Maria Aleksandrovna – PhD in Cultural Studies, Master of Psychology (HSE), Psychoanalytically-oriented psychotherapist, Clinical psychologist

The article is devoted to the study of the possible relationship of the symbol in its philosophical and aesthetic understanding and the "psychological chimera" of Michel de M'Uzan. In an attempt to clarify the dynamic nature of the symbol and symbolization (in philosophical, artistic and psychoanalytic contexts), we see several important analogies between the symbolic work and the functioning of the "chimera", as Michel de M'Uzan describes it. To build the necessary connections, a "symbolic subject" is placed at the center of the study – that is, a subject who creates symbolic. The latter requires the inclusion of unconscious resources, and in the same form of interaction as Michel de M'Uzan suggests regarding an unconscious patient and analyst. Is it possible to find the symbolic "roots" of the "chimeras" described by Michel de M'Uzan? By some signs, they are seen in the idealistic theory of symbolic, which can shed light on the origins of the "chimera" as a special product of the activities of the unconscious, associated with symbolic functioning within the framework of artistic activity.

Keywords: symbol, symbolization, unconscious, "psychological chimera", Michel de M'Uzan.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психоаналитический взгляд на фармакологическое лечение психических нарушений¹

И.А. Мартынов

Мартынов Иннокентий Алексеевич – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант. Сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Значительная часть современных исследований сосредоточена на биологических аспектах психотерапии и психоанализа. Не менее важной видится и обратная перспектива: какие психологические процессы можно наблюдать в биологической терапии психических нарушений? Подобным вопросом психоаналитики задаются еще с 1950-х, когда на рынки вышел первый лекарственный препарат для лечения психических нарушений – нейролептик хлорпромазин (аминазин). В настоящей статье я подробно рассматриваю наиболее заметные психоаналитические концептуализации эффектов психотропных лекарств и их влияния на процесс аналитического лечения с 1950-х гг. по настоящее время. Проследив ключевые тенденции, я предлагаю выделить два сложившихся направления в психоаналитических исследованиях фармакологического лечения психических нарушений: собственно аналитическое, фокусирующееся на исследовании непосредственного эффекта лекарств и интрапсихических процессов, и психологическое, сконцентрированное на проблеме места лекарства в аналитическом лечении и интерпсихических отношениях. Настоящая статья исследует значительный объем западных психоаналитических исследований фармакологического лечения психических нарушений, опубликованных с 1950-х гг. по настоящее время, посредством методики тематического анализа и ставит своей целью не только проследить основные исследовательские тенденции и проанализировать их в контексте развития и актуального состояния психоаналитического мейнстрима, но и ввести русских психоаналитических клиницистов в курс истории и актуальной дискуссии о месте лекарства в психоанализе.

Ключевые слова: психофармакология, психология психофармакологии, медикаментозные отношения, отношения врач-пациент, психическая экономика, метапсихология, психофармакологическая терапия, психическая энергия, либидо, символизация, трансфер, сопротивление, психические защиты, антипсихотики, нейролептики, антидепрессанты, отыгрывание.

---

¹ Я бы хотел выразить свою благодарность своему учителю – психоаналитику Татьяне Леонидовне Станкевич, моему другу и коллеге – антропологу Дмитрию Андреевичу Бочкову, и моей жене Полине. Спасибо, что вы есть и верите в меня.

Проблема осмысления психофармакологических интервенций в практике психического здоровья стоит перед психоанализом с самого появления на рынке первых психотропных лекарственных препаратов в 1950-х годах. Спустя 70 лет эта проблема продолжает только набирать актуальность для теории и практики психоанализа и психотерапии. Сегодня, несмотря на пафосные заявления медицинского истеблишмента о необходимости имплементации интегрированной биопсихосоциальной парадигмы в медицине, в особенности в области психического здоровья, упрощенные биогенетические концепции причин и путей излечения психической патологии все еще достаточно распространены среди специалистов в области здравоохранения: клиницистов, администраторов, государственных и коммерческих страховых агентов. Интересно, что, несмотря на продолжительные и отчаянные попытки конвенционализировать представления о биогенетической каузальности психических нарушений, широкие массы все так же предпочитают психологические (психосоциальные) объяснения психических затруднений и связанных с ними способов лечения (*Read et al.*, 2006), а представления о биогенетической природе психопатологии и навешивание диагностических ярлыков позитивно коррелирует с возникновением предубеждений, страхов и желания дистанцироваться от человека, испытывающего душевные затруднения (*Ibid*).

Несмотря на агрессивную моду на биологический редукционизм в медицине, современные лекарственные препараты имеют значительный потенциал к наделению их пациентами психическим смыслом. Как замечал американский психиатр и психоаналитик Томас Гутхейл, психофармакологии присуща своя собственная психология, которую можно понять, только применив к ней базовые принципы психотерапии (*Gutheil*, 1982, p. 321). Само лекарство обладает столь же богатым потенциалом к вызыванию аффектов, фантазий и ассоциаций, как и любой другой аспект психотерапевтического процесса (*Gutheil*, 1978), тем более учитывая, что они нередко фигурируют в ассоциациях пациентов (*Bers*, 2006). Хотя психоаналитики-врачи часто прописывают лекарственные препараты и своим аналитическим пациентам (*Doidge et al.*, 2002), психологические аспекты присущи лекарственным препаратам и вне аналитического или аналитически ориентированного лечения.

Как замечает французский психоаналитик и психиатр Андре Грин, из-за действия психотропных препаратов «трансформируются именно структурные отношения субъекта. Новая структура, имеющая другой тип, определяется с трудом, потому что не напоминает ни одну другую. Фармакотерапия вместе с собой создала новую психическую патологию <...>. Возникает новая, сложная картина, в которой все модифицированные элементы появились вследствие энергетического распределения действия предшествующей психической патологии» (*Green*, 1961). Даже, казалось бы, при успехе психофармакологической терапии – исчезновении симптомов, являвшихся мишенью назначенного препарата – при игнорировании психологической динамики лечебного процесса, частью которого также является и лекарство, в лечении не остается места для

формирования смысла и выздоровления. В итоге пациент так и остается в круге хронического повторения (об этом, напр., см. *Li*, 2010, p. 665). Таким образом, в то время как значительное количество последних медицинских и психологических исследований сфокусировано на теме биологических аспектов психотерапии (из наиболее свежих публикаций, напр., см. *Linden, Skottnik*, 2019; *Wasserman T., Wasserman L.*, 2019), не менее важно сегодня ставить «вопрос» и противоположным образом: какие психологические (психоаналитические) процессы можно наблюдать в биологической² – психофармакологической – терапии? В качестве отправного пункта я рассматриваю с метапсихологической точки зрения первые попытки психоаналитической концептуализации фармакологического лечения психических нарушений, предпринятые с 1950-х и до 1970-х гг., когда интерес к метапсихологическим исследованиям проблемы спадает и возобновляется уже в 1990-х, преимущественно в рамках французского течения. Далее я подробно исследую три ключевых направления, которые прослеживаются в психоаналитической литературе начиная с 1990-х гг. и по настоящее время. К таковым относятся исследования символической роли лекарств, их влияния на процессы символизации, психические защиты и механизмы сопротивления, а также изучение различных аспектов объектных отношений и трансфера. В заключение я предпринимаю попытку выделить основные тенденции в психоаналитических исследованиях феномена и проанализировать их в контексте актуальных в современном психоаналитическом сообществе дискуссий о роли и месте лекарств в лечении.

Метапсихология психофармакологических интервенций в лечении психических нарушений: от психоэкономического к динамическому пониманию феномена

Неудивительно, что первые попытки психоаналитического осмысления лекарства в аналитическом лечении психических нарушений обращаются к психоэкономическим теориям фрейдизма. Сам Фрейд замечает: «Вероятно, будущее научит нас действовать непосредственно, с помощью определенных химических веществ, на количество энергии и ее распределение в психическом аппарате» (*Freud*, 1940, p. 59). Французские психоаналитики Ракамье и Бодран (*Racamier, Baudrand*, 1954) в клиническом исследовании эффектов хлорпромазина³ психоаналитически концептуализируют его действие так: нейролептик биологическим образом ослабляет базовую тревогу, снижает необходимость в симптомах, которые ее выражают или покрывают, и, как следствие, восстанавливает ранее

---

² Обсуждение других методов «биологической» интервенции в психиатрической практике – электросудорожной терапии или транскраниальной магнитной стимуляции – выходит за пределы настоящей статьи.

³ Первый синтезированный в 1950 г. нейролептический препарат, широко известный под торговым наименованием аминазин.

заблокированную психическую энергию, что позволяет пациенту восстановить способность инвестировать ее вовне, т. е. восстановить нормальный катексис. Эльд (*Held, 1968*) предполагает, что воздействие нейролептиков на промежуточный мозг и ретикулярную систему снижает интенсивность импульсов психической энергии в общем, что приводит к повышению общего порога восприятия эмоций, а также к снижению интенсивности агрессивных импульсов в частности, что позволяет снизить уровень базовой тревоги и страха. Американский психиатр Уильям Винкельман рисует несколько иную перспективу: нейролептики действуют на фундаментальный источник психической энергии и вызывают дозозависимый эффект торможения силы деструдиальных и либидинальных импульсов. При повышении дозировки пациент демонстрирует эффект обобщенной регрессии – снятие защит и ослабление влечений; при понижении дозировки нейролептика усиливаются нормальные функции Эго за счет уменьшения внутреннего и внешнего возбуждения, что позволяет реорганизовать и укрепить нормальные защиты (*Winkelman, 1960*). Развивая идею о том, что нейролептик позволяет снизить восприимчивость к внешним и внутренним раздражителям, психиатр Пьер Ламбер (*Lambert, 1967, 1990a, 1990b*) отталкивается от концепции «Я-кожа» французского психоаналитика Дидье Анзьё (Анзьё, 2011) и замечает, что с точки зрения клинической практики, если «в качестве предпосылки взять пассивность защитного слоя (аппарата защиты от перегрузок) и то, что психотропные препараты увеличивают его защитные способности», становится непонятно, почему самым мощным антипсихотическим действием обладают не наиболее седативные нейролептики. С теоретической точки зрения, как утверждает Ламбер (*Lambert, 1965*), согласно Фрейду (*Freud, 1955*) перевозбуждение представляет собой реакцию на внешние стимулы, но ничего не может сделать против влечений (*activité pulsionnelle*); то есть как понять «снижение влечений» от нейролептиков, если основываться на гипотезе о перевозбуждении?

Свою количественную модель психической экономики психофармакологической терапии развивает американский психоаналитик и психиатр Мортимер Остоу (*Ostow, 1960, 1961*). Остоу предлагает рассматривать две основные группы психотропных препаратов – нейролептики и антидепрессанты – как два полюса воздействия на психическую энергию: «понижающее» (тормозящее) интенсивность психических импульсов действие нейролептиков и «аугментирующее» действие антидепрессантов. Именно между двумя такими полюсами и движется психофармакологическое лечение: при остром психотическом эпизоде нейролептик останавливает чрезмерное нагнетение (интенсификацию) либидинальной энергии, однако в случае избыточного назначения медикаментов такое лечение может привести к чрезмерному подавлению энергий – появлению депрессивной симптоматики; при состоянии «либидинального истощения» у шизофренических пациентов с аутистическими чертами антидепрессанты, напротив, аугментируют недостаток энергии,

однако при чрезмерной медикации это может привести к нежелательным эффектам – состоянию «либидинальной избыточности» (бреду и галлюцинациям).

Ряд французских психоаналитиков и психиатров (*Dubor, 1975; Lambert, 1965*) также обращают внимание на связь экономических и динамических аспектов исследуемого феномена: снижение интенсивности психической энергии под воздействием нейролептика связано с качественными изменениями в фантазмической и репрезентативной активности пациента. Ламбер указывает, что нейролептики не только делают импульсы менее деструктивными, но и снижают их общую интенсивность (т. н. энергетический спад), что приводит к качественным изменениям на уровне первичных механизмов и фантазмов, используемых Эго в отношении с объектом (*Lambert, 1990a*). Пьер Дюбо исследует, к каким количественным и качественным изменениям приводят нейролептики (*Dubor, 1975*). Он подчеркивает, что если нейролептики с седативным эффектом указывают на действие энергетического характера, то не-седативные нейролептики свидетельствуют о наличии у нейролептика эффекта качественно-го изменения психической организации на уровне репрезентаций и фантазий в связи с уменьшением количества несвязанной энергии в пользу ее связанных форм. По мнению Дюбо, некоторые нейролептические препараты способствуют установлению более направленных объектных отношений. Психическая энергия становится все более и более связанной, репрезентации – более сложными и символическими, а деструктивное для Эго воздействие несвязанной энергии снижается, что позволяет утвердить структуру Эго и добиться клинических улучшений в виде восстановления объектной направленности энергии (*Ibid*). Именно на этих идеях базирует свое определение психической экономии психофармакологического лечения французский психиатр и психоаналитик Вассилис Капсамбелис: терапевтический эффект психотропного препарата зависит от его способности восстановить текучесть инвестиций до уровня, адекватного текущему уровню психического развития и достаточного для оптимального психического функционирования (*Kapsambelis, 2002*). Французский психиатр Альбан Жанно обращает внимание, что сам акт назначения – оформления и передачи рецепта на лекарство – представляет собой значительное движение психической энергии (*Jeanneau, 1993*).

Ряд психоаналитиков предпринимает попытку интегрировать экономический и динамический взгляды на исследуемый феномен, помещая их в переплетение нарциссической экономики и динамики. Впервые к нарциссической проблематике обратился французский психоаналитик и психиатр Жан Гиёта (*Guyotat, 1970*). В последних своих изысканиях Гиёта приходит к тому, что психотропные препараты – нейролептики и антидепрессанты – вносят энергетический вклад в нарциссическую экономику больного: нейролептики, позволяют пациенту восстановить границы внешней и внутренней реальности, реставрируют первичный нарциссизм, в то время как антидепрессанты, хотя и могут «психотизировать» пациента в случае недостаточной нарциссической консолидации, в ином случае могут позволить пациенту инвестировать внешний

объект, который вернет ему отражение – удовлетворительный образ себя. Вассилис Капсамбелис (*Kapsambelis*, 1994, 1999, 2002) концептуализирует действие психотропных препаратов (конкретно – нейролептиков) в терминах реставрации нарциссизма. Капсамбелис отталкивается от клинических наблюдений, что терапевтический эффект нейролептических препаратов зависит от функционального состояния Эго в различного рода психотических состояниях: 1) при «расколе Эго», который проявляется в состоянии острого психоза, спутанности сознания, нарушениях сна или сильной шизофренической дезорганизации, нейролептики наиболее эффективны; 2) при хронических формах психоза, например продолжительной параноидной шизофрении, когда, кажется, еще сохраняется способность развернуть защиты и опереться на Эго, которое, сколь тяжело оно ни было бы затронуто психотическими процессами, сохраняет определенную последовательность функционирования, обеспечивает некоторую форму организации и аффективной, и когнитивной согласованности, эффект нейролептических препаратов довольно скромный; 3) при ряде вариантов шизофрении, где Эго находится под постоянной угрозой раскола, а защиты обычно низкофункциональны и неработоспособны, нейролептики демонстрируют среднюю эффективность (*Kapsambelis*, 1999). Отсюда Капсамбелис делает вывод, что действие нейролептиков строится на восстановлении границ Эго и дифференциации внутреннего и внешнего, а различный уровень эффективности таких препаратов в разных формах психотических состояний объясняется различной степенью повреждения Эго. За счет того что связь психического аппарата с внешним миром ограничивается, эти лекарства снижают интенсивность поглощения инвестиций из Эго (Капсамбелис сравнивает такое «излияние Эго» с кровотечением) со стороны внешнего мира, характерного для острых психотических состояний (также наблюдается и при хронической шизофрении). Капсамбелис также замечает, что параллельно при психофармакологической терапии нейролептиками у пациента происходит усиление т. н. «проприоцептивной активности»: отворачиваясь от внешних раздражителей (в т. ч. и галлюцинаций), пациент все больше внимателен к собственному телу, о чем, по мнению психоаналитика, свидетельствует ипохондрическое инвестирование пациентом побочных эффектов препарата (напр., паркинсонизмов, дискинезии, гиперкинезии, запоров и пр.). Такое ипохондрическое инвестирование указывает на факт, что именно благодаря инвестированию тела наша психика способна, посредством схемы и образа тела, стабилизировать инвестирование, сформировать репрезентацию, благодаря которой мы создаем нашу личность и Эго (*Kapsambelis*, 1999). Таким образом, за счет ограничения экстрацептивной активности в пользу проприоцептивной нейролептические препараты восстанавливают нарциссическое самоинвестирование. По мнению Капсамбелиса, при длительной психофармакологической терапии нейролептиками психотическая патология может трансформироваться одним из четырех способов: 1) пассивизация, 2) параноизация, 3) фетишизация, 4) депрессивизация (*Kapsambelis*, 1994). В первом случае в результате лечения усиливаются аутистические защиты, характерные для шизофренических

расстройств. Такие пациенты контртрансферным образом вызывают у врача желание их защитить, что, под видом защиты, ведет к деобъективации пациента в результате чрезмерных дозировок, ригидного институционального сеттинга, трудностей совмещения психофармакологической терапии нейрорептиками с психотерапией, где у пациента была бы возможность проработать свои отношения с объектом в безопасной среде. Во втором случае происходит дальнейшее развитие параноидных феноменов вследствие триумфа нарциссической целостности, поддерживаемой осуществлением непосредственного контроля над объектом. Это проявляется, например, в развитии шизофрении в ходе психофармакологической терапии нейрорептиками в хронический бредовый психоз с низкой степенью дезорганизации Эго (*Ibid*). В третьем случае происходит реорганизация шизофренической патологии в психоз без бредообразования по фетишистскому типу, как его понимает Эвелин Кестемберг (*Kestemberg, 1978*). Здесь патология трансформируется в инвестирование длительных отношений прописывания препаратов и выписывания рецептов, которые, на фоне общей девитализации психической жизни, в значительной степени ритуализируются: лекарство и врач сливаются в единый неодушевленный объект, обеспечивающий нарциссизм пациента. В четвертом случае, происходит депрессивизация – так Вассилис Капсамбелис называет общую реорганизацию шизофренической патологии в патологию маниакально-депрессивного типа. По мнению психоаналитика, такая трансформация часто наблюдается в ходе психофармакологической терапии нейрорептиками острого галлюцинаторного психоза.

Символическая роль лекарства

Другое направление исследований, которое стоит выделить, концентрируется не на метапсихологии, но на символической роли лекарств и аспектах символизации. Пациенты наделяют лекарства субъективным смыслом. Как замечает Томас Ли, как не было для Винникотта такой вещи, как «младенец», так, обратившись к материалу пациентов, можно заключить, что нет и такой вещи, как «лекарство» – лекарственный препарат всегда назначается и существует в определенном интерперсональном и социокультурном контексте (*Li, 2010*). Даже физические характеристики препарата, такие как размер и форма, могут наделяться символическим значением и оказывать влияние на терапевтический процесс (*Ibid*, р. 657). Символическая «таксономическая» организация опыта является неотъемлемой частью поддержания субъектом собственной витальности (*Ibid*). Интересно, что особенно остро этот «вопрос» стоит перед получающими лечение детьми и подростками, поскольку им трудно понять свои симптомы, смысл лекарств, культурные представления о конструировании болезни и пр. (*Mintz, 2019, р. 239*). Для пациента назначение психофармакологической терапии может быть определенным символом собственной дефективности (*Ibid*), которое будет буквально орально инкорпорировано пациентом, локализуя дефект в том, кто принимает лекарство: пациент как будто проглатывает это значение и смысл вместе

с пилюлей. Недостаточная символизация действительного смысла лекарства ведет к формированию идентификации вокруг элементов болезни, неспособности, недостойности (плохости) (*Ibid*, p. 243). Некоторые исследователи подчеркивают, что, получая назначение от врача в ходе анализа или психотерапии, пациент может интерпретировать это как указание на то, что он слишком болен для анализа (*Sandberg, Busch, 2007*). Введение в психологическое лечение элементов психофармакологических интервенций может означать для пациента, что сами его мысли плохие, неправильные и неприемлемые (*Konstantinidou, Evans, 2015*). Лекарства также могут символизировать нечто, стирающее человечность и субъективность, что может подтолкнуть пациента к преуменьшению собственной боли для поддержания границ Эго (*Perry, 1984*). Израильский психиатр Ноа Бар-Хаим представляет противоположные наблюдения: хотя психиатрические элементы лечения (установления диагнозов и психофармакологические интервенции) стяжают риск травматизации пациента, они также могут предоставить возможность для конструирования смысла и репарации (*Bar-Haim, 2018*). Диагнозы и лекарства несут схожие символические функции и обладают двойным потенциалом. С одной стороны, они могут выступать как заглушающая сила (ср., например, с представлением Томаса Ли о лекарстве как форме подчинения (*Li, 2010, p. 666*), как в реальности, так и во внутреннем мире пациента, но могут и валидизировать переживания пациента. В последнем случае установление диагноза и назначение лекарств способствуют появлению значения, смысла и ощущения собственной нормальности у пациента, поскольку такой жест утверждает, что у любого, кто пережил подобное, развиваются симптомы и что это нормально: так нормальный человек реагирует на ненормальные события. Психиатрическое лечение вводит порядок, который одновременно определяет индивида, страдающего от душевного расстройства, как часть общества и психическую реакцию как такую же часть социального порядка. Схожий символический аспект психоаналитического представления о лекарстве развивает Томас Ли (*Li, 2010*). Психиатр видит в назначении и приеме лекарств ритуальную практику, которая способна психически «собрать» пациента. Лекарства символизируют заботу со стороны других. Ежедневный прием препарата функционирует одновременно как акт заботы о себе и заботы со стороны других. Он позволяет пациенту почувствовать себя в безопасности и избавиться от чувства одиночества. В ритуале приема лекарства пациент также артикулирует собственную агентность. Не только процедуральный характер ритуала приема лекарств, но и удовлетворение интереса пациентом, чтение различных материалов о лекарствах апеллирует к т. н. таксономически-объектному способу организации опыта (см. *Lamothe, 2005; Li, 2010*). Ли замечает, что улучшение может наступить, когда назначение лекарства означает для пациента валидизацию переживаний и заботу. Для некоторых пациентов врач может представлять мощную властную фигуру, которую пациент интернализует таким образом, что предположение улучшения становится действительным, в том числе и физиологическим, изменением. С социокультурной точки зрения эффекты плацебо могут проистекать

из обозначения индивидом роли больного, который освобожден от обязанностей и может принять помощь других (Li, 2010, p. 667). Ли специально отмечает, что в силу культурных и индивидуальных различий у пациентов могут отличаться символы, задействованные в ритуале назначения и приема лекарств. Назначение может восприниматься как отвержение или подчинение, а с социокультурной точки зрения пациент может почувствовать себя стигматизированным и ограниченным биогенетической моделью психических затруднений, что только усилит дистресс (*Ibid*). Стоит отметить, что работа клинициста с определенными системами значений и ритуалом позволяет добиться желаемых позитивных плацебо-эффектов у пациента (*Jensen et al.*, 2012).

Хотя у некоторых пациентов лекарства могут дестимулировать символическую активность (для них ощущение дисфории будет знаком только того, что нужно пересмотреть выбор препарата и дозировки) (*Mintz*, 2019, p. 245), ряд аналитиков замечает, что психофармакологические интервенции могут стимулировать новые фантазии, ассоциации и процессы символизации, которые будут отличаться от тех, что были вызваны сугубо психологическим образом (ср. *Gutheil*, 1982; *Lambert*, 1990a). Введение симптоматического психофармакологического лечения открывает пространство для глубинных конфликтов и травм, которые скрыты под симптомами, а также меняет отношение пациентов к проблемам своего сэлф и аспектам сэлф в отношениях регуляции аффекта, в том числе делает стратегии разрешения подобных затруднений более конструктивными (*Abel Horowitz*, 1998). Альбан Жанно (*Jeanneau*, 1993) также усматривает в психотропных лекарствах способность к восстановлению связи между аффектом и репрезентацией посредством действия, заключающегося в эвакуации и избавлении от тяжелых внутренних переживаний снаружи.

Лекарства несут символическую функцию не только для пациента, но и для самого клинициста. Джеффри Рубин (*Rubin*, 2001) выделяет ряд символических факторов, влияющих на назначение врачом лекарственных препаратов: 1) проблемы власти, контроля, легитимации, валидации и конфликтов; 2) проблемы динамики страдания и фантазий врача или терапевта о спасательстве; 3) использование лекарства для дистанцирования; 4) культурные различия между врачами и пациентами.

Лекарство и аспекты психической защиты и сопротивления

В клинической практике довольно часто можно наблюдать связь лекарства с защитными процессами на самых разных уровнях. Лекарство может использоваться пациентами защитным образом: например, стать мишенью для защитных проекций пациента. Ракамье и Карретье описывают, как пациенты «запирают» в препарат часть своих потребностей, импульсов и защит. Лекарство может служить защитой от вербализации, выражения аффектов или потребностей, от сближения с врачом или аналитиком, вместилищем агрессии (*Racamier, Carretier*, 1965). Для поддержания эмоциональной дистанции от аналитика лекарственный препарат использовал один из пациентов американского психоаналитика Стивена

Перселла: лекарство защищало его от тревоги и ярости, а также усиливало фантазии контроля (*Purcell, 2008, p. 921*). В этом случае препарат служит объектом, над которым можно осуществлять всемогущий контроль, который также можно физически поглотить в подкрепление фантазий аквизитивной проективной идентификации по Бриттону (подробнее см. *Purcell, 2008*). Лекарство может служить отвлечением и легким избавлением от глубоких тревог или усиливающих аффектов (*Bers, 2006; Riccio, 2011*). Дэвид Минц и Барри Белнап выделяют два защитных смысла лекарства для пациента: 1) терапевтическая резистентность, когда пациент не позволяет себе избавиться от психотических симптомов при терапии нейрореплетиками, поскольку, утратив свой бред грандиозности, он с большой вероятностью столкнется с реальностью тяжелых утрат и ограничений; 2) появление незарегистрированных или парадоксальных побочных эффектов. Подробнее этот аспект исследуют другие аналитики. Защитный характер может носить и отсутствие предполагаемого эффекта от психофармакологической интервенции: психиатр Томас Ли приводит случай пациентки, которая, по причине тревоги сепарации от собственной матери и страха обрести самостоятельность, сопротивлялась любым потенциальным антидепрессивным эффектам лекарств (*Li, 2010, p. 668*). Другим проявлением защитных процессов будет появление незарегистрированных или необъяснимых побочных эффектов – как выражения противоречивого отношения пациента к утрате симптомов (*Konstantinidou, Evans, 2015*).

Дэвид Минц, заимствуя понятие «неточной интерпретации» у психоаналитика Эдварда Гловера, утверждает, что обращение пациента к лекарству может быть «неточной интерпретацией»: эффектом лекарства объясняются поведение или аффекты, когда необходимо защититься от непереносимого осознания себя, как если бы их субъективность или желания были бы не в счет. Например, это может быть попыткой справиться с тревогой, спровоцированной повышением уровня осознания собственной сексуальности и агрессии посредством усиления защитной структуры – сопротивлением опасностям аналитической работы (*Mintz, 2019*). Такое защитное поведение характерно для пациентов, страдающих от заметного дефицита понимания себя и от недостатка агентности, хотя они могут переживать лекарства и как нечто полезное и сильно к ним эмоционально привязываться. Минц также замечает, что частью такого защитного поведения являются и другие типы защитного использования пациентами биомедицинских объяснений собственного состояния (*Ibid*).

Интересно, что лекарства могут выполнять защитную функцию на семейном уровне. Например, матери могут поощрять назначение своим детям психотропных лекарств, поскольку это утверждение биологической болезни ребенка снимает с матери ответственность за его состояние (*Singh, 2004*).

Минц также обращает внимание, что лекарства могут быть использованы защитным образом с целью безопасного замещения людей. Пациенты обращаются к лекарствам для того, чтобы справиться с дисфорией, поскольку обращение к людям несет в себе угрозу разочарования. Скорое

обращение к лекарствам позволяет таким пациентам оставаться в неведении о желании получить уход и впасть в зависимости. Когда пациенты изолированы от социальных связей, их уровень дистресса растет, что заставляет их еще больше полагаться на лекарства, что, в свою очередь, приводит к обрыву все большего количества социальных связей. Это особенно характерно для пациентов с историей столкновения с ненадежными объектами в детстве и ярко выраженными защитами от зависимости от объектов (*Ibid*).

Важной особенностью защитного использования лекарств ряд аналитиков называет то, что, в отличие от защит, которые функционируют целиком на внутриспсихическом уровне, для наделения лекарственного препарата защитным смыслом и успешного функционирования таких защит необходимо участие аналитика или врача, поскольку такого рода защиты и сопротивления конструируются только в интерперсональном контексте. Врачи и аналитики также склонны к защитному использованию лекарств. Такие процессы можно наблюдать и в соматической (непсихиатрической) клинике: например, бессознательное желание отстраниться от пациента защищает клинициста от дистресса, отчаяния и беспомощности, которую испытывают пациенты. В этом случае можно наблюдать недостаточную медикацию пациентов: недостаточное назначение лекарств может быть интерпретировано как попытка установить границы и предотвратить сверхидентификацию с пациентом, который, например, столкнулся со смертельной болезнью или ужасающей болью (*Perry, 1984*). Врачи также склонны использовать назначение фармакологической терапии как способ дистанцироваться от близких отношений с пациентом (*Rubin, 2001*). Как отмечает психоаналитик Доминик Риккио, если симптомы пациента вызывают у аналитика тревогу, поскольку ему слишком болезненно или неприятно выносить какие-то человеческие проявления в себе или пациенте, у него или нее возникнет порыв как можно скорее от них избавиться. Если аналитик переживает присутствие или усиление симптомов как признаки неудачи или собственного бессилия, он может обратиться к психофармакологическим интервенциям в защитных целях (*Riccio, 2011*). Сам факт назначения лекарств может представлять непосредственную проблему для аналитика: как отмечает Ларри Сэндберг (*Sandberg, 2014*), переживание, что анализ имеет ограничения, спровоцированное вполне обоснованным пониманием потенциальной пользы лекарства и чувством беспомощности в качестве аналитика, ведет к обращению к фармакологическим интервенциям с целью восстановить чувство собственного могущества и повышения самооценки. Как отмечает Сэндберг, нарциссическое удовольствие практики в качестве врача помогает снизить интенсивность или заменить обесценивающие переживания об анализе или себе как аналитике.

Лекарство также может быть вовлечено в институциональные защиты. Как замечает Харула Константиниду, поскольку психологическая терапия и психофармакологическая терапия находятся в одном институциональном поле, организационная зависть приводит к возникновению институциональных защит (*Konstantinidou, Evans, 2015*). Вопреки

провозглашаемому биопсихосоциальному характеру интервенций разделение обязанностей в институции служит похожей институциональной защитой, где психотерапевты и психологи работают только с «психо», «психиатры» – только с «био», а социальные работники только с «социальным», утверждая таким образом каждый собственные уникальность и превосходство, а также защищаясь от зависти (*Ibid*).

Лекарство как объект: аспекты трансфера и объектных отношений психофармакологических интервенций в терапии психических нарушений

Другим наиболее заметным направлением в психоаналитических исследованиях психологии психотропных препаратов в практике психического здоровья является анализ объектных и трансферных аспектов такого элемента лечения. Многие психоаналитики специально обращаются к исследованию трансферного потенциала лекарств как мишени для различного рода трансферных проекций еще с конца 1980-х (например, см. *Gochfeld, 1978; Gutheil, 1984; Busch, Auchincloss, 1995*). Американский психиатр Томас Гутхейл описывает случай, в котором лекарство, прописанное предыдущим лечащим врачом, стало олицетворять того человека, которого пациент воспринимал как соперника (*Gutheil, 1982*). Психиатры Фредерик Буш и Элизабет Очинклосс (*Busch, Auchincloss, 1995*) приводят также случай пациентки, которая вообразила, что ее терапевт завидовал ее любви к лекарству. Психиатры Фредерик Буш и Барбара Мильрод (*Milrod, Busch, 1998*) описывают пациентку, для которой лекарство означало ее больного брата и ее с ним идентификацию. Томас Ли демонстрирует, как назначение антидепрессантов может стать катализатором появления ранних переживаний пациентами неодобрения и злоупотребления со стороны других, что приведет к отстранению, отчаянию и злости (*Li, 2010*). Глен Габбард (*Gabbard, 2005*) указывает, что у пациентов часто можно наблюдать реактуализацию переживания отвержения, когда им рекомендуют лекарства для облегчения их дистресса. Сам акт выписывания рецепта вводит в отношения врача и пациента интерперсональный контекст «за пределами психофармакологии» (*Konstantinidou, Evans, 2015*). Доминик Риккио (*Riccio, 2011*) задается вопросом: что интроецирует пациент, когда врач или аналитик принимает решение прибегнуть к психофармакологической интервенции? Когда врач или аналитик принимают чувства и симптомы пациента, пациент это интернализирует и принимает себя. Если аналитик чувствует себя некомфортно с интенсивными чувствами и симптомами пациента или с его манерой общения и взаимодействия и, как следствие, назначает ему лекарственные препараты, пациент интернализирует поведение врача или аналитика, которое говорит, что такие чувства и симптомы невозможно вынести, что такое поведение каким-то образом неприемлемо, – то есть пациент формирует негативный интроект.

Наиболее тщательно объектный и трансферный аспект темы разрабатывает американский психоаналитик и психиатр Адель Таттер (*Tutter,*

2006). Занимая важное место в жизни пациента и его семьи, лекарства начинают функционировать как важные внутренние объекты сами по себе, как, например, переходные объекты по Винникотту (*Winnicott, 1953*): лекарство служит символической заменой или расширением аналитика или врача, где особенно подчеркиваются успокаивающие, анксиолитические и субститутивные функции препарата в периоды сепарации (*Tutter, 2006*). Буш и Сэндберг замечают, что пациент может постоянно носить с собой такой переходный объект – незаполненный рецепт или пузырек от лекарств – и это также будет оказывать терапевтический эффект (*Sandberg, Busch, 2007*). Томас Ли отмечает, что лекарство может выполнять не только переходную, но и селф-объектную функцию, как ее понимал Хайнц Когут (*Kohut, 2013*). Например, лекарство может удовлетворять потребность в одобрении и валидации: назначение лекарства является определенным знаком того, что кто-то что-то делает с дистрессом пациента, что его проблемы важны и к ним относятся серьезно. Адель Таттер (*Tutter, 2006*) демонстрирует, что психотропные лекарственные препараты, как в аналитической ситуации, так и в прочих контекстах, могут принять на себя трансферные проекции – олицетворять в жизни тех, кто принимает, и тех, кто выписывает лекарства, различных людей из прошлого и настоящего, реальных или вымышленных. Исследовательница демонстрирует, что лекарства не только могут наделяться каким-либо символическим смыслом (еда, яд, выражение связи или независимости от аналитика и пр.), но и олицетворять конкретные фигуры (отца, мать или другой объект). Пациенты могут идеализировать свои лекарства так же, как идеализируют врачей или значимых других, так, что, идентифицируясь с лучшими и наиболее актуальными достижениями фармакологической науки, пациенты ощущают себя сильнее и в большей безопасности (*Li, 2010*). Это характерно для пациентов с нарциссическими чертами, которые во время своего развития сталкивались с повторяющейся фрустрацией потребности в признании и утверждении и, как следствие, воспринимают объекты как «частичные» селф-объекты. (*Ibid, p. 659*). Для некоторых типов пациентов лекарства могут представлять собой более стабильные и надежные объекты, чем те, к которым они привыкли: возможность существовать в четком мире диагностической и фармакологической таксономии позволяет таким пациентам получить ощущение регулярности и контейнирования, что, однако, приводит также к снижению чувству агентности и уверенности в себе. По мнению Ли, это подталкивает таких пациентов к переходному (*transitional*) поведению с привлечением в него назначенных лекарств, которые наделяются субъективным смыслом (*Ibid*). Дэвид Минц (*Mintz, 2019*) указывает, что лекарства могут представлять форму трансферного наказания и переживаться как контролирующие или подавляющие; как нарциссичный родитель, они будут присваивать себе все заслуги ребенка. Вместе с лекарствами те или иные объектные отношения будут ежедневно «проглатываться» в акте буквальной физической инкорпорации (ежедневный прием пациентом препарата) (*Ibid, p. 240*).

Ряд психоаналитиков также указывают на связь приема и назначения лекарств с механизмами привязанности. Дэвид Минц замечает,

что лекарства могут не только наделяться персональностью и интенциональностью, но и способны стать мишенью для установления эмоциональной привязанности: эмоциональная привязанность к лекарству может быть настолько сильной, что сможет затмить привязанности к людям (Mintz, 2019). В этой связи Минц утверждает, что отмена лекарств у пациентов, сформировавших с лекарством отношения эмоциональной привязанности, требует четко выверенного тайминга и крепкого терапевтического альянса между врачом или аналитиком и пациентом. В противном случае, отмена может повлечь значительный объем негативных последствий для состояния пациента (*Ibid*, p. 246). Американский психиатр Пол Цихановский (*Ciechanowski et al.*, 2006) демонстрирует, что у пациентов даже в общей (непсихиатрической) практике, не страдающих депрессивными нарушениями, отвергающий тип привязанности коррелирует с большей склонностью к нарушению плана лечения (непосещение врача, несистематический прием лекарств).

Лекарственный препарат придает новое измерение психической жизни пациента. Например, конфликты с членами семьи могут смещаться на конфликты вокруг приема лекарств. Таттер (*Tutter*, 2006) подчеркивает, что анализ отношения пациента к лекарству позволяет взглянуть на невысказанные аспекты психодинамики пациента, увидеть ранее недоступные умолчания. Кроме того, в аналитической терапевтической ситуации лекарство может стать третьим объектом, который будет принимать на себя все трансферные переживания, которые пациент переживает как неприемлемые. Исследовательница также подчеркивает, что все это справедливо и для контртрансферных переживаний аналитика, терапевта или лечащего врача.

Аналитики также предпринимали попытки подойти к изучению объектных и трансферных аспектов психофармакологической терапии с точки зрения контрансфера. Барбара Мильрод и Фредерик Буш (*Milrod, Busch*, 1998) отмечают, что острый дистресс, вызываемый у врача пациентами с паническими состояниями, провоцирует у клинициста контртрансферную тревогу, которая в свою очередь ведет к чрезмерной медикации пациента в стремлении избежать встречи с невыносимыми фантазиями пациента. Доминик Риккио (*Riccio*, 2011) обращает внимание на схожий процесс: невербальное поведение аналитика, как, например, назначение лекарств, является в общем случае контртрансферной реакцией на пациента. Аналитик выделяет чувства, которые стоят за такой реакцией: страх, ужас и гнев. Например, психотические пациенты вызывают у аналитика значительный дискомфорт из-за выражаемых вербальным или поведенческим образом (или посредством странной симптоматики) интенсивных примитивных аффектов. Стивен Перселл (*Purcell*, 2008) замечает, что назначение лекарств в ходе анализа может являться частью первертного контртрансфера – садомазохистической игрой, отыгрываемой вокруг употребления лекарств. Перселл приводит случай, где настояние пациента на необходимости для него лекарств одновременно представляло собой защитное обесценивание аналитика и бессознательное использование лекарства как опоры в удовлетворяющей садомазохистической

драматизации наказания и доминирования над аналитиком. Таким образом, введение элементов психофармакологической терапии в анализ послужило двигателем дезинтегративных форм сопротивления и контрсопротивления (*Ibid*, 926). Для другого пациента Перселла одновременное введение в лечение антидепрессанта и выявление в трансфере генитального возбуждения отражает психическую ситуацию, где оба события были проявлением лежащего в их основе регрессивного движения прочь от возникающих в анализе депрессивных тревог, а также ситуации бегства от более целостных объектных отношений. Оба феномена, по мнению Перселла, представляют собой ложную интеграцию двух противоречащих взглядов пациента на реальность – что «боль это плохо» и «боль это хорошо», – которые возникли из ощущения злоупотребления со стороны родителей, от которых пациент зависел и которых любил (*Ibid*).

Психофармакологическое лечение может играть центральную роль в трансферных-контртрансферных отыгрываниях, которые эксплуатируют отношение аналитика к лекарству, чтобы создать защитные или удовлетворяющие дезинтегративные психические состояния. Схожие наблюдения ранее представляли последователи психоаналитической школы Хаймана Спотница. Линда Гохфельд замечает, что похожую динамику может иметь и отказ пациента принимать лекарства, когда в них есть необходимость (например, во время острого психотического эпизода или опасного агрессивного поведения): это свидетельствует о формировании грандиозного нарциссического трансфера, в котором преувеличивается сила (всесильность) и власть аналитика (*Gochfeld*, 1978). По мнению психоаналитика, запрос пациента на назначение лекарства может быть также выражением трансферной агрессии, поскольку таким образом пациент сообщает: я зол, поскольку вы не способны мне помочь (*Ibid*, p. 214). Ричард Херш (*Hersh*, 2015) описывает также два других сценария разворачивания трансфера вокруг отказа от лекарств. Первый характерен для начальных периодов лечения: пациент может быть охвачен чувством страха и подозревать, что клиницист утаивает от него полезное лекарство. Второй возникает с течением времени: назначающий лекарства терапевт сильно идеализируется, становится источником безусловной поддержки, заботы и удовлетворения; пациент видит, что врач якобы обладает почти магической силой и посредством лекарств может обеспечить желаемое чувство ухода и заботы (*Ibid*, p. 190). Отказ принимать лекарства у психотических или агрессивных пациентов может быть отыгрыванием желания покинуть терапию посредством госпитализации (*Gochfeld*, 1978). В обратной ситуации настойчивое требование назначения лекарственных препаратов у аналитика может носить характер садомазохистического отыгрывания (*Abel Horowitz*, 1998). Стивен Перселл (*Purcell*, 2008) демонстрирует, как лекарство становится первертным объектом: в исследуемом аналитиком клиническом случае пациент использовал лекарство как фетиш, подобно тому, как фетиш использует перверт для одновременного признания и отрицания разницы полов. Первертное использование лекарства позволяло поддерживать отношения с резко негативными внутренними объектами, включая негативный трансфер с аналитиком.

Как фетиш используется для отрицания внешней реальности, так лекарство как физический объект используется для обеспечения отказа пациента воспринимать внутреннюю реальность (например, эмоциональные потребности), что поддерживается распространенным в культуре концептом «нейрохимического сбоя» (*Purcell, 2008*). Мучаясь конфликтами, спровоцированными переживанием зависимости от аналитика, пациент может использовать превосходящую «хорошесть» (*goodness*) лекарства для завистливой атаки на хорошую часть аналитика. Такая атака может приобрести первертный характер, когда она подразумевает удовлетворяющее сексуальное возбуждение, происходящее из инкорпорации пациентом садомазохистских элементов в психологически деструктивное использование лекарств. Удовлетворения, обычно бессознательные, в такого рода процессах обеспечивают и поддерживают первертную организацию пациента, затрудняя психические изменения (*Ibid, p. 929*).

Перселл подчеркивает, что возможное трансферное и контртрансферное использование лекарственных препаратов, равно как и взаимно сконструированные трансферно-контртрансферные отыгрывания, должны быть проанализированы в ходе аналитического лечения, где они возникли (*Purcell, 2008*). Фредерик Буш и Ларри Сэндберг (*Sandberg, Busch, 2007*) подчеркивают, что причины для назначения лекарственного препарата в конкретный момент аналитического лечения должны быть объяснены и проанализированы. Психиатр Сезар Альфонсо замечает, что контртрансферная динамика лежит в основе не только чрезмерной медикации, но также определяет преждевременную отмену лекарства врачом: злость в контртрансфере с пациентами, отвергающими помощь, может привести к преждевременному снижению дозировок, провокации ятрогенных состояний отмены и, в итоге, преждевременному прерыванию лечения (*Alfonso, 2009*). Значительное количество исследователей аналитиков, психиатров и психологов уделяет особенное внимание месту лекарства в отыгрывании врача или аналитика. Фредерик Буш отмечает, что назначение аналитиком лекарственных препаратов носит характер отыгрывания, если такое назначение не является критически необходимым в конкретном моменте того или иного клинического случая (*Busch, 2016*), однако, верно и противоположное: в случае, если способ проработки симптомов у аналитика принципиально исключает возможность психиатрического лечения, такая позиция также является проблемным контрпереносным отыгрыванием, существенно ограничивающим пути к аналитическому исследованию. Вводя в лечение психофармакологические элементы, клиницист может быть захвачен семейным неврозом пациента, что, в случае отсутствия аналитической проработки, выливается в отыгрывание, где, как, например, в случае, описанном Дэвидом Минцем, назначая необязательные седативные средства, терапевт «затыкает пациенту рот» и пытается заставить его замолчать, как было в семье пациента (*Mintz, 2019, p. 246*). Непризнание врачом собственных контрпереносных переживаний приводит к отыгрыванию злости посредством усиления контроля и власти врача или аналитика над пациентом, посредством увеличения дозировок или назначения новых дополнительных препаратов (*Li, 2010*,

р. 661). Агрессивное чрезмерное назначение лекарств может быть выражением обесценивания психологической терапии как в «разделенном» (роли аналитика и «психофармаколога» в терапевтическом процессе разделены между двумя разными специалистами), так и в «комбинированном» (роль «психофармаколога» выполняет аналитик) сеттинге лечения. Это может происходить во время стагнации аналитического процесса или вербализации пациентами негативных форм трансфера (*Alfonso, 2009, p. 273*). Джеффри Рубин также отмечает, что психиатры могут использовать продление рецептов как форму отыгрывания чувства возмущения и обиды, ограничивая количество отпускаемых по рецепту лекарств в качестве своеобразной формы возмездия или же, наоборот, выписывая рецепт на длительный срок или на большой объем препарата, чтобы избежать контакта с пациентом (*Rubin, 2001*).

Вокруг лекарств могут строиться и взаимные отыгрывания аналитика (врача) и пациента (*Purcell, 2008*): пока пациент прибегает к отыгрыванию, посещая врача для получения рецепта, не обсудив это со своим аналитиком, так и аналитик поддается отыгрыванию, как направляя пациента к врачу за психофармакологической консультацией, так и безосновательно воздерживаясь от такого направления. Как описывает в одном из своих клинических случаев Сюзан Берс, направление пациента на такую консультацию может стать разыгрыванием страха пациента, что аналитик его отвергнет или покинет, и может вступить в резонанс со стремлением пациента избежать сближения с аналитиком или выражения собственной злости. Однако непредоставление направления разыгрывало бы страх пациента, что никто ему не поможет, и вступало бы в резонанс с его попытками цепляться за свои симптомы (*Bers, 2006, p. 825*).

Заключение

Рассмотрев историю развития и актуальное состояние психоаналитической литературы по проблемам психологии психофармакологических интервенций в практике психического здоровья не только с хронологической, но и с проблемной точки зрения, можно выделить два следующих ключевых направления: первое характеризуется фокусом на исследовании непосредственных эффектов лекарств; второе исследует преимущественно место лекарства в терапевтическом процессе. Проследив развитие первого – «аналитического» – направления в психоаналитическом понимании фармакологического лечения психических нарушений, а также места лекарства в психической жизни пациента, можно заметить, что первые попытки исследования феномена, появившиеся вскоре после открытия и внедрения в 1950-х годах в клиническую практику первого в истории психотропного лекарственного препарата – нейролептика аминазина, концентрировались в основном на психоэкономических аспектах воздействия лекарства. Вероятно, обращение аналитиков к экономическим теориям фрейдизма в первых исследованиях «биологической» терапии обусловлено тем, что именно концепция психической экономики служила «смычкой» между биологией и психологией для самого Фрейда, хотя

позже сам он и отказался от разработки физиологического ее аспекта, сконцентрировавшись преимущественно на разработке психологического понимания психической энергии и ее движения. Интересно, что такой фокус характеризует как французскую, так и англо-американскую психоаналитическую мысль этого периода. Наиболее характерно этот первый период психоаналитических исследований психофармакологических методов лечения психической патологии представляют работы Ракамье, Эльда, Винкельмана, Остоу. Как Фрейд некогда предпочел оставить физиологическую перспективу в пользу почти эксклюзивно психологической, так с конца 1960-х годов происходят первые попытки смены сугубо психоэкономической перспективы на более целостную метапсихологическую: психоаналитики предпринимают попытки не только исследовать «биологическое» воздействие психотропных препаратов на интенсивность и уровень психической энергии (хотя этот аспект все еще в значительной степени преобладает), но и осмыслить психофармакологические интервенции в структурном и динамическом контексте: каким образом лекарство влияет на инвестирование Эго и объектов? Как оно влияет на фантазмическую активность пациента? Наиболее показательны для этого второго, «переходного» периода работы Ламбера, Дюбо. Начиная с 1970-х годов в метапсихологической традиции изучения психоаналитических аспектов фармакологического лечения психических нарушений прочно утверждается целостный подход, уделяющий особенное внимание взаимосвязи структурных, экономических и динамических аспектов психической активности индивида, получающего такого рода терапию. Таким «целостным» контекстом становится связь эффекта психотропных препаратов с нарциссическими процессами. Этот третий, собственно метапсихологический период ярко представляют исследования Жана Гиёта. С конца 1970-х годов наблюдается определенный спад интереса к метапсихологическому пониманию психофармакологической терапии. Однако в 1990-х гг. интерес к метапсихологическим исследованиям феномена возобновляется, как в контексте нарциссических процессов, например в исследованиях Капсамбелиса, так и в общем метапсихологическом русле. Интересно, что также предпринимаются новые попытки психоэкономического осмысления места лекарства в практике психического здоровья. Наиболее иллюстративными представителями этого «современного» периода метапсихологических исследований психофармакологических интервенций в лечении психических нарушений являются работы Капсамбелиса и Жанно. Последний всплеск интереса к «метапсихологии психофармакологической терапии» приходится на 2000-е годы, и, как и большинство современных работ подобного рода, не выходит за рамки французского течения психоанализа. Среди прочих тенденций этого направления можно также выделить его фокус на исследовании непосредственно эффекта лекарства, а не его места в терапевтическом процессе, ассоциациях пациента и пр., что не характерно для других направлений исследования феномена.

Если первое направление фокусируется на исследовании эффекта лекарств, то второе обращается в основном к месту лекарства в

терапевтическом процессе. Такое направление можно характеризовать как «психологию лекарственного лечения». Здесь аналитики ставят вопрос следующим образом: как различные «характеристики» лекарства (от физических характеристик препаратов до способов назначения и выписки рецептов) обуславливают тот или иной психологический ответ как у пациента, так и у аналитика или врача. Нарботки этого направления ярко демонстрируют, что лекарство и даже связанные с ним «ритуалы» (назначение препарата и обсуждение с пациентом необходимости такого назначения, прием (или отказ от лекарств), выписывание рецепта и пр.) обладают значительным символическим потенциалом. Неудивительно, что лекарство оказывает самое активное влияние на процесс аналитического лечения: такой символический потенциал позволяет привлекать их для отправления различных отыгрываний, защит, сопротивления, разворачивания трансферных отношений. Лекарство даже может приобретать характер объекта. Именно такой взгляд можно считать доминирующим в западном психоаналитическом сообществе и на настоящий момент.

Вероятно, угасание интереса психоаналитиков вне Франции (особенно учитывая значительные англо-американские влияния) к исследованиям непосредственных эффектов лекарств, выходящим за узкие рамки психологии, можно связать с общей «психологизацией» профессии в мировом психоаналитическом мейнстриме, берущей начало в 1980-х гг. и продолжающейся по ныне. В этот же период прослеживается «психологический поворот» в психоаналитических исследованиях фармакологического лечения психических нарушений. В этом отношении выбор исследовательского пути в работе с обозначенной темой несет в значительной степени идентификаторный характер: ре-апроприировать свою психоаналитическую идентичность, обратившись к исследованию связи интрапсихических процессов и тела, или отказаться от такой оптики в пользу некоей «психоаналитической психологии» интерпсихических отношений. Вероятно, на таком распутье стоят сегодня и русские клиницисты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа. Ижевск: Ergo, 2011.
2. *Abel Horowitz J.* (1998) Psychopharmacotherapy during an analysis. *Psychoanalytic Inquiry*, 18(5), 673–701.
3. *Alfonso C.A.* (2009) Dynamic psychopharmacology and treatment adherence. *Journal of the American Academy of Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry*, 37(2), 269–285.
4. *Bar-Haim N.* (2018) From Dyad to Triad: On Psychodynamic Meanings of Psychiatric Treatment. *Psychoanalytic Dialogues*, 28(3), 302–313.
5. *Bers S.A.* (2006) Learning about psychoanalysis combined with medication: A nonphysician's perspective. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 54(3), 805–831.
6. *Busch F., Auchincloss E.L.* (1995) The psychology of prescribing and taking medication. *Psychodynamic Concepts in General Psychiatry*, 401–416.

7. *Busch F.N.* (2016). How the impact of medication on psychoanalytic theory and treatment refutes Blass and Carmeli (2015) *The International Journal of Psychoanalysis*, 97(4), 1151–1153.
8. *Ciechanowski P., Russo J., Katon W., Simon G., Ludman E., Von Korff M., Young B., Lin E.* (2006) Where is the patient? The association of psychosocial factors and missed primary care appointments in patients with diabetes. *General Hospital Psychiatry*, 28(1), 9–17.
9. *Doidge N., Simon B., Brauer L., Grant D.C., First M., Brunshaw J., Lancee W.J., Stevens A., Oldham J.M., Mosher P.* (2002) Psychoanalytic patients in the US, Canada, and Australia: I. DSM-III-R disorders, indications, previous treatment, medications, and length of treatment. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 50(2), 575–614.
10. *Dubor P.* (1975) Action des médicaments psychotropes sur les processus de liaison: dans la genèse des phantasmes et des représentations. *Information Psychiatrique*, 51(6), 657–666.
11. *Freud S.* (1940) An outline of psychoanalysis. In *Standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud*. Volume 23. (pp. 144–207). Hogarth Press.
12. *Freud S.* (1955) Beyond the pleasure principle. In *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, Volume XVIII (1920–1922): *Beyond the Pleasure Principle, Group Psychology and Other Works* (pp. 1–64).
13. *Gabbard G.O.* (2005) Mind, brain, and personality disorders. *American Journal of Psychiatry*, 162(4), 648–655.
14. *Gochfeld L.* (1978) Drug therapy and modern psychoanalysis. *Modern Psychoanalysis*, 3(2), 203–216.
15. *Green A.* (1961) Chimiothérapies et psychothérapies: problèmes posés par les comparaisons des techniques chimiothérapeutiques et psychothérapeutiques et leur association en thérapeutique psychiatrique. *L'Encéphale*, 50(1), 29–101.
16. *Gutheil T.G.* (1978) Observations on the theoretical bases for seclusion of the psychiatric inpatient. *The American Journal of Psychiatry*.
17. *Gutheil T.G.* (1982) The psychology of psychopharmacology. *Bulletin of the Menninger Clinic*, 46(4), 321.
18. *Guyotat J.* (1970). Aspects de narcissisme dans les psychoses (Réflexions à partir d'expériences de thérapie institutionnelle et de certaines chimiothérapies). *Évolution Psychiatrique*, 35(2), 321–342.
19. *Held R.R.* (1968) *Psychothérapie et psychanalyse*. Payot.
20. *Hersh R.G.* (2015) Using transference-focused psychotherapy principles in the pharmacotherapy of patients with severe personality disorders. *Psychodynamic Psychiatry*, 43(2), 181–199.
21. *Jeanneau A.* (1993) A propos de la pulsion et des substances psychotropes. Réflexions métapsychologiques d'un prescripteur. *Les Cahiers Du Centre de Psychanalyse et de Psychothérapie*, 23–32.
22. *Jensen K.B., Kaptchuk T.J., Kirsch I., Raicek J., Lindstrom K.M., Berna C., Gollub R.L., Ingvar M., Kong J.* (2012) Nonconscious activation of placebo and nocebo pain responses. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 109(39), 15959–15964.

23. *Kapsambelis V.* (1994) Les médicaments du narcissisme: métapsychologie des neuroleptiques. Ed. Synthélabo.
24. *Kapsambelis V.* (1999) La prescription médicamenteuse dans la relation thérapeutique. *Psychiatrie Française*, 30(1), 60–76.
25. *Kapsambelis V.* (2002) Formulations psychanalytiques des effets des neuroleptiques. *Revue Française de Psychanalyse*, 66(2), 447–464.
26. *Kestemberg É.* (1978) La relation fétichique à l'objet: quelques notations. *Revue Française de Psychanalyse*, 42(2), 195–214.
27. *Kohut H.* (2013) *The analysis of the self: A systematic approach to the psychoanalytic treatment of narcissistic personality disorders.* University of Chicago Press.
28. *Konstantinidou H., Evans C.* (2015) Pharmacotherapy and psychotherapy: the challenges of integrating two paradigms. *Psychoanalytic Psychotherapy*, 29(4), 343–362.
29. *Lambert P.* (1965) La relation médecin-malade au cours des chimiothérapies psychiatriques. Masson.
30. *Lambert P.* (1967) Désafférentation et drogues psychotropes, à propos d'une conception du mode d'action des neuroleptiques. PA Lambert (Éd.), *Actualités de Thérapeutique Psychiatrique*, IIe Série, Paris, Masson, 99.
31. *Lambert P.* (1990a) Chimiothérapie et psychothérapie analytique associées chez des patients présentant des psychoses chroniques. *Aspects Actuels Du Suivi Des Psychoses Au Long Cours. Des Hypothèses à La Thérapeutique.*
32. *Lambert P.* (1990b) *Psychanalyse et psychopharmacologie: essai de compréhension psychodynamique des effets des psychotropes dans les psychoses chroniques.* Masson.
33. *Lamothe R.* (2005) *Becoming alive: Psychoanalysis and vitality.* Psychology Press.
34. *Li T. C. W.* (2010) Psychodynamic aspects of psychopharmacology. *Journal of the American Academy of Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry*, 38(4), 655–674.
35. *Linden D.E., Skottnik L.* (2019) Mental imagery and brain regulation—new links between psychotherapy and neuroscience. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 779.
36. *Milrod B., Busch F.* (1998) Combining psychodynamic psychotherapy with medication in the treatment of panic disorder: Exploring the dynamic meaning of medication. *Psychoanalytic Inquiry*, 18(5), 702–715.
37. *Mintz D.* (2019) Recovery from Childhood Psychiatric Treatment: Addressing the Meaning of Medications. *Psychodynamic Psychiatry*, 47(3), 235–256.
38. *Ostow M.* (1961) Theory of psychic energetics. *Revue Canadienne de Biologie*, 20, 591.
39. *Ostow M.* (1960) The effects of the newer neuroleptic and stimulating drugs on psychic function. In *The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy* (pp. 172–192). CC Thomas Springfield, Ill.
40. *Perry S.W.* (1984) Undermedication for pain on a burn unit. *General Hospital Psychiatry*, 6(4), 308–316.
41. *Purcell S.D.* (2008) The analyst's attitude toward pharmacotherapy. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 56(3), 913–934.

42. *Racamier P.-C., Baudrand C.* (1954) Les cures prolongées et continues de chlorpromazine à l'hôpital psychiatrique. Comptes Rendus Du 52e Congrès Des Aliénistes et Neurologues de Langue Française, Liège, 871–879.
43. *Racamier P.-C., Carretier L.* (1965) Relation psychothérapique et relation médicamenteuse dans l'institution psychiatrique. Lambert PA (Ed.). La Relation Médecin-Malade Au Cours Des Chimiothérapies Psychiatriques. Paris: Ed. Masson, 58–62.
44. *Read J., Haslam N., Sayce L., Davies E.* (2006) Prejudice and schizophrenia: a review of the 'mental illness is an illness like any other' approach. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 114(5), 303–318.
45. *Riccio D.* (2011) Medicating patients in psychoanalytic therapy: Implications for introjection, transference, and countertransference. *The American Journal of Psychoanalysis*, 71(4), 338–351.
46. *Rubin J.* (2001) Countertransference factors in the psychology of psychopharmacology. *Journal of the American Academy of Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry*, 29(4), 565–573.
47. *Sandberg L.S.* (2014) On the prescribing analyst. *The Psychoanalytic Quarterly*, 83(1), 97–120.
48. *Sandberg L.S., Busch F.N.* (2007) Commentary on "Toward a Neuroscience of Empathy: Integrating Affective and Cognitive Perspectives." *Neuropsychoanalysis*, 9(2), 156–161.
49. *Singh I.* (2004) Doing their jobs: Mothering with Ritalin in a culture of mother-blame. *Social Science & Medicine*, 59(6), 1193–1205.
50. *Tutter A.* (2006) Medication as object. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 54(3), 781–804.
51. *Wasserman T., Wasserman L.D.* (2019) *Therapy and the Neural Network Model*. Springer.
52. *Winkelman N.W.* (1960) Chlorpromazine and prochlorperazine during psychoanalytic psychotherapy. Theoretical formulations concerning the ego, energy relationships, anxiety and the psychic therapeutic process. *The Dynamics of Psychiatric Drug Therapy*, Springfield (Illinois), Charles C. Thomas Publ, 134–149.
53. *Winnicott D.W.* (1953) Transitional objects and transitional phenomena—a study of the first not-me possession. *International Journal of Psycho-Analysis*, 34, 89–97.

A psychoanalytic view on pharmacological therapy of mental disorders

I.A. Martynov

Martynov Innokentiy Alexeievich – MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor. Fellow of Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

A vast part of the whole body of research in psychotherapy explores biological implications of psychoanalysis and talking cure. However, I argue that reverting the research focus is necessary as well: what are the psychological processes to be observed in biological therapy of mental disorders? In this paper I explore some key attempts to study the effects the medication has on a patient, as well as its influences on the analytic process, published since the 1950s till the present day. After discussing the main tendencies, I suggest to delineate two threads one may observe in the whole body of psychoanalytic research on psychopharmacological treatment: 1) the "analytic" thread which emphasises the direct effect of a medication and the intra-psychic processes; 2) the 'psychological' thread which emphasises the place of medication in analytic treatment and inter-psychic relationship. This paper studies a number of psychoanalytic research papers published since 1950s till the present day by the means of thematic analysis. Not only it aims at exploring the main research tendencies and analyse them in context of development and current state of art in psychoanalysis, but also to introduce Russian psychoanalytic clinicians to the history and up-to-date debates upon the place and meaning of medication in psychoanalysis.

Keywords: psychology of psychopharmacology, doctor-patient relationship, psychopharmacological therapy, psychic economy, psychic energy, libido, symbolisation, antipsychotics, antidepressant, transference, resistance, acting-out.

Психодинамика возникновения тиннитуса: конфликт или дефицит?

А.И. Мелёхин

Мелёхин Алексей Игоревич – кандидат психологических наук, доцент, клинический психолог высшей квалификационной категории, сомнолог. Гуманитарный институт имени П.А. Столыпина.

В статье на клиническом примере пациентки с тиннитусом (шум в ушах) детализирована психосоматическая личность, или «человек соматический», т. е. человек, чье психическое функционирование в большей степени, чем у большинства, подменено телесным или поведенческим. Само физическое страдание пациента пробуждает забытые воспоминания о скрытой травме (изнасиловании), или соматический симптом представляет собой не прямое сообщение к Другому. Детализированы психодинамический инсайт и эмоциональные драйвы пациента с тиннитусом. Показана специфика проведения психодинамического нарративного подхода. Наиболее предпочтительным подходом для пациентов с тиннитусом является психотерапия, объединяющая экспрессивные и суппортивные стратегии.

Ключевые слова: тиннитус, шум в ушах, нарративный подход, психодинамический подход, соматизация, психосоматика.

Тиннитус, или шум в ушах, определяется как субъективное восприятие, которое является результатом исключительно деятельности нервной системы, без какого-либо механического, вибрационного воздействия на внутреннее ухо. Появление звука, шума в ушах не связано ни с какой внешней стимуляцией. Сами пациенты описывают свои звуки в ушах как «жужжание», «писк», «тиканье часов», «бульканье», «скрежет», «шипение», «гудение», «рев», которые могут различаться по громкости, высоте звука (высоко-, низкочастотный). Звуки наблюдаются каждый день и могут меняться в течение дня (Cima, 2019).

Разделяют «истинный» шум в ушах (объективные причины, выявленные врачом-оториноларингологом, неврологом) и «ложный», «иллюзорный», «субъективный» (без каких-либо акустических оснований). Последний тип еще делится на «фантастический» тиннитус (*fantastic tinnitus*), который рассматривается как форма *слуховой галлюцинации* (Schneer, 1956).

Эту форму наглядно описал З. Фрейд в работе «Сообщение об одном случае паранойи, противоречащем психоаналитической теории» (1915). Молодая, красивая женщина вступает в интимные отношения с коллегой по работе. Приходит к нему на квартиру в состоянии сильного нервного возбуждения, но, лежа на диване, частично сняв одежду, она начинает слышать шум, напоминающий ей щелканье или удар. Не зная его причины, она вспоминает, как до этого встретила на лестнице двух мужчин, один из которых нес нечто, выглядевшее как закрытый ящик. Женщина убеждает себя, что кто-то, действуя по указанию ее любовника-коллеги, следил за ней и сфотографировал во время свидания на квартире. Таким образом, ожидание секса с коллегой прерывается звуком, шумом, щелчком, ударом, тиканьем. Его происхождение неизвестно, и на ее вопрос, что это за звук, мужчина отвечает, что это «тиканье старых часов». Странный звук, таким образом, задним числом приобретает для женщины огромное значение. Для нее он вдруг оказывается окруженным ретроспективной трактовкой, воспоминаниями, которые нагружены параноической конструкцией, доминирующей фантазией, наделяющей его определенным смыслом. Она чувствовала себя жертвой преследования, заговора, устроенного ее коллегой. Звук для нее символизировал щелчок фотоаппарата, предназначенного для того, чтобы сделать компрометирующие фотографии ее интимной связи. То, что ее коллега оправдывался, лишь еще больше доказывало его виновность для нее (Фрейд, 1995). Наличие небольшого шума в ушах, щелчок, как пишет Младен Долар в работе «Голос и ничего больше» (2018), выступает для нее «зерном желаяния», маленьким раздражителем, который приводит к тяжелым последствиям. Бессознательное желание женщины таким образом «говорит» через звук щелчка. Желание, влечение – «щелкает», «шумит». Случайный и незначительный шум (внешний или внутренний) может быть связан с бессознательным. Он может стать объектом фантазии пациента, который приводит в движение действие что-то глубоко внутреннее. З. Фрейд так объясняет этот случай: тиканье часов можно сравнивать с пульсацией гениталий при половом возбуждении. Он отмечает, что это не «истинное» тиканье или вообще какой-либо внешний шум, это шум внутренний. Женщина могла испытать висцеральное ощущение «удара» или «стука» в гениталиях, а впоследствии спроецировать его на восприятие внешнего объекта. Тут вырисовывается странная петля связи между «внешними» и «внутренними» факторами, происходит короткое замыкание между внешней случайностью и интимностью, возбуждением перед сексом. Происходит совпадение звука с сексуальным возбуждением, при этом щелчок выступает разрушителем интимной связи, любви. Это момент сбоя желаяния. Наличие шума в ушах вызывает стереотипную фантазию – как защитную структуру. Эти фантазии служат *самооправданием*. У истоков этой

фантазии находится травматическое ядро, которое можно обнаружить в рамках анализа пациента. Это фантазия наблюдения сексуального взаимодействия родителей – первобытная фантазия (по З. Фрейду). Шум во время встречи с мужчиной сыграл для женщины роль провоцирующего фактора, который активировал у женщины типичную фантазию нечаянного подслушивания, что является компонентом родительского комплекса. В итоге женщина парализована страхом и становится единой со звуком, постоянно его слышит, и он выступает объектом террора, мучений и какой-то тайны.

Современная тактика лечения тиннитуса больше ориентирована на *неврологические* (снижение нейронной гиперактивности для достижения габитуации, минимизация дисфункции гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси), психические (снижение симптомов депрессии, тревожного спектра расстройств) и реже на психологические мишени (Cima, 2019). Еще З. Фрейд в работе «Проблема дилетантского анализа» (1926) писал, что нужно противостоять соблазну заигрывать с вегетативной нервной системой, поскольку наша задача состоит в том, чтобы определять психологические данные психологическими же вспомогательными средствами (Фрейд, 2009). В связи с этим при обследовании пациента с тиннитусом важно уделять внимание специфике *описания им симптоматики*. Это служит «языком», с помощью которого цель **бессознательный смысл → мотив → побуждение → потребность** не выражается буквально словами, а проявляется в симптоме.

Требуется уделять внимание *источнику проблемы*, т. е. истории жизни пациента, которая в итоге будет ключом к пониманию истории недуга. Детализировать, чем вызвано эмоциональное страдание пациента, которое часто связано с травматическим опытом в жизни и в раннем детстве. Часто это фактическое или фантазмическое переживание *потери объекта*, что приводит к развитию у пациента страха упущенной возможности, чувства уязвимости и невыносимой незащищенности (незащищенности), которую нужно постоянно контролировать и «что-то делать» (феномен «живой машины» по В. Райху, цит. по: Рождественский, 2019). Эти паттерны поведения поддерживаются за счет чувства стыда («ведь что-то нужно... потратил время, не занимался полезным»).

Травматический опыт отношений с Другими был долгое время подавлен пациентом и может проявляться в различных соматических проявлениях: эмоциональное вертиго (emotional vertigo – ощущение головокружения, тошноты), болевой синдром (плече-лопаточная область) и парестезии.

Перед психологом и пациентом возникает два вопроса: 1) Почему тиннитус возник именно в этот период жизни? 2) Почему именно в такой форме и с такой динамикой?

Нам важно не только прошлое пациента, но и его образ будущего, который часто носит *катастрофизирующий характер*. Пациент с шумом в ушах находится в состоянии «борьбы», готовности и ориентирован на события, которые еще не произошли. Например: «Я оглохну», «буду постоянно слышать шум даже ночью», «сойду с ума», «буду постоянно

принимать препараты и ходить по врачам и потрачу все деньги на поиск причины».

Пациенты описывают свои жалобы по-разному, иногда даже в зависимости от интереса и понимания Другого, к которому они обращаются за помощью. Частое обращение к врачам, неаккуратные фразы врачей («с этим нужно жить», «к этому нужно привыкнуть», «вы особенный») приводят к формированию у этих пациентов разочарования, ощущения собственной неполноценности, что порождает болезнь-ориентированное поведение, феномен «доктор-шопинга» и «лечения в аптеке». Чтобы избежать ошибки при постановке диагноза, нужно понимать специфику внутреннего конфликта пациента, который страдает от беспокойства, шума в ушах: его эмоциональные мотивы, жалобы, поведение структурированы в соответствии с бессознательной логикой (Holloway, Jefferson, 2001). Из-за скрытого раздражения, гнева пациенты не могут построить пронизательный, глубокий рассказ, поэтому у врачей формируется ограниченная и предвзятая модель болезни и здоровья. Б. Эдгрен-Сундин показал, что у пациентов наблюдается *gore no поводу потери тишины*, они воспринимают каждый новый приступ тиннитуса как проблему, с которой они не могут справиться, что усиливает у них чувство неполноценности и дефективности (Edgren-Sundin, 1993).

По сей день мало психоаналитических процедур, которые помогают справиться с потерей такого рода. Большой акцент делается на управлении симптомами тиннитуса, как, например, в рамках *когнитивно-поведенческой психотерапии*.

Было показано, что перед возникновением тиннитуса у пациентов наблюдается период повышенного эмоционального напряжения, которое сопровождается различными телесными ощущениями (головокружение, жжение в теле, давление в груди) и нарушениями сна. Это связано с наличием слабости Я, отсутствием навыков эмоциональной регуляции, при жестком Сверх-Я. Пациентам с тиннитусом свойственны личностные особенности: нарушенное базовое доверие со стремлением к покорности; сниженная толерантность к фрустрации (дискомфарту); высокая потребность в зависимости (поиск одобрения), недостаток самоконтроля и жесткие внутренние стандарты. Пациентам присуща *фонофобия*, т. е. боязнь определенных звуков. Наличие даже слабого звука, определенных голосов вызывает состояние мобилизации. Например, определенные по тональности женские голоса (матери, руководительницы отделения) вызывают раздражение и тревогу: «по ушам бьет», «я оглохну» (Erlandsson, 2008). Мы помним, что материнский голос является первым представлением измерения Другого, может быть наделен параноидальной фантазией «западни». Голос, который был одновременно первым гнездом, может стать и первой клеткой «заглушения». Шум в ушах как симптом является общим путем для развития соматических расстройств, например гипертонии, болезни сердца, головных болей; также различных состояний, связанных со стрессом (депрессии, тревожный спектр расстройств). В связи с этим необходимо сделать акцент не только на способах управления симптомами и избавлении от них, но и понимать и устранять

проблемы-обстоятельства, которые привели к страданию пациента. Если говорить про психоаналитическую тактику лечения, то проблема пациента *довербальна*. С одной стороны, мы можем применять *экспрессивную тактику*, направленную на актуализацию и исследование конфликтов прошлого и настоящего, углубление самопонимания и коррекции эмоционального опыта (Рождественский, 2019). В этом случае применяется психодинамический нарративный подход при лечении тиннитуса, который начал развиваться с 1950-х годов и описан в работах Х. Штеера (*Schneer, 1956*) и Е. Веиншела (*Weinshel, 1955*). Экспрессивная тактика эффективна, если пациент обладает достаточной толерантностью к фрустрации, тревоге и напряжению. Однако чаще всего на первом этапе лечения полезной оказывается *суппортивная тактика*, направленная на укрепление Я и стабилизацию объектных отношений, позволяющая поддерживать сопровождение и усиление автономии. Это достигается с помощью когнитивно-поведенческого (*Fuller, Cima, 2020*) или гуманистического подходов (*Erlandsson, 1998; Mohr, 2008*).

В отличие от «ортопедической» тактики когнитивно-поведенческого подхода, психодинамический нарративный подход позволяет охватить субъективную природу самости во всей ее сложности (*Crossley, 2000*). Согласно Д. Спенсу (*Spense, 1982*), психоанализ позволяет детальнее понять психодинамику возникновения симптома, признать его диалектичность. Нарративная традиция восходит еще к З. Фрейду. Большинство психоаналитиков, клинических психологов, психотерапевтов при работе с пациентами с тиннитусом применяют когнитивно-поведенческий и гуманистический подход. Данный подход позволяет сформулировать уникальные и специфические смыслы, которые переживаются отдельным пациентом с тиннитусом, понять «личную теорию» страдания пациента, т. е. его представления о причинах своей болезни или проблемы. Согласно Т. Сарбину (*Sarbin, 1986*), личный нарратив пациента имеет временное измерение (начало, середину и конец), которое удерживает некоторый шаблон того или иного события, называющегося сюжетом. К. Гергер и М. Герген разделили сюжеты, которые пациенты используют для осмысления негативных событий, такие как страдание от серьезных заболеваний, на три измерения: стабильность, прогрессия и регрессия (*Gergen, Gergen, 1983*). М. Кроссли описывает нарративный метод как работу с построением образа себя как рассказчика (*Crossley, 2000*), и тогда, как пишет Т. Сарбин, мы как специалисты можем размышлять, строить конструкцию о любой части жизни пациента, например о надеждах, мечтах, страхах, фантазиях, а также о повседневной рутине (*Sarbin, 1986*). Метод нарративного интервью основан на свободной ассоциации и является лучшим способом понять смыслы, лежащие в основе ситуации, рассказа пациента. Используя свободные ассоциации, мы вызываем повествование, не структурированное в соответствии с сознательной логикой. Пациентам с тиннитусом свойственна ограниченная способность говорить о себе. Им свойственно ощущение, что «болен не Я», а «мое тело», что отражается в их рассказах. Например: «А вдруг это опухоль, защепленная артерия, аномалия Киммерли, болезнь Миньера?» Тиннитус рассматривается

как производное отчуждения тела от психического, как «плохого» от «хорошего». Пациент ориентирован на «механистический», «ремонтный», «ортопедический» подход к себе и поиск регуляторного объекта, т. е. чудодоктора, который знает, в чем дело, найдет реальную причину и даст эффективное лекарство). Ему свойственны такие защитные механизмы: интеллектуализация, рационализация и изоляции. Мы видим у таких пациентов внешнюю непробиваемость, «когнитивную броню», однако у них возникают сильные и плохо контролируемые эмоциональные вспышки в форме раздражительности, придирчивости, каждая из которых способна привести к разрыву отношений с Другим. Тревога пациента с тиннитусом в отношении собственных эмоций носит не невротический, а скорее *экзистенциальный характер* («я живу не своей жизнью», «я живу неполноценной жизнью», «это не моя жизнь») с акцентом на чувство незащитности, уязвимости. В связи с этим наиболее предпочтительным подходом для пациентов с тиннитусом является психотерапия, объединяющая экспрессивные и *суппортивные компоненты*, а в качестве ведущего инструмента выбирается создание атмосферы для выражения бессознательного желания, развития аналитической диады с целью восстановления утраченного, неартикулируемого, а также сохранения гармонии в мироощущении. В ходе анализа снижается ощущение угрозы, которую пациент переживает из «плохой», «уязвленной» части собственного Я, «злокачественного», «токсического» интроекта. Достигается это за счет укрепления Я и снижения сильного давления Сверх-Я. Ниже на наглядном примере пациентки с тиннитусом мы покажем специфику психодинамического нарративного подхода (Dauman, Erlandsson, 2012).

Клинический случай

Пациентка 70 лет живет одна в квартире, которую она воспринимает слишком большой для себя. Она развелась более 40 лет назад и решила больше не выходить замуж. У нее есть дочь и сын, которые не часто ее навещают. У ее детей есть собственные семьи. Пациентка чувствовала себя комфортно одна в своем доме, но в течение последних двух месяцев ее посещает чувство одиночества. Она чувствует себя усталой, подавленной, опустошенной, но не знает почему и не имеет никакого объяснения своего состояния. На консультации у врача-оториналаринголога она заплакала и начала часто извиняться за свое поведение. Она объяснила, что всегда чувствовала себя сильным, волевым человеком, который управляет своей жизнью сама. Но то, как она реагирует на трудности сейчас, – для нее новое переживание. Ее охватывают отчаяние, раздражение, когда возникает шум в ушах. Навязчивый симптом вызывает у нее мысли о самоубийстве, так как невозможно ни жить, ни спать. Но мысли о собственном внуке, который, по ее мнению, нуждается в ней, заставляют ее жить и верить в лучшее. Пациентке трудно описать шум в ушах, который она слышит, сложно рассказать, как он звучит, и она сама отмечает, что «действительно трудно описать эти ощущение». Она считает, что у нее есть три разных звука, иногда один больше, чем другой, а иногда появляются все

три звука в ее голове. Прежде всего она слышит «сильный ветер», потом «потрескивающий звук», который она воспроизводит как «зззззз», и наконец звук «тук-тук». В течение месяца появился новый звук, как будто пчелы вокруг ее головы «ввввв». Отмечает, что не может выносить эти вещи. Она помнит свою реакцию, когда впервые возник этот звон в ушах. Она возвращалась после двухнедельной госпитализации домой и вдруг услышала звук в своей квартире. Подумала, что это вентилятор. Пациентка позвонила своей дочери, чтобы убедиться, что та слышит то же самое, что и она. Но ее дочь не могла слышать этот звук. Каждый день она сталкивалась с шумами и не понимала, откуда они, что привело ее к депрессии. Ни соседи, ни консьержка также не слышали этот шум. Однажды она позвонила пожарным и в полицию, подумав, что шумы идут откуда-то сверху, – это вызвало панику. Она была истощена, оттого что часами каждый день ждала, когда шумы прекратятся. После госпитализации по поводу затяжной депрессии шумы прекратились, было несколько дней тишины, но потом они снова вернулись. Раздражение нарастало, пациентку охватывал страх, когда только начинался шум в ушах. У нее нарушился сон. Ночью она ходила по квартире часами и слушала шум, задавая себе вопросы: что это? откуда он? что я сделала, чтобы испытывать это? Наконец она обратилась к врачу-терапевту в надежде понять причину шума. Ее доктор не успокоил ее, не выявил причины, а сказал, что это тиннитус и он будет с ней до конца ее дней. Она сказала, что не понимает, что значит тиннитус. Терапевт ответил, что это старость, которая влияет на слух. Следующий врач, психиатр, – что это последствие длительного пребывания в депрессии и побочные эффекты от принимаемых ей препаратов. Пациентка не верила докторам и твердила, что, может быть, рядом с ее квартирой установлено радиореле и радиоволны вызывают такой шум в ушах. К версии пациентки никто не отнесся серьезно, как и к тому, что шумы могут быть вызваны кем-то сверху. Ее дочь говорила ей, что это нервы и что она слишком много времени проводить в одиночестве в квартире. Ее сын выразился еще резче – в том смысле, что она не может жить одна в большой квартире. Предложение переехать в квартиру поменьше или в дом престарелых вызвало у нее приступ ярости и негодования. Вот как она описала свое состояние на приеме у психолога: *«Когда начался шум в ушах, я даже не могла спать. Я все время слышала его. Только когда я что-то делала, ходила, даже ночью, шум снижался. Это просто ужасно и невозможно вытерпеть»*.

После назначения лекарств «от кризиса» врачом-психиатром пациентка так описывает свой опыт приема: *«...Только спустя несколько месяцев с начала приема антидепрессантов я смогла привыкнуть к своему состоянию. Я теперь уделяю меньше внимания шуму в ушах, как раньше, не прислоняю уши к работающему вентилятору, не сижу рядом с холодильником, чтобы звуки этих приборов маскировали мой шум в ушах. Под этим лекарством я больше не клала на голову горячее полотенце, чтобы снизить интенсивность шума и успокоиться»*.

Ранее, чтобы скрыть шум в ушах, пациентка открывала окна, чтобы слышать постоянные шумы с улицы. Когда ей приходилось оставаться

дома, она включала радио так громко, как только могла, постоянно что-то делала по дому или выходила на улицу, гуляла, чтобы думать о чем-то еще. В конце концов она оказалась на приеме у психолога и почувствовала огромное облегчение оттого, что могла говорить о своих страданиях с тем, кто ее способен выслушать и понять. Она жестоко страдала от непонимания окружающих, которые не в состоянии и представить, что «такое слышать шум в ушах весь день и всю оставшуюся жизнь», и ощущала бесконечную усталость оттого, что ее жалобы просто игнорируют. Теперь она могла наконец рассказать о том, как ей было обидно, когда люди перебивали ее, стоило только начать ей рассказывать о мучительных переживаниях. Она просила о помощи, но ее семейное окружение проявило равнодушие. В конце концов пациентка переехала в квартиру поменьше, следуя совету родственников. Она думала, что чем дальше она будет находиться «от радиореле», тем скорее она поправится. В своей новой квартире она почувствовала наконец тишину, больше не было проезжающих по улице машин, не было оживленности, царившей в старом районе. Но после недели улучшения ее состояние снова ухудшилось. Шум в ушах стал громче и навязчивее. Пациентка была измотана и устала от одиночества и страдания. Шум в ушах, как она отмечала, больше не беспокоил ее так остро, потому что она смирилась, что не может его контролировать. Ее врач-психиатр настаивал на повторной госпитализации, что очень расстроило ее: в последний раз по выходе из больницы ее состояние ухудшилось без причины. Она хотела бы понять, почему не может быть прежней, счастливой, как раньше, ведь она всегда *умела управлять собственной жизнью*. Лечение у психиатра не давало результата, как и психотерапия. Психолог предложил пациентке рассказать о ее близких родственниках и отношениях с новыми соседями. В этот момент она вспомнила, что не смогла довести до конца самоубийство на мосту. В этот момент ей в голову пришла мысль о внуке, о котором не было никаких известий в течение года. Ее беспокоила жизнь внука. Он был бездомным и безработным и бродил по улицам в течение нескольких месяцев. «Общается с разными компаниями, которые оказывают на него плохое влияние». Пациентка знает своего внука очень хорошо и говорит, что он очень ведомый, т. е. поддается дурному влиянию и легко, по ее словам, мог начать принимать алкоголь и наркотики.

Она говорит, что *«всегда боится, что с ним что-то случится, что его задержит полиция. Я думаю о нем все время. Ни один день не проходит без беспокойства о нем. Это очень утомительно – каждый день испытывать это беспокойство»*.

После краткого молчания пациентка добавляет: *«Но, прежде всего, есть этот шум в ушах, который всегда есть... это тоже утомительно... это всегда со мной... иногда у меня два или три мирных дня, но вечером шум в ушах снова громче и раздражает»*. Она пытается забыть о своих заботах, выходя на улицу так часто, как может. Ее жизнь – это ежедневная борьба со страхами и заботами: *«Если я выхожу на улицу, то думаю обо всем этом меньше. Но я встречаю на улице молодых людей, если они говорят про проблемы, полицию, кричат, я начинаю испытывать»*

сильный страх, что что-нибудь случилось... я не знаю, что делать». После развода ее сына отношения с ним и внуком стали сложными. Отец отправлял сына в реабилитационный центр для трудных подростков, за что тот не может простить отца. Пациентка всегда была рядом со своим внуком, она говорит: *«Он для меня все, я узнаю себя в нем».* Долгое время она не видела внука, не слышала его голоса и не знала ничего о его жизни. Отмечает, что *«ее тело болит, когда она думает о внуке, он внутри меня».* Несколько месяцев назад у нее был неудачный разговор с внуком. Он неожиданно бросил трубку после того, как она сказала, что он должен найти работу и жить прилично. Она в ярости оттого, что он бродит по улицам. Она переживает, что он тратит свою жизнь впустую и это не похоже на него. Испытывает сильное раздражение из-за собственной беспомощности. Испытывает вину: ей не следовало говорить ему такие слова. Его образ жизни не должен ее касаться, ведь он не хочет видеть больше ни отца, ни ее. Наконец пациентка отмечает: *«Я не слышу своего внука... так хочу, чтобы он позвонил мне, хочу услышать его голос снова».* Когда он был маленьким, она проводила каждый отпуск с ним. Теперь она осталась одна, и ее семья почти не заботится о ней. Говорит: *«Это вредит мне... вот почему я испытываю подавленность... что-то случилось внутри меня... что я не поняла... это подействовало на меня так, как будто я упала... что-то во мне предало меня... мое тело... это должно быть что-то... что вызвало все это».*

Пациентка перестала искать медицинские объяснения шума в ушах. Однако она сокрушается о реакции ее семьи и соседей, что они не поверили, что на шум в ушах могут влиять спутниковые антенны, радиоволны. Недалеко от ее старой квартиры была установлена радиовышка. Это случилось во время школьных каникул, в выходные: чувство волн захватило ее... по ее описаниям это «что-то очень, очень сильное...». У пациентки есть свое мнение о том, как происходящее с ней связано с радиореле, но никто не воспринял это всерьез. Она отмечает, что возникновение шума было впервые во время каникул, потому что нагрузки на реле в эти дни могут быть больше, потому что люди звонят друг другу чаще. Когда она переехала в другую квартиру, далеко от реле, шум в ушах все еще беспокоил ее. Говоря о своей предыдущей квартире, пациентка вспоминает, что она слышала, как кто-то боролся наверху и они издавали много шума, «стучали по полу так» (она имитирует оживленное движение, пока говорит о шуме): *«У меня был приступ тревоги... я начала паниковать... не могла оставаться дома... была слишком напугана. Весь этот шум... они делали что-то... это было ужасно... я вышла из своей квартиры ночью... не могла больше терпеть это... я очень испугалась... Оставалась рядом со своим домом, под фонарями, и тревога стихала. Я вышла в час ночи и вернулась домой только тогда, когда мне было холодно, а на улице была зима. Это продолжалось три месяца».*

Пациентка была измотана, шум продолжался месяцами, она то звонила в полицию, то пожарным, в итоге ее дочь дала согласие для психиатрической госпитализации. В ходе госпитализации пациентке сказали, что она все придумала. Шумы пришли из ее воображения, из ее головы. Психолог

напомнил пациентке про страх за внука, про боязнь, что его втянут в незаконный оборот наркотиков. Пациентка думала, что наверху ее квартиры живут торговцы наркотиками и они должны быть арестованы, поэтому вызывала полицию, чтобы не было никакого шума. Она отмечает: *«Разве это не странно, что такие, как я, хотят быть счастливыми?»* Много раз пациентка давала деньги своему внуку, а в течение последних месяцев она поселила его в своей бывшей квартире. Она надеялась, что деньги помогут ему найти работу, но он тратил их на наркотики и алкоголь, что окончательно разрушило отношения между ними. Каждый раз, когда она слышала полицейские сирены, она испытывала сильную тревогу за своего внука. У пациентки была своя причина бояться, что что-то случится с ее внуком. Она никогда не говорила о причине этого страха с дочерью и сыном. У нее был страх, что что-то необратимое, страшное случится с внуком, что в итоге приведет к задержанию и тюрьме. Мысли о задержании возникли из личного драматического опыта пациентки, когда ей было 22 года, почти тот же возраст, что у ее внука. Однако сама она ни разу в жизни не сталкивалась с полицией, даже когда она была изнасилована, она не сообщила об этом никому. Она дала себе установку не жаловаться и справиться самой и никому не говорила о травматическом событии почти 50-летней давности. Она молчала об этом событии до сих пор, говоря о своем внуке. Этот страх она раскрыла психологу, который был немного старше, чем ее внук. Пациентка рассказывает, что изнасилование произошло на работе, это сделал тот человек, которому она доверяла... она доверяла ему. Когда она начала описывать «кадр» (где это произошло и что было), то проговорила: *«Я не могу... но это ничто по сравнению с тем, что я испытываю сейчас»*. Она не упоминала тему изнасилования больше ни разу во время сеанса. Пациентка продолжала беспокоиться о внуке в течение нескольких месяцев после его исчезновения. Это усугубилось воспоминанием травмирующего события 50-летней давности. Однажды утром она проснулась с чувством, что она пропустила что-то, что ей не хватает чего-то, но что это было, она не могла сказать. Наконец она поняла, что она не слышит шума в ушах. Пациентка была так счастлива и вспомнила свою мысль тогда: *«Это все, они оставили меня в покое, наконец ушли»*. В течение целого дня она не слышала шумов в ушах, но вечером они вернулись. Теперь она могла терпеть свой шум в ушах и поблагодарила психолога за то, что он сделал для нее: *«Я нашла кого-то, с кем могла бы поговорить о том, что случилось со мной... я этого не забуду»*.

Психодинамический инсайт и эмоциональные драйвы

Сильную тревогу у пациентки можно охарактеризовать как *опыт распада*. Вся жизнь пациентки превратилась в сценарий кошмара, с которым она не могла справиться самостоятельно. Госпитализация, психиатрическое лечение, прием препаратов не оказывали никакого влияния на распад. Она испытывала и раскрывала специфику внутреннего распада только на сеансах у психолога. Единственной целью для пациентки было

пережить день и ночь. Ожидала облегчения и восстановления порядка «из хаоса». Психическое заболевание следует рассматривать как страдание из-за наличия «непоследовательной истории» пациента (*Polkinghorn, 1988*). Психоанализ таким образом рассматривается как воссоздание, «ремонт» личной истории пациента (*Schafer, 1992; Spense, 1982*). В соответствии с этим Д. Спенс утверждает, что фокус психоанализа находится на «значениях» (означающих), которые выражаются и меняются через речь пациента (*Spense, 1982*). Психолог работает со строительством значений через повествование, а не открывая значения в сознании пациента (*Polkinghorne, 1988*), т. е. психолога можно уподобить соавтору в создании повествования личной истории пациента.

Структура повествования, выраженная в страдании пациентки, может быть описана во временном измерении. Начало повествования сосредоточено на ушах, изнурительном шуме, с которым она не могла справиться сама. Ее стремление выразить потребность быть услышанной терпело многократную неудачу. Через психолога ей удалось донести историю своего отчаяния. Шум в ушах стал менее раздражающим. Пациентка хотела убедить психолога, что она смогла приспособиться к нему (т. е. она заслужила его поддержку). Параллельное повествование было сосредоточено на переживаниях о ее внуке, которые были связаны с регрессивными процессами в ее страданиях – они возникают из-за ее неспособности повлиять на шум. Середина повествовательной структуры может быть распознана, когда пациентка рассказала психологу о поведении внука (тратил деньги на алкоголь и наркотики). Регрессия в страданиях, связанных с шумом в ушах, увеличилась без каких-либо возможных причин, связанных с ее страхом за внука. Пациентка не знала, что еще может улучшить ее привыкание к шуму в ушах, помимо обнадеживающих новостей о ее внуке. Она, однако, заметила, что никакое изменение в ее раздражении не было связано с новостями. Она попросила у психолога поддержки, которая, например, заключалась в том, чтобы он поверил и подтвердил, что ее шум действительно заслуживает внимания, она не может с ним бороться и не может приспособиться к нему.

Пациентка боялась, что ее невозможность терпеть шум в очередной раз может привести к еще одной ужасной психиатрической госпитализации. Окончание нарративной структуры – это снятие специалистом ответственности с пациентки за неудачи в борьбе шумом, за неспособность к нему привыкнуть, которая вызывала у нее переживание собственной никчемности. В конце концов она приняла себя такой, какая она есть, со своей слабостью, уязвимостью. Шумы, которые она слышала наверху в своей большой квартире и которых боялась, были вызваны воспоминанием, которое пациентка не хотела или не могла воспроизвести в течение нескольких месяцев психоанализа. В конце концов галлюцинации, которыми она не могла поделиться с кем-то, раскрылись со страхом и тоской. Изнасилование, про которое она наконец вспомнила после 50 лет, можно рассматривать как преодоление чувства обманутых ожиданий, которое возникло в ответ на неспособность других людей отнестись серьезно к

ее повествованию. То есть пациентке удалось рассказать правду о страхе, который она испытывала за своего внука, другому человеку. Затем шум в ушах в ее рассказе стал терпимым симптомом из трудного периода в ее жизни, который ей удалось пережить.

Пациентка постоянно говорила о сильном отчаянии из-за того, что она больше не может осознавать себя в такой странной ситуации. Она чувствовала себя сильной и независимой, жила самостоятельно в течение многих лет. Однако в течение полутора лет она потеряла важную объектную связь, когда ее внук отделился от нее. Роль пациентки как щедрой и нужной бабушки сменилось горем и чувством обездоленности. Ее самые близкие семейные отношения стали хрупкими, и она чувствовала себя одинокой, переполненной отчаянием, когда рассказывала дочери и сыну обо всех шумах в ушах, которые она испытывает. Психоанализ позволила пациентке говорить не только о своем шуме в ушах, но и об индивидуальной, исторической подоплеке ее страданий. Изменения в отношениях с внуком и воспоминания о собственной травматической юности воскресили ее эмоциональные побуждения, что повлияло на трудности привыкания к шуму в ушах. Пациентке удалось вспомнить в процессе психоанализа изнасилование, когда она была совсем юной, т. е. примерно того же возраста, что и ее внук. Никто в ее семье не знал об этом травматическом инциденте, потому что пациентка никогда не говорила об этом, она подавляла это воспоминание и забывала об этом. Когда после нескольких месяцев непреодолимой психологической боли, страдания у пациентки появился шум в ушах, она столкнулась с отвержением со стороны близких людей. Ее забота о внуке приводила к росту беспокойства и была связана с тем, чего она боялась больше всего: *с ним могло случить что-то ужасное, как и с ней, и она не могла найти слов, чтобы предотвратить это.* Через несколько недель после начала анализа тиннитус стал меньшим предметом жалоб пациентки из-за более глубокого конфликта, который был распознан и проработан, что привело к просветлению ее бессознательных эмоциональных побуждений. Угроза психического срыва и попадания в психиатрическую клинику от невыносимости шума в ушах, о которой пациентка сообщила в своем рассказе во время психоаналитического процесса, постепенно трансформировалась в более личную реальность. Невыносимые шумы в ее голове (тиннитус) «были самыми страшными» – это первая выразительная форма ее истощения, и она была проигнорирована ее значимыми Другими. Второй формой выражения был страх перед психическим срывом, связанный с жизнью ее внука и плохими влияниями (компании, прием алкоголя и наркотиков), которые она не могла предотвратить. Это страх перед чем-то ужасным, что может произойти с внуком. Третья форма была вызвана шумом, доносившимся из квартиры сверху от дерущихся «торговцев наркотиками». Тревоги, выраженные в ее рассказе, приводят ее в конце концов в тему изнасилования, которую она привнесла в рассказ через оговорку. Она вспомнила, что «они с трудом поднялись наверх...» и возникло ощущение, что «они дрались наверху». Это пациентка сказала, чтобы выразить то, что услышала

наверху квартиры, и потому по ассоциации возникло воспоминание об изнасиловании. Само изнасилование она вспоминает как травматическое событие в ее истории, но без каких-либо связанных с ним эмоций. Это пустой кадр без содержания, без места, где что-то произошло. Страх перед психическим срывом, как писал Д. Винникотт, – это внутреннее восприятие травмы, которую психика не может интегрировать как прошлое событие и поэтому воспринимает как грядущий срыв. В рассказе пациентки судьба ее внука помогла ей передать эту травму другому человеку – психологу. По мере развития аналитического процесса пациентка часто фокусирует свое повествование на своих отношениях с другими людьми и своих эмоциях, связанных со страданием, которое никто не знает и поэтому не может принять во внимание. Она редко бывает безразлична к чужому непониманию ее очень необычной и порой невыносимой ситуации. Рассказ о недоверии других людей к жалобам пациента на шум в ушах может привести психолога к открытию в психике пациента более глубоких эмоциональных побуждений, которые пациент не может выразить более непосредственно.

Здесь мы видим, что пациентка неоднократно выражает сожаление в своем рассказе: никто не верил ей, когда она пыталась объяснить, чего она боится. Другие оспаривали факт существования звуков, которых никто больше не мог слышать, и веру пациентки в то, что спутниковые тарелки повлияли на ее состояние. Возникает вопрос: *поверили бы ей люди, если бы она решила рассказать об изнасиловании, которому подверглась в молодости?* Реакция на ее жалобы, которую она встретила в своей семье и у соседей, разочаровала ее. 50 лет назад она была убеждена, что никто не стал бы слушать жалобу изнасилованной молодой женщины. Оглядываясь назад на сессии, следует отметить, что социальное измерение страданий пациентки, по-видимому, является объединяющей нитью ее повествования, что в конечном итоге переводит ее страдания в глубокие и убедительные рассуждения. Таким образом, проблемой пациентки с тиннитусом является не конфликт, а *пустота и дефицит*, т. е. дефицитарность психической структуры (слабость Я, при жестком Сверх-Я), которая отвечает за невозможность адекватного разрешения и за соматизацию.

Обсуждение

В данном клиническом случае, описана психосоматическая личность, или «человек соматический» (по Д. С. Рождественскому, 2019), т. е. человек, чье психическое функционирование в большей степени, чем у большинства, подменено телесным, поведенческим, у которого происходит процесс соматизации психического содержания. Само физическое страдание пациента пробуждает забытые воспоминания о скрытой травме, или соматический симптом представляет собой не прямое сообщение. Как и эпизоды депрессии, одиночества пациентки, которые предшествовали

ухудшению тиннитуса, являются индикатором фрустрированной потребности или желания установить отношения с утраченным объектом.

Это не является чем-то необычным, когда кто-то страдает от давнего шума в ушах. Если пациент также пытается уравновесить воспоминания о травматических событиях, вытесняя их, то переносить бремя шума в ушах будет непросто (*Fagelson, 2007*). Поясним разницу между семитомными явлениями и страданиями. Что такое физическое страдание? Вы можете страдать от боли в своем теле, но это переживание не то же самое, что переживает кто-то другой, кто также страдает от боли. В течение длительного времени психологическая литература по тиннитусу в значительной степени связывала раздражающий шум в ушах с тревожным спектром расстройств и личностной тревогой (*Erlandsson, Persson, 2006; Hesser, Andersson, 2009; Wilson, Henry, 2000*). Однако в рамках модели привыкания (*habituation theory*) такая тревога должна рассматриваться как искаженное и дезадаптивное восприятие шума в ушах (*Hallam, McKenna, 2006; Sweetow, 2000*). Эта модель утверждает, что это искаженное восприятие может быть исправлено с помощью образовательных и/или поведенческих методов. В рамках психодинамики, когда тревога кажется чрезмерной реакцией на событие или физическое состояние, психолог обязан попытаться понять эту тревогу с точки зрения пациента. Что же касается случая пациентки, то можно заметить, что в течение нескольких недель она не могла объяснить себе свои эмоции, связанные с шумом в ушах. Ей было очень трудно описать психологу восприятие звона в ушах, т. е. характер звуков, которые она слышала, но также и свой страх. Она не была готова рассказать о своем опыте, и ей нужно было время, чтобы найти собственные слова, чтобы артикулировать, рассказать об этом. Однако, как и у многих пациентов с тиннитусом, у нее была своя точка зрения, и объяснения других ее не убедили. Психодинамический процесс помогает психологу различать неспособность выразить соответствующую причину высокого уровня тревожности и легитимность такой эмоции (*Dauman, 2010*). Как психологи мы стремимся поддерживать мышление пациента и понимание его внутреннего мира. Мы не исключаем влияние интенсивных негативных эмоций, если пациент не может вербализовать, артикулировать их.

Возникновения инсайта у пациента нуждаются в помощи подлинного слушания со стороны специалиста, который обращает внимание на его личную историю. Сам пациент может обращать внимание к его личной истории через симптом. Например, с помощью шума в ушах. Понимание страдания пациента включает в себя внимательное отношение тому, что и он как говорит. В таком повествовании пациенты рассказывают больше, чем они воспринимают сами, и могут задавать вопросы (себе или Другому) по ходу рассказа.

Общая гипотеза поддерживает психодинамический подход к повествованию, т. е. слова пациента ассоциируются с прошлым, с неразрешенными личными предрассудками и страданиями, о чем еще говорил З. Фрейд в 1924 году. Пациентка выражает во взаимодействии с другими людьми

то, что она сообщала, не имея ясного осознания. Психодинамическое бессознательное – это в основном повторяющееся выражение страдания, и пациент не в состоянии преодолеть его самостоятельно, нуждаясь в признании, присутствии Другого. З. Фрейд (1924) отмечал, что психологическое страдание имеет свои корни в ранних отношениях со значимыми Другими и требует признания в текущих, например в ходе психотерапевтических отношений (Dauman, Erlandsson, 2012). Помним, что любой психосоматический процесс есть всегда *межличностный процесс*.

Патологические отношения отрицают проявление индивидуальных страданий и эмоциональных влечений, заставляя человека подавлять самовосприятие и собственное мышление. Целью анализа является построение «психологических мостов» между речью пациента и самовосприятием своих эмоций, мышлением (Shapiro, 2003). Этот процесс может быть сконструирован следующим образом: подавленное страдание уменьшается с улучшением самоощущения, понимания своего внутреннего мира и способности показать (представить) его психологу. Реальность нашей пациентки наполнена страхами (наркотический трафик, алкоголь, наркоторговцы), которые люди не хотят «слушать» и соглашаются замалчивать. З. Фрейд в работе «Толкование сновидений» показал, что речь пациентов бессознательно чрезмерно детерминирована выражением сходных событий и мыслей с помощью словесных ассоциаций. Сверхдетерминация может рассматриваться как первый шаг мышления или поиск истинного и единственного выражения переживаний страдания, которое невозможно вынести. Рассказывая о возросшей нагрузке на радиорелейном канале во время школьных каникул за несколько дней до начала тиннитуса, пациентка бессознательно ищет свою собственную причину, чтобы расстроиться за будущее своего внука. Она наконец вспомнила изнасилование в своей юности, когда искала работу. Ассоциативно это связалось с требованием к внуку, чтобы он нашел работу, прямо перед тем, как он прекратил общаться с ней. Психодинамическая психотерапия дает возможность пациентке быть услышанной с ее эмоциональными побуждениями психологом, которому она доверяла. Психоанализ определяет такой эмоциональный процесс как *перенос*: в своей речи пациента бессознательно ищет Другого, который мог бы выслушать то, что было забыто в индивидуальном прошлом и требует признания в настоящем.

Использование нарративного метода требует от психолога тщательного и проникательного баланса между интимностью, которая раскрывается в процессе анализа, и уважением к частной жизни, которым мы как психологи обязаны каждому пациенту. Реконструированное повествование, которое было сделано из того, что передала пациентка, учитывало этот баланс с трех основных аспектов:

- социальная идентичность пациента намеренно бедна с точки зрения повествования, без какой-либо информации о ее месте жительства, семье и ее прошлом;
- цитаты ее речи не могут помочь в распознании, потому что они касаются главным образом шумов в ушах, которыми пациентка была слишком напугана, чтобы объяснить Другим, или смирилась с ними;

• то, что пациентка сказала о шуме в ушах и ее внуке, позволяет воспринимать ее жалобы за пределами медицинского понимания симптомов.

Такой личный фон редко принимается во внимание в литературе по лечению тиннитуса. Применение нарративного подхода может пролить свет на бессознательные корни жалобы, которая чрезмерно детерминирована. Такой подход к страданию от шума в ушах, который намеренно фокусируется на дискурсе пациента, адресованном психологу, ранее не описывался. Вместо этого эмоции пациентов с тиннитусом представлены с количественной точки зрения (т. е. аномального уровня тревоги, депрессии) без учета *субъективного и личного контекста этих эмоций*. Мы полагаем, что такой количественный, чрезмерно оценочный подход к эмоциям имеет ограниченный вклад в понимание тиннитуса. В связи с этим при психотерапевтическом лечении пациента следует уделять внимание *речи* пациента, контексту возникновения симптома. Воспринимать симптом как загадку, ребус, который сверхдетерминирован, и как некоторый способ желать или выразить требование. *Симптом – это сообщение о истории субъекта.*

Заключение

Нарративная тактика не является бесценностной или нейтральной. Она имеет дело с субъективностью и личностным смыслом. Тиннитус – это субъективное явление, воспринимаемый внутренний шум, который никто другой не может услышать. Значение, придаваемое шуму в ушах, может быть очень эмоциональным и заменять внутреннее смятение, приводящее к экзистенциальной тревоге. Учитывая концепцию проекции и идентификации, можно предположить, что пациент может проецировать свое воображение на шум в ушах таким же образом, как в тесте Роршаха. Наконец мы хотели бы подчеркнуть важность учета не только когнитивно-поведенческих реакций пациентов на шум в ушах и общий уровень тревоги, но и поиск ключа к неизлечимой, скрытой травме. Важно не только устранить телесный симптом, тревогу, депрессию, но и предоставить пациенту с тиннитусом условия для развития его Я до более или менее зрелой идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долар М. Голос и ничего больше. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. 384 с.
2. Рождественский Д.С. Психосоматика: психоаналитический подход. М.: Изд-во «Юрайт», 2019. 235 с.
3. Фрейд З. Женщина, которой казалось, что ее преследуют // Знаменитые случаи из практики психоанализа. Сборник / пер. А. Юдина. М., 1995. С. 35.
4. Фрейд З. Интерес к психоанализу. Сборник. Минск.: «Попурри», 2009. 592 с.

5. *Cima R.F., Mazurek B, Haider H. et al.* A multidisciplinary European guideline for tinnitus: diagnostics, assessment, and treatment // *Multidisziplinäre europäische Leitlinie für Tinnitus: Diagnostik, Einschätzung und Behandlung. HNO*, 2019. Vol. 67. P. 10-42. doi:10.1007/s00106-019-0633-7
6. *Crossley M.L.* Introducing narrative psychology. Self, trauma and the construction of meaning. Philadelphia, PA: Open University Press. 2000. 196 p.
7. *Dauman N., Erlandsson S.I.* Learning from tinnitus patients' narratives--a case study in the psychodynamic approach // *Int J Qual Stud Health Well-being*. 2012. Vol. 27. № 7. P. 1–11. doi: 10.3402/qhw.v7i0.19540
8. *Dauman N.* La plainte de l'acouphène. Pour une écoute clinique du sujet souffrant [Suffering from tinnitus. A psychodynamic approach of individual grief]. Doctoral thesis (unpublished). France: University of Poitiers, 2010. 26 p.
9. *Edgren-Sundin B.* När tystnaden går förlorad en pilotstudie om krisprocessen vid tinnitus [When silence is lost a pilot study of the process of traumatic experiences following tinnitus onset]. Göteborg: Department of Psychology, University of Gothenburg, 1993. 110 p.
10. *Erlandsson S.I.* Reactions to tinnitus / In R.S. Tyler (Ed.). *The consumers handbook on tinnitus* P. 49–62. Sedona, AZ: Auricle Ink Publishers, 2008.
11. *Erlandsson S.I.* Psychological counselling in the medical setting. Some clinical examples given by patients with tinnitus and Ménière's disease // *International Journal for the advancement of counselling*, 1998. Vol. 20. P. 265–276.
12. *Erlandsson S.I., Persson M.-L.* A longitudinal study investigating the contribution of mental illness in chronic tinnitus patients // *Audiological Medicine*. 2006. № 4. P. 124–133.
13. *Fagelson M.A.* The association between tinnitus and posttraumatic stress disorder // *American Journal of Audiology*, 2007. Vol. 16. P. 107–117.
14. *Fuller T., Cima R., Langguth B., Mazurek B., Vlaeyen JWS, Hoare D.J.* Cognitive behavioural therapy for tinnitus // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. 2020. № 1. doi: 10.1002/14651858.CD012614.pub2.
15. *Gergen K., Gergen M.* Narrative of the self / In T.R. Sarbin, & K. Scheibe (Eds.), *Studies in social identity*. P. 54–74). New York: Praeger, 1983.
16. *Hallam R.S., McKenna L.* Tinnitus habituation therapy / In R. S. Tyler (Ed.), *Tinnitus treatment: Clinical protocols*. P. 65–80. New York: Thieme Medical Publishers, 2006.
17. *Hesser H., Andersson G.* The role of anxiety sensitivity and behavioral avoidance in tinnitus disability // *International Journal of Audiology*, 2009. Vol. 48. P. 295–299.
18. *Holloway W., Jefferson T.* Doing qualitative research differently; free association, narrative and the interview method. London: SAGE, 2001. 67 p.
19. *Mohr A-M.* Your life and tinnitus / In R.S. Tyler (Ed.), *The consumers handbook on tinnitus*. P. 81–98. Sedona, AZ: Auricle Ink Publishers, 2008.
20. *Polkinghorne D.P.* Narrative knowing and the human sciences. Albany, NY: SUNY Press. 1988. 73 p.
21. *Sarbin T.R.* (Ed.). *Narrative psychology: The storied nature of human conduct*. New York: Praeger, 1986. 210 p.

22. *Schneer H.I.* Psychodynamics of Tinnitus // *The Psychoanalytic Quarterly*. 1956. Vol. 25. № 1. P. 72–78. doi: 10.1080/21674086.1956.11926012
23. *Shapiro B.* Building bridges between body and mind: The analysis of an adolescent with paralyzing chronic pain // *The International Journal of Psychoanalysis*, 2003. Vol. 84. P. 547–561.
24. *Spense D.* Narrative truth and historical truth. New York: Norton. 1982.
25. *Weinshel E.M.* Some psychiatric considerations in tinnitus // *Journal of the Hillside Hospital*, 1955. № 4. P. 67–92.
26. *Wilson P.H., Henry J.L.* Psychological management of tinnitus / In R. S. Tyler (Ed.), *Tinnitus handbook*. P. 263–279. San Diego, CA: Singular Publishing Co., 2000.

Psychodynamics of tinnitus: conflict or deficit?

A.I. Melehin

Melehin Alexey Igorevich – PhD, associate Professor, clinical psychologist of the highest qualification category, somnologist, cognitive behavioral psychotherapist. Humanitarian Institute named after P. A. Stolypin.

In the article, on the clinical example of a patient with tinnitus, the psychosomatic personality or «somatic person» is detailed, i.e. a person whose mental functioning is replaced by bodily or behavioral one to a greater extent than in most cases. The very physical suffering of the patient evokes forgotten memories of a hidden trauma, or the somatic symptom is an indirect message to another. Detailed psychodynamic insight and emotional drives of a patient with tinnitus. The specificity of the psychodynamic narrative approach is shown. The most preferred approach for patients with tinnitus is psychotherapy, which combines expressive and supportive strategies.

Keywords: tinnitus, noise in the ears, the narrative approach, psychodynamic approach, somatization, psychosomatics.

Интерпретация как intersубъективное событие

М.Г. Пестов

Пестов Максим Геннадьевич – врач-психиатр, психотерапевт, магистр психологии, преподаватель магистерской программы НИУ ВШЭ, действительный член ППЛ, РПА и IARPP (International Association Of Relational Psychoanalysis and Psychotherapy).

В статье описывается трансформация представлений об интерпретации как об однонаправленном воздействии аналитика на анализанда в сторону совместного intersубъективного процесса, который затрагивает обоих участников аналитической ситуации. В статье представлены обобщения представлений о позиции аналитика с точки зрения теоретиков объектных отношений, представителей теории привязанности, интерперсональной и реляционной традиций. Практическая ценность работы заключается в том, что в ней описываются «требования» к аналитику, занимающему intersубъективную позицию в отношениях с анализандом, а также выделяются условные «этапы» построения интерпретации, отвечающей вышеописанному требованию.

Ключевые слова: субъект, intersубъективность, диалог, феноменология, реляционная перспектива, психотерапевтические отношения, самораскрытие психоаналитика.

Психоаналитический дискурс, с одной стороны, является уникальной позицией в исследовании человеческого бытия, а с другой стороны, в этой уникальности он также оказывается и саморефлексивным, то есть обращенным на изменение и преобразование самого себя. В истории развития психоаналитической мысли отражена существенная трансформация большинства основополагающих понятий и концепций. Эта трансформация связана в том числе с изменениями представлений о том, какой характер имеет связь между двумя субъектами – аналитиком и анализандом – и каким образом осуществляется взаимодействие между ними. Интерпретация – как событие, которое «запускает» изменения – имплицитно отражает актуальные представления об условиях таковых

изменений. В этом тексте я постараюсь отразить связь этих представлений с техническими стратегиями, которые позволяют воплотить ценности реляционной парадигмы в клинической практике.

Итак, начнем с краткого исторического экскурса. Традиционно интерпретация рассматривалась как односторонний процесс, направленный от аналитика к клиенту. Клиент при этом свободно ассоциирует и тем самым предоставляет аналитику материал несимволизированного первичного процесса, тогда как последний с помощью вторичного процесса символизации перерабатывает эти данные и сообщает клиенту результат в виде интерпретации. Недостаток этой модели заключается в следующих моментах: во-первых, интерпретация традиционно считается вербальной, то есть содержащей в себе только объяснение, и это существенно сужает объем передаваемого опыта от аналитика к клиенту исключительно до когнитивного измерения. Во-вторых, вектор влияния в этой модели по определению является односторонним, направленным от аналитика к клиенту, тогда как взаимное влияние их друг на друга либо никогда не рассматривалось, либо считалось помехой, которую необходимо преодолеть.

Современное представление об интерпретациях, соответственно, выводит их за пределы ограничений вербального спектра – сейчас интерпретацию можно смело расширять до понятия интервенции, то есть включать в нее любой, в том числе эмоциональный отклик терапевта. То есть формы проявления интерпретации существенно разнообразились. Но это еще не вся модификация понятия. Форма интерпретации – эмоциональный отклик, молчание, активное объяснение – не является ценностью сама по себе, но требует своего рассмотрения в контексте субъективного опыта аналитика, внутри которого эта интерпретация вызревает. Это очень важный концептуальный разворот, благодаря которому мы делаем шаг от формы и содержания интерпретации к контексту ее появления. Здесь мы разводим техническую часть интерпретации – ее форму и содержание – и отношенческую, связанную с тем, в каких именно отношениях аналитика и его клиента она появляется.

Шаг в сторону отношений может быть не совсем ясен на первый взгляд. Для этого необходимо бросить взгляд в сторону феноменологии. Как мы помним, объективная реальность никогда не дается нам непосредственно, но как феномен, возникающий внутри нашего ума. Даже когда мы пытаемся описать клиента максимально объективно, вынося за скобки преждевременно возникающее знание о нем, мы тем не менее описываем работу нашей психики, которая поставляет те или иные феномены тем или иным актом сознания. То есть интерпретация является феноменом, который больше говорит о субъективности аналитика, чем сообщает окончательную информацию о перипетиях внутреннего мира клиента.

С другой стороны, субъективность аналитика является частью интерсубъективной ситуации. Но для того чтобы это произошло, необходимо занять особую позицию, то есть позволить себе погрузиться в состояние «двух психик». Внутри этого состояния все, что можно зарегистрировать как происходящее внутри индивидуальной психики, рассматривается как

принадлежащее системе отношений, то есть индивидуальное трансцендирует к совместному. Получается любопытная штука, по своей структуре напоминающая матрешку – мы можем наблюдать ряд процессов, которые вложены друг в друга и, соответственно, определяются чем-то внешним себе. Так, сначала мы воспринимаем те или иные феномены, и они определяются предшествующими актами сознания. На следующем шаге сами акты сознания оказываются не самостоятельно действующей силой, но процессом, который определяется интересубъективной ситуацией, то есть присутствием Другого. То есть содержание моей собственной психики уже не определяется только лишь персональным бессознательным процессом; он, в свою очередь, определяется бессознательным процессом Другого, точнее, бессознательной коммуникацией с ним.

Теперь можно попробовать описать модель интерпретации полностью. Мы исследуем клиента не для того, чтобы изучить его в позитивистском смысле, но для того, чтобы он появился как феномен в нашей психике. Когда это происходит, оказывается, что наше *знание* о клиенте уже не является исключительно *нашим*, поскольку оно само определяется присутствием Другого. Здесь возникает первое требование, адресованное к терапевту. Важно, чтобы присутствие Другого влияло на наше знание о нем. Здесь следует помнить, что это влияние может оказаться совершенно нежелательным терапевту – клиент может приглашать нас туда, где нам совершенно нечего делать, если бы мы выбирали это исходя из своего здравого смысла. Вызов к терапевту здесь заключается в том, чтобы он смог позволить себе на некоторое время оставить привычный берег, на котором привык обитать. То есть первое требование к интерпретации состоит в том, чтобы терапевт, ее осуществляющий, был вовлечен и впечатлен присутствием клиента.

Важность этой впечатленности очень проста, но при этом фундаментальна. По умолчанию мы воспринимаем Другого как говорящее и движущееся тело, и в этом измерении он мало чем отличается от троллейбуса, в котором играет громкая музыка. Нам нужно совершить усилие для того, чтобы за телесным покровом увидеть автономную психику, которая точно так же, как и мы, является центром своего персонального мира. Для того чтобы на месте Другого видеть не объекта, но субъекта, необходимо осуществить серьезное усилие. Дефицит этого усилия со стороны значимого Другого в раннем детстве приводит к разной степени самообъективации в более позднем возрасте. Усилие, которое мы совершаем для того, чтобы воспринимать Другого не как объекта – проекцию собственных ожиданий, но как субъекта с автономной психической жизнью, является обоюдоострым. С одной стороны, это безусловно важно для Другого, поскольку не ограничивает пространство возможного бытия. С другой стороны – и об этом очень подробно писала Джессика Бенджамин – способность видеть субъекта в Другом является фундаментальной потребностью и для нас, поскольку жизненно необходимо получать признание только от того, кого вначале мы признаем сами (*Benjamin, 1988*).

Второе требование заключается в том, что впечатленность сама по себе является скорее моментальным снимком происходящего, тогда как

последнее нуждается в постоянном развертывании, для которого необходимо специальное усилие. Здесь можно провести аналогию с тем, как осознание дополняется памятованием – первое обнаруживает реальность, тогда как второе удерживает фокус внимания на обнаруженном и корректирует отвлечение. Впечатленность, возникающая у терапевта, может производить в его психическом мире достаточно серьезные изменения, вплоть до таких, которые подводят терапевта к пределам его собственного смысла или декомпенсируют невротические защиты, тем самым обостряя бессознательные конфликты. Терапевт может реагировать на эту – безусловно временную, декомпенсацию – двумя способами: он может либо покинуть интерсубъективное поле и сохранять свою идентичность устойчивой ценой потери отношений, либо оставаться во взаимодействии для того, чтобы придать смысл этой деконструкции задним числом. То есть принцип неопределенности Гейзенберга продолжает действовать и здесь, в поле терапевтических отношений: можно либо знать – путем объективации, либо участвовать – сохраняя отношения друг с другом в качестве субъектов, но не то и другое одновременно.

Таким образом, смысл второго требования заключается в том, что оно, с одной стороны, постулирует серьезный вызов для терапевта, а с другой – призывает его не отступать от впечатленности и длить ее своим собственным усилием. Задача терапевта фактически заключается в том, чтобы в ходе терапевтической ситуации он мог позволить себе немного выйти за пределы своего невротически организованного пространства привычного смысла – ибо точно к тому же мы призываем и клиента. Здесь мы подходим к важному концептуальному месту: различные теории психического развития признают, что нарциссическая травма возникает в тот момент, когда значимый взрослый останавливает естественную экспрессию ребенка и насильно упаковывает ее в приемлемые формы выражения в тот момент, когда сам не имеет возможности справиться со своим откликом на ее проявления (*Mitchell, 1996*). Другим словами, в тот момент, когда в отношениях мы подходим к собственному пределу выдерживания, мы останавливаем процесс субъективации, то есть присутствия в контакте с двух сторон – со своей стороны и со стороны партнера. В данном случае клиента, если речь идет о терапевтических отношениях.

Итак, задача терапевта в таком ключе становится весьма нетривиальной. Ему необходимо поддерживать процесс субъективации клиента даже в тот момент, когда его собственная способность сохранять присутствие требует значительных усилий. Однако в этом есть и хорошая новость – если терапевт способен выдерживать проявления субъективности клиента и откликаться на его запросы, исходя из своей впечатленности, этот процесс оказывается терапевтическим для обоих участников диалога. Поскольку для психического развития требуется постоянная активация первичных процессов, которая возникает в тот момент, когда я как субъект попадаю в непривычное для себя место. Таким образом, второе требование к интерпретации состоит в том, чтобы не отступать от впечатленности и сохранять интерсубъективную позицию, несмотря на то что

для этого придется пожертвовать устойчивостью собственных идентификаций. Но в этой способности, собственно, и состоит одна из главных характеристик субъектности – иметь возможность идентифицироваться не с определенным образом себя, но с самим процессом субъективации, то есть с изменением, осуществляющимся вопреки ситуации и благодаря специальному усилию (Косилова, 2020).

Перейдем теперь к технической стороне вопроса и попробуем описать этапы осуществления интерпретации с опорой на описанные выше требования к терапевту. На первом этапе нам прежде всего важно поддерживать субъективацию клиента. Или, иными словами, произвести феноменологическую редукцию, то есть пригласить клиента сделать шаг от естественной установки сознания к рефлексивной (Шпигельберг, 2006). Субъективация предполагает движение от содержания сознания к тем процессам, которые лежат в его основе. Например, клиент жалуется на страдание, связанное с навязчивым стремлением производить хорошее впечатление на окружающих. Собственно, это стремление и является естественной установкой сознания, в рамках которой клиент действует с единственной целью – избежать осознания внутриспсихического конфликта. То есть естественная установка сознания фактически закрывает доступ к «другой» сцене, на которой происходит разыгрывание и навязчивое повторение незавершенной задачи развития.

Тогда актом сознания, производящим содержимое сознания, то есть определенное поведение – в данном случае стремление нравиться, – будет определенный защитный психический процесс, который избавляет клиента от непереносимых переживаний. Например, разочарование в собственных способностях стать родителем для своих родителей и злость на последних за то, что они относились к ребенку очень функционально. Установление рефлексивной установки сознания прямо противоположно действию защитных механизмов – фактически мы пускаем пленку, на которой записана последовательность психических событий, задом наперед. Но самое главное значение этой процедуры даже не в том, что в результате клиент сможет обнаружить источник своего поведения, которое вызывает страдание. Через исследование рефлексивной установки мы можем найти слепок той интенциональности, которая в свое время была остановлена опекающим окружением и которая может вновь получить свое развитие в терапевтических отношениях.

Таким образом, на первом этапе интерпретации, нам важно обнаружить страдание клиента не как индивидуальный процесс, но как интенциональность, обращенную к другому. Как мы помним, интерсубъективность предполагает бессознательную коммуникацию между двумя субъектами, но для начала этой коммуникации необходимо, чтобы на месте клиента появился субъект бессознательного. Смена позиции – от пользователя психическим аппаратом к его исследователю – происходит благодаря процедуре феноменологической редукции. На следующем этапе нам важно поддержать субъективацию, но теперь уже терапевта. Во-первых, в этом нуждается сам терапевт, поскольку для него важно не уступить своей вовлеченности, даже если это угрожает стабильности его идентификаций.

Во-вторых, как указывал Арон, клиент нуждается не столько в содержании интерпретации, сколько в открытии той субъективности, которая эту интерпретацию произвела (Aron, 1992).

Этот поворот от содержания к связи в точности повторяет парадигмальный сдвиг, который совершили теоретики объектных отношений, когда установили, что привязанность является ценностью сама по себе, как универсальный фундамент для удовлетворения конкретных влечений (Боулби, 2019). Итак, руководствуясь идеей о том, что клиент пытается обнаружить в терапевте субъекта, который, так же как и он сам, является человеческим существом с присущим ему бессознательным и, как следствие, сопротивлением, травмами и прочими прелестями несовершенства, мы можем ставить своей целью приоткрывать для клиента особенности тех психических процессов, которые отвечают за формирование интерпретации. Эта позиция ставит перед нами очень важный вопрос о степени самораскрытия терапевта. Самораскрытие может быть полезно, если оно отвечает на вопрос, заключающийся в бессознательной интенции клиента, и помогает прояснить потребность последнего в контексте отношений (Greenberg, 1995). Таким образом, субъективация терапевта включает в себя и феноменологическую редукцию, то есть рефлекссию о том, в каких процессах рождается интерпретация, и реляционную перспективу, то есть рассмотрение этих процессов как функции отношений и реакции на впечатленность клиентом.

Третий этап интерпретации продолжает развивать отношения между клиентом и терапевтом, непосредственно фокусируясь на их взаимодействии. На этом этапе происходит встреча двух субъективностей, раскрытых на предыдущих шагах, и поддерживается обмен между ними. Для описания этого процесса можно воспользоваться представлением Винникотта о том, что интерпретация является для клиента не истиной в последней инстанции, но пониманием, которое совместно конструируется с участием терапевта (Винникотт, 2017). Последний не обладает объективным знанием о том, как устроен внутренний мир клиента, но может приглашать его на танец, в ходе которого, через приближение и отдаление, принятие и отбрасывание формируется, прежде всего, опыт разделенности и совместности. В этом смысле интерпретация принадлежит не терапевту, но терапевтической ситуации, и невозможно сказать ничего определенного о ее содержании до тех пор, пока не закончатся отношения, в которых она рождается. При таком подходе интерпретация оказывается рискованным предприятием для терапевта, ведь он принимает вызов покинуть спокойную бухту тихой теории и отправиться в плавание к другим берегам, через бурное море с незнакомыми течениями и переменчивой погодой.

Отношения между двумя субъектами всегда имеют асимметричный характер – отклик Другого немного отличается от того, что я от него жду, и я сам произвожу несколько иное впечатление, чем ожидаю. Это несоответствие целиком связано с наличием бессознательного, однако важно понимать, что только субъект способен действовать с опорой на эту психическую инстанцию. Субъект по сути является модусом бытия, позицией,

в которую приходится приходиться с помощью усилия. Индивид, в отличие от субъекта, не имеет доступа к бессознательному и поэтому оказывается поглощен нарциссическими идентификациями – этот процесс, например, описывали Поршнев под названием «суггестия» и Макс Вебер как «жизненный порыв» – подчиненность инструментальному интеллекту, направленному на решение повседневных задач.

Вспомним, что отношения структурируются объектом «маленькое *a*» (по терминологии Лакана) – Другой, в данном случае аналитик, занимает место объекта причины желания (Лакан, 2004). Он занимает это место в фантазиях клиента, а не в реальности; более того, аналитик часто совсем не обладает теми качествами, которые на него проецирует клиент. Но важно, чтобы терапевт смог отозваться на это приглашение, поскольку подобный отклик валидизирует интересующий процесс клиента, связанный с незавершенной задачей психического развития. Когда терапевт принимает приглашение и занимает место объекта причины желания клиента, он сам становится субъектом бессознательной коммуникации. Либо не становится, выбирая оставаться не вовлеченным во взаимодействие, абстинентно-нейтральным носителем предельной рациональности. Эта коммуникация затягивает терапевта в разыгрывание сложного бессознательного сценария клиента, однако этот сценарий невозможно осознать, стоя на берегу, не погружаясь в поток с головой, не ощущая потери дна под ногами.

Итак, интерпретация в настоящее время рассматривается не только как способ придать смысл происходящим у клиента бессознательным процессам, но и прежде всего как создание пространства, в котором эти бессознательные процессы разворачиваются. Эта меняет перспективу психотерапевтических отношений, поскольку как бессознательное клиента, которое предоставляет материал первичных процессов, так и сознательное аналитика, который отвечает на это вторичными процессами, перестают быть индивидуальным состоянием, но становятся реляционной функцией. В таком понимании интерпретации отражаются основные ценности intersубъективной перспективы, которые обнаруживают сложности ее практического осуществления за кажущейся простотой концепции, как-то: неизбежность бессознательной коммуникации в сочетании с усилием, которое необходимо приложить для того, чтобы ее не избегать; хрупкий баланс между открытостью к диалогу и важностью сепарации и автономии; способность находить опоры не только в остановках, но и в процессе, который наполнен неопределенностью и вызовами управляемого трансцендирования. Все это, при аккуратном исполнении, позволяет клиенту получить доступ к бессознательным тектоническим процессам, которые определяют текущий ландшафт его психической жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Канон+, 2019.
2. Винникотт Д.В. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
3. Косилова Е. Субъект как тот, кто говорит «Нет» // Ценности и смыслы. М., 2020. Т. 67. № 3. С. 45–58.
4. Лакан Ж. Четыре основных понятия психоанализа. М.: Гнозис/Логос, 2004.
5. Шпигельберг Г. Феноменология в психоанализе // Логос. М., 2006. № 6 (57).
6. Aron L. (1992) Interpretation as expression of analyst's subjectivity. *Psychoanalytic Dialogues The International Journal of Relational Perspectives*. Vol. 2. Issue 4.
7. Benjamin J. (1988) The Bonds of Love: Psychoanalysis, Feminism, and the Problem of Domination.
8. Greenberg J. (1995) Self-Disclosure: Is it Psychoanalytic? *Contemporary Psychoanalysis*, 31:2, P. 193–205.
9. Mitchell S. (1996) The Wings of Icarus: Illusion and the Problem of Narcissism. *Contemporary Psychoanalysis*, 22:107–132.

Interpretation as an intersubjective event

M.G. Pestov

Pestov Maxim Gennadievich – MD (psychiatrist, psychotherapist), MA (psychology), teacher of the master's program at the Higher School of Economics, full member of the PPL, RPA and IARPP (International Association of Relational Psychoanalysis and Psychotherapy).

The article describes the transformation of ideas about interpretation – from the analyst's unidirectional influence on the analysand to a joint intersubjective process that affects both participants in the analytic situation. The article presents generalizations of ideas about the analyst's position from the point of view of object relations theorists, representatives of attachment theory, interpersonal and relational traditions. The practical value of the work is that it describes the "requirements" for an analyst who takes an intersubjective position in relations with the analysand, and also highlights the conditional "stages" of constructing an interpretation that meets the above requirement.

Keywords: subject, intersubjectivity, dialogue, phenomenology, relational perspective, psychotherapeutic relations, psychoanalyst self-disclosure.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

БИЗНЕС И EXECUTIVE КОУЧИНГ

«Сладкая парочка», или бессознательный сговор между клиентом и коучем

А.В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МРА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (APCBC), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В статье детально проанализирована сессия эффективного классического коучинга. Исследован бессознательный сговор между коучем и клиентом, препятствующий достижению изменений.

Ключевые слова: классический коучинг, коучинговые компетенции, бессознательный сговор, сопротивление изменениям, психоаналитический коучинг, перенос и контрперенос в коучинге.

Рассмотрим сессию, детально представленную Майлзом Дауни (2003, с. 13–15) в качестве примера эффективного классического коучинга.

Генри, сотрудник компании Brandplc., рассказывает коучу о своих трудностях на работе. Он говорит о том, что он работает на износ, но при этом совершенно впустую, живет как на автопилоте, спит по семнадцать часов в неделю. Ему нужно разработать новый проект, но ничего не получается. Он ощущает стресс из-за неэффективности своей команды и потому, что у него два начальника, требующих от него прямо противоположных результатов.

Генри: Начать с того, что люди, с которыми я работаю, – просто кучка придурков. Ничего не делают из того, что я им говорю, а если и делают, то безобразно, что приходится все самому переделывать. Так что команда у меня – хуже не придумаешь. Ребята из финансового отдела хоть и медлительные, как черепахи, но делают то, что надо.

Коуч: А еще что?

Генри: Мы с самого начала наметили расходы и проверили свои расчеты на нескольких потенциальных клиентах. Но, разумеется, мы не могли предусмотреть, что правительство прекратит финансирование из центра и потребует, чтобы департаменты финансировали нас из собственного бюджета.

Коуч: А департаментам это все еще нужно?

Генри: Больше чем когда-либо, насколько мы можем судить. Они просто получили меньше денег.

Коуч: Что еще?

Генри: Ну-у... Извини. Стресс. Главная трудность в том, что Стив, наш замечательный шеф, дышит нам в спину – мне в основном – и требует одного, а Джереми из маркетингового отдела – совсем другого, причем с не меньшей настойчивостью.

Коуч: Тогда, насколько я поняла, существуют три проблемы: дееспособность команды, задействованной в проекте, изменение финансовой схемы и противоречивые потребности наших двух друзей – Стива и Джереми.

Генри: Вот именно, хотя что касается третьего пункта, то тут проблема не только в их «потребностях», как ты выразилась, но и в том, что они на меня давят.

Коуч: Хорошо, пусть будет четыре пункта, включая давление. О чем тебе интереснее поговорить в первую очередь?

Генри: О том, как разобраться с этой сладкой парочкой.

Коуч: Со Стивом и Джереми? Ты уверен?

Генри: В общем, да.

Коуч: Если помнишь, обратная связь с твоей командой в последнем «опросе 360 градусов» наводит на мысль, что ты слишком их контролируешь и не хочешь никому передавать свои полномочия. Вот я и думаю: может быть, дело в этом?

Генри: Что ж, верно. По-моему, со времени нашего последнего разговора я стал лучше с этим справляться – по крайней мере, пока этот проект не превратился в полную глупость. Но мне действительно кажется, что сначала надо разобраться со Стивом и Джереми. Если они дадут нам работать спокойно, все остальное мы сможем решить.

Мы видим здесь яркий пример полностью бессознательного сговора между клиентом и коучем, инициированного последним. Генри сначала говорит о своей команде, открыто выражая свою агрессию («кучка придурков») и перенося на своих сотрудников ответственность за проблемы («ничего не делают или делают безобразно»). Затем он описывает сильный стресс, вызванный необходимостью подстраиваться под различные

требования двух своих руководителей. В его первой реплике есть слова «замечательный шеф». Нам легко ощутить здесь возможный саркастиче-ский тон, с которым Генри произнес эти слова. Но тем не менее в отличие от рассказа о своих сотрудниках здесь он стремится сохранить деловой тон, помня о том, что речь идет о «шефе», его руководителе.

Суммируя проблемы, коуч описывает первые две из них, сохраняя деловой стиль и не поддаваясь на эмоциональную провокацию клиента, который предлагает коучу разделить вместе с ним его негодование в отношении «кучки придурков». Генри неосознанно хотел затянуть коуча в свою защитную игру, суть которой состоит в том, чтобы переложить ответственность за его стресс и профессиональные проблемы на некомпетентных коллег.

Однако в этой же фразе коуч описывает третью проблему следующим образом: «противоречивые потребности наших двух друзей – Стива и Джереми». Коуч здесь не просто обесценивает обоих руководителей, ставя их на один уровень корпоративной иерархии с клиентом, но также выводит их из делового контекста. Они становятся просто друзьями, у которых есть какие-то свои противоречивые потребности. Если нет мучающих тебя требований начальства, то нет и проблемы.

Очевидно, что коуч, возможно неосознанно, воспринял заложенный в словах «замечательный шеф» агрессивный заряд и бессознательно воспользовался этим, многократно усилив этот посыл и превратив его в своего рода эмоциональное соблазнение клиента: приводивший к стрессу конфликт «разрешается» тем самым в одно мгновение. Генри сначала сопротивляется этому соблазнению: «...тут проблема не только в их "потребностях", как ты выразилась, но и в том, что они на меня давят». Однако сразу же в ответ на вопрос коуча, о чем ему интереснее (!) поговорить в первую очередь, он подхватывает предложенное психологом безусловно наиболее интересное для него, «решение» рабочей проблемы – «...разобраться с этой сладкой парочкой...»: «...Мне действительно кажется, что сначала надо разобраться со Стивом и Джереми. Если они дадут нам работать спокойно, все остальное мы сможем решить».

Кому внутри Генри было интересно именно так сформулировать запрос на коучинг? Какое его Я захотело превратить своих непосредственных руководителей в «сладкую парочку» и «разобраться» с ними? Деловое, профессиональное? Или защитное, избегающее ответственности?

Слово «разобраться» имеет несколько смыслов. Один из них – агрессивный, уничтожающий: «разобраться с кем-то» означает убрать его с дороги как нечто мешающее. В этом и состоит решение проблемы. Стоит только устранить препятствие в виде руководителей, как сразу все будет решено. Как часто всем нам, работающим с проблемами в бизнесе, приходится выслушивать эти защитные фантазии? Уже не из кейса Генри: «Если бы не... не шеф, не команда, не сотрудники, не конкуренты, не ситуация на рынках, не правительство, не кризис, не то и не это... у меня бы все получилось. Но из-за... я чувствую беспомощность, невозможность изменить что-либо».

Другой смысл слова «разобраться» – переосмыслить, обдумать, проработать проблему. Этот второй смысл в этом случае состоял бы в том, чтобы, приняв факт различия в должностях, постараться понять, что с ним такое происходит, что мешает ему выстроить конструктивные взаимоотношения с обоими руководителями, чтобы суметь донести до них свои трудности в реализации проекта и предложения по их разрешению. Для того чтобы в коучинге был реализован именно этот, а не защитный смысл, необходимо, чтобы коуч помог Генри посмотреть в лицо своим слабостям, вместо того чтобы лучше их спрятать; помог ему осознать, что причина его стресса кроется не в его команде или руководителях, а в его собственной нерешительности, выборе стратегии «угождать и подстраиваться», предьявляя фальшивое Я и фальшивые результаты.

Задача коуча в этой ситуации – не стимулировать инфантильную защитную фантазию клиента о всемогуществе, а помочь ему признать свою уязвимость и ограниченность ресурсов, взять ответственность за судьбу своего проекта на себя, вместо того чтобы перекладывать ее на руководителей, и научиться находить с ними общий язык, терпеливо ища взаимопонимания с ними.

Посмотрим, какой именно коучинговый процесс реализовывался в сессии, представленной М. Дауни.

***Коуч:** Хорошо, тогда рассказывай, что там у тебя с ними.*

***Генри:** Ну ты знаешь, как мы сидим – весь офис как на ладони. Стиву и Джереми, чтобы попасть в свои кабинеты, надо пройти через мой отдел, поэтому они вечно «заглядывают». Уже одно это плохо, но ведь они оба требуют разного. Стив желает, чтобы мы предельно урезали проект – так он сможет показать начальству, какой он мастер экономить. Джереми хочет, чтобы мы разрядили проект в павлиньи перья – он считает, что так его легче будет продать, а он сможет показать начальству, какой он мастер сбывать нашу продукцию на самых разных рынках. И оба трясут меня, да и всю команду, а требования у них при этом взаимоисключающие. А поскольку один из них, вероятно, станет начальником подразделения, ни того, ни другого мне расстраивать не хочется.*

***Коуч:** И как же ты справляешься?*

***Генри:** Да просто соглашаюсь и с тем, и с другим – авось не заметят. Только постоянно приходится изворачиваться, как угрю.*

***Коуч:** В каком смысле?*

***Генри:** Я изо всех сил стараюсь угадать, что им надо, – разумеется, с учетом имеющейся информации, а потом несую отчет – непременно каждому в отдельности, чтобы можно было говорить о том, что отвечает их требованиям, скрывая при этом то, что не отвечает. Это страшно изматывает.*

Генри начинает хохотать.

***Коуч:** Ты что?*

Генри: *Представляешь, они ведь ничего не замечают. Слишком заняты интригами, чтобы вдаваться в подробности проекта.*

Коуч: *И что ты можешь сделать? Какой у тебя выбор?*

Генри: *Если бы у меня был выбор...*

Коуч: *Господи, Генри, перестань быть таким сварливым!*

Генри: *Извини. Это все стресс.*

В этой части сессии мы можем легко заметить, как деловой взрослый тон Генри постепенно и все сильнее приобретает детские интонации. Стресс, вызванный проблемами с двумя руководителями, заставляет его регрессировать в свойственное подростку состояние, характеризующееся ощущением невозможности отстоять свое мнение перед родителями – значимыми взрослыми, имеющими над ним власть. Тот факт, что родительскую пару здесь представляют двое мужчин, не должен вводить нас в заблуждение. Каждый из нас может легко проецировать женский или материнский образ в том числе и на мужчину, особенно если в его поведении есть черты, хотя бы отдаленно ассоциирующиеся с материнской фигурой. Генри наделяет Стива очевидно более мужскими чертами: он стремится к экономии и контролю. Джереми же в его фантазиях заинтересован исключительно павлиньими перьями.

Мы видим, как взрослый состоявшийся профессионал, сам являющийся руководителем команды сотрудников, внезапно начинает рассказывать о том, как он «изворачивается как угорь», стремясь «угадать, что им надо», «соглашаясь с тем и другим», в ущерб рабочим интересам подстраивается под них, предоставляя отчет «непременно каждому в отдельности, чтобы можно было говорить о том, что отвечает их требованиям, скрывая при этом то, что не отвечает».

Смысл всего этого защитного поведения в том, чтобы достичь главного результата: «они ничего не замечают». Генри чувствует себя как на «ладони» у руководителей, являющихся для него представителями родительской пары, они все время «заглядывают», а он ухитряется выскользнуть из-под их контроля и победить их, используя подростковые хитрости. Они довольны, он удовлетворяет их «потребности», избегает их гнева, но все это его «страшно изматывает». Так исподволь рабочая цель разработки важного проекта неосознанно подменяется попытками любой ценой избежать недовольства руководителей.

Как мы видим, Генри регрессирует не только на рабочем месте, но и в ходе сессии коучинга. Это важнейший момент в коучинговом процессе, который может стать ключевым инструментом понимания клиента для внимательного коуча. Клиент всегда приносит на сессию свои рабочие конфликты и в той или иной степени бессознательно разыгрывает их на ней, проецируя (перенос) на коуча определенные действующие в этих конфликтах фигуры. Открытость своим чувствам, ассоциациям, фантазиям помогает коучу осознать этот перенос и выявить роль, которую клиент навязывает коучу. Это в свою очередь помогает ему лучше понять то, что происходит на рабочем месте клиента.

В рассматриваемой сессии Генри, регрессируя до подросткового поведения, проецирует на коуча образ значимого взрослого, который тоже не любит «этих друзей» и который целиком стоит на его стороне. Это тот персонаж в разыгрываемом конфликте, который должен помочь ему победить родительскую пару. Может ли он быть его дедом или бабушкой, разделявшими его тайные негодования по отношению к родителям? Этого мы не знаем. Однако мы ясно видим, как коуч охотно принимает эту роль и отыгрывает ее от начала и до конца.

«Если бы у меня был выбор...» – предельно по-детски говорит Генри.

«Господи, Генри, перестань быть таким сварливым!» – по-взрослому наставительно обращается к нему коуч. Генри сразу успокаивается, понимая, что рядом с ним сильная фигура, которая в его фантазиях и решит за него все проблемы: «Извини, это не я, это виноват стресс».

Генри не успевает вернуться во взрослое состояние, а коуч уже спрашивает его:

Скажи, а как, по-твоему, все это происходило бы в идеальном мире?

Генри (после паузы): *Там был бы четкий набор целей, согласованных со всеми участниками. Звучит несколько патетически, но ведь цели-то уже намечены. Вот только Стив и Джереми в них не разобрались, а теперь используют тот факт, что изменилось финансирование, чтобы склонить дело на свою сторону.*

Почему коуч решил заговорить об идеальном мире? Почему из бесчисленного множества возможных вопросов он выбрал именно этот и задал его клиенту? Не думаю, что коуч настолько наивен, что верит в идеальное развитие ситуации в жизни и в бизнесе. Стремление к идеальному блокирует и уничтожает творческое, живое, развивающееся, конфликтное. Вряд ли кто-либо, выслушав рассказ Генри, может иметь фантазию о том, что в этой рабочей ситуации (как, впрочем, и во всех других проблемных ситуациях) возможно быстрое идеальное решение.

Я полагаю, что коуч находился, с одной стороны, под влиянием собственных неосознанных желаний – контрпереноса: желания тайно обесценить и атаковать более высокие в иерархии фигуры, избегая при этом открытой конфронтации. С другой стороны, на него оказывал сильное эмоциональное давление также оставшийся неосознанным перенос клиента – наделение коуча силой более значимого взрослого, чем его руководители. В рассматриваемой нами точке коучингового процесса остающееся «под ковром» эмоциональное напряжение достигло своего максимума: Генри сорвался на совсем детские капризы, а коуч в ответ принялся его поучать не быть сварливым. Чтобы убежать от этих стремительно разрастающихся уже на самой сессии конфликтов, коуч и предложил начать говорить об идеальном мире. Как известно, в фантазиях об идеальном мире всегда отсутствуют любые проблемы, конфликты, стресс, негативные эмоции. Это идеальное бегство от реальной жизни и реальной работы.

Генри подхватывает эту фантазию, но тут же замечает, что идеальному решению продолжают мешать его руководители.

Коуч: Ну и что же тебе следует делать?

Генри: Мне нужен новый список целей, который соответствовал бы нынешней ситуации и с которым все были бы согласны.

Коуч: Как этого можно добиться?

Генри: Наверное, собрать что-то вроде совещания... Хотя сначала надо заставить маркетинговый отдел закончить обзор, а финансовый – рассчитать все варианты.

Коуч начинает помогать своему клиенту формулировать идеальный план решения проблемы в идеальном мире. Однако что же происходит на самом деле? Кажется, что Генри чудесным образом внезапно избавился от инфантильной речи, вернулся во взрослую позицию и начал принимать на себя ответственность за решение проблемы. Это ли не желанное для коуча изменение клиента, способствующее повышению его осознанности и эффективности!?

Внимательный читатель-слушатель тем не менее насторожится, услышав слова «хотя сначала надо заставить маркетинговый отдел закончить обзор, а финансовый – рассчитать все варианты». Помня о том, что именно Джереми является руководителем маркетингового отдела, а сам Генри не имеет должностного влияния на финансовый отдел, мы удивляемся формулировке «надо заставить...», которую скорее могли бы услышать от директора подразделения, чем от Генри.

Коуч: Ну и что ты думаешь?

Генри: Я уже сказал, что верчусь, как угорь, но это в корне неправильный подход.

Коуч: Вот как?

Генри: Ну да. Пытаясь искать компромисс, я никому не смогу угодить. Другой вариант – я только сейчас это понял – учесть все возможности, рассчитав при этом все расходы, а потом заставить Стива, Джереми и всех остальных принять согласованное гибкое решение. Хорошо бы это сделать в прагматическом ключе, по-деловому, чтобы минимизировать личные интересы.

Коуч: Так как же нужно действовать с этого момента?

Генри: Первый шаг – собрать мою команду, чтобы закончить обзор и возню с расходами как можно скорее.

Задав вопрос «Ну и что ты думаешь?», коуч ожидал от своего клиента продолжения деловой разработки плана в идеальном мире – в той идеальной и интересной для Генри фантазии, где именно Генри был бы самым главным и самым важным. Генри, однако, внезапно снова регрессировал, опять заговорив о вертящемся на сковородке угле и о своем недовольстве этим. Коуч поддерживает этот протест против униженного состояния на работе. «Вот как?» – это звучит как вызов, брошенный Генри. Генри, ну-жели ты не можешь по-другому? Действовать как сильный, а не слабый? Не разочаруй меня.

И Генри не разочаровывает своего коуча. При очевидном одобрении коуча начальственный тон Генри усиливается. В психоанализе хорошо известен компенсаторный механизм у подростков, когда они, сталкиваясь с ситуациями унижения, включают фантазию о всемогуществе. Они мгновенно становятся в своей фантазии более могущественными, чем взрослые, например родители, которые требуют от них чего-то и давят на них. Мгновенный фантазийный прыжок от беспомощности и зависимости к могуществу и власти. Раньше родители требовали от подростка то, что нужно им. Давили на него, он вынужден был вертеться как уж на сковороде, стремясь угодить им, удовлетворить их в надежде заслужить одобрение. В результате он ощущал сильное унижение и стресс. При включении защитной фантазии все меняется. Мир становится «идеальным» для подростка. В этом мире именно он все решает, всех заставляет, давит и контролирует. Теперь это он унижает родителей, а не они его.

«Пытаясь искать компромисс, я никому не смогу угодить. Другой вариант – я только сейчас это понял ...» – говорит Генри. Прислушаемся внимательно к этой важной фразе. Она говорит о следующем. Генри называет поиском компромисса свою стратегию хитрить, говорить одно, умалчивать о другом с целью угодить Стиву и Джереми. Надеюсь, все мы согласны с тем, что поиск компромисса в духе win-win – это совсем иной процесс. Итак, Генри отбрасывает идею компромисса и, соответственно, идею достижения реального, а не идеального согласования позиций и целей, которое в реальном мире всегда основывается на компромиссе win-win.

Какой же другой вариант внезапно нашел Генри?

«Учесть все возможности, рассчитав при этом все расходы, а потом заставить Стива, Джереми и всех остальных принять согласованное гибкое решение». Это, видимо, и есть, с точки зрения коуча, основной инсайт, полученный клиентом.

Какой бы конструктивной ни выглядела первая часть решения, вторая часть раскрывает нам его скрытое содержание. Если первый вариант решения состоял в том, чтобы искать способы угодить Стиву и Джереми, то «другое решение» состоит в том, чтобы полностью перестать считаться не только с ними и с их требованиями, но и со всеми остальными. Нужно их просто «заставить». Мы видим, как ситуация зеркально переворачивается. Раньше заставляли Генри, теперь, опираясь на поддержку коуча, он вдруг решает, что можно заставить их всех действовать так, как он считает нужным. Это «другое решение» выглядит особенно неадекватным с учетом того, что он прекрасно знает, что один из этих двух его руководителей вскоре станет главой всего подразделения.

Тем не менее взрослое, профессиональное Я Генри тут же почувствовало неладное и напомнило у себе. Он добавляет: «Хорошо бы это сделать в прагматическом ключе, по-деловому, чтобы минимизировать личные интересы». Будучи умным человеком, Генри хорошо понимает недельной контекст своего «другого решения». Но коуч не просто игнорирует эти его сомнения, а фактически предлагает их отбросить, переходя к стилированию действий.

Коуч: Так как же нужно действовать с этого момента?

Генри: Первый шаг – собрать мою команду, чтобы закончить обзор и возню с расходами как можно скорее.

Коуч: Ты же сказал – они не справляются.

Генри: Знаю. Я был отчасти несправедлив. Невозможно работать нормально, когда цели и правила меняются чуть ли не каждый день. Кроме того, мне кажется, перспектива отделаться от двух наших друзей настолько заманчива, что ребята сразу взбодрятся.

Коуч: А потом?

Генри: Потом соберем совещание, на котором представим все возможности. Надо бы и Мака позвать. Это поможет решить второй вопрос – об изменении источника финансирования, потому что мне придется привлечь на помощь больше людей. (Мак – нынешний директор подразделения. – Прим. авт.)

Коуч: Насколько ты уверен, что это сработает?

Генри: Я думаю, восемь из десяти.

Коуч: Сначала у нас было три, нет, четыре проблемы, но, похоже, три ты уже решил. А как же контроль за командой?

Генри: Знаешь, я серьезно думаю, что здесь тоже есть сдвиг. Мне кажется, проблема отчасти возникла из-за того, что у нас были противоречивые цели, а это вызвано моей нерешительностью и вмешательством Стива и Джереми Месяца через три «опрос 360 градусов» будет проводиться снова, и тогда, возможно, нам надо будет опять обсудить это вместе.

Коуч: Отлично.

Генри: Спасибо, Мелани.

Желая угодить коучу, Генри отбрасывает все сомнения и уже полностью берет на себя всю ответственность за решение проблемной ситуации. Он готов действовать и формирует план действий, которые и приведут его к успеху. Так это видится коучу.

Посмотрим, что мы сможем заметить еще.

«Первый шаг – собрать мою команду, чтобы закончить обзор и возню с расходами как можно скорее», – твердо говорит Генри.

Странно, можем подумать мы. Во-первых, команда у него уже уже собрана и работает над проектом. Во-вторых, буквально пару минут назад он говорил о том, что «сначала нужно заставить маркетинговый отдел закончить обзор, а финансовый – рассчитать все варианты». Именно Джереми является руководителем маркетингового отдела. Это не совсем ясно (коуч не прояснил этот момент), но возможно, Стив руководит финансовым отделом (это отчасти может подтверждаться требованиями Стива строгой экономии). Означает ли эта фраза Генри, что он в своей фантазии уже устранил их обоих или встал над ними (стал тем главой подразделения, которым вскоре станет один из них и заменит Мака)? Каким образом в реальном, а не в идеальном (то есть в его совместном с коучем фантазийном) мире он собирается заставить Джереми срочно закончить обзор, а Стива – прекратить «возню с расходами»?

Генри продолжает: «Кроме того, мне кажется, перспектива отделаться от двух наших друзей настолько заманчива, что ребята сразу взбодрятся». Так начало сессии встречается со своим завершением. Вспомним здесь формулировку запроса клиента, которую сделал коуч в начале сессии: «... противоречивые потребности наших двух друзей – Стива и Джереми».

Обесценивающий и уничтожающий реальную власть Стива и Джереми вброс коуча стремительно подхватывается и развивается клиентом на протяжении всей сессии.

В завершение сессии он вообще перестает о них упоминать: «Потом соберем совещание, на котором представим все возможности. Надо бы и Мака позвать. Это поможет решить второй вопрос – об изменении источника финансирования, потому что мне придется привлечь на помощь больше людей».

Реальным результатом коучинговой сессии становится перспектива отделаться «от двух наших друзей», что очень бодрит Генри. Очевидно, что эта перспектива в этот конкретный момент завершения сессии его, видимо, не только бодрит, но и вдохновляет, заряжает энергией, силой, уверенностью в себе. Коуч это ощущает и доволен результатом, клиентом и собой. «Восемь из десяти» – это фантастический прыжок из беспомощности, неуверенности, ощущения себя «угрем» на сковородке в состояние силы и могущества. Как часто коучи стремятся вызвать подобные состояния у своих клиентов? Какую цену их клиенты затем платят за эти фантазии о собственном всемогуществе и псевдоуверенность «я это могу сделать»?

Внимательный читатель помнит, что все описываемые Генри трудности начались из-за того, что «правительство прекратило финансирование из центра и потребовало, чтобы департаменты финансировали нас из собственного бюджета».

Именно это изменение внешних условий привело к необходимости внести изменения в подготовку проекта, что в свою очередь породило всю рассматриваемую нами проблемную ситуацию. То есть фактически вызов состоял в том, чтобы в условиях необратимо (если, конечно, всерьез не рассматривать возможность Генри заставить правительство изменить свое решение) изменившегося финансирования сохранить целостность проекта путем его ограничения. Очевидно, что возникшие финансовые трудности требуют уменьшения собственных амбиций. Перевод коучинга в идеальное русло, напротив, помогает избежать встречи с этой ограничивающей реальностью.

Генри говорит о прямо противоположном: он считает, что необходимо изменить источник финансирования, потому что ему «придется привлечь на помощь больше людей». Разочарование от уменьшения финансирования и возможное опасение Генри продолжения политики ограничений финансов, выделяемых на разработку проекта (вспомним требование экономии со стороны Стива), демотивируют его, лишают сил и, я могу предположить, лишают в его фантазии значимости как сам проект, так и его самого в глазах других. Он ощущает себя парализованным и неспособным действовать «по-деловому». Генри вертится как «угорь» и

чувствует, что эта ситуация его страшно изматывает, он выгорает, но решения нет. В этом своем окончательном плане решения проблемы он радикально устраняет (а не решает) все свои запросы к коучу. Он избавляется от них самих, а следовательно, от их давления. И, наконец, он устраняет саму причину возникших трудностей – проблемы с финансированием: он не только не будет его ограничивать, но найдет деньги и наберет еще больше людей. Пропагандируемый М. Дауни эффективный коучинг способствует отказу от реальности и гигантомании?

Находясь в своем контрпереносе, изнутри которого он ощущает себя взрослым наставником для своего инфантильного клиента, коуч завершает сессию выставлением клиенту школьной оценки «отлично», которую последний принимает с благодарностью. Этот факт ясно демонстрирует стремление Генри угодить коучу, заслужить у него хорошую оценку, удовлетворив его ожидания. Фактически Генри на сессии коучинга проиграл все тот же хитрый трюк, что он проделывает на работе во взаимоотношениях со Стивом и Джереми. Он старался следовать за коучем и говорить только то, что коуч хотел услышать. При этом он не говорил то, что коуч слышать не хотел. Несколько раз, как мы видели выше, он все-таки говорил о том, что его на самом деле тревожит и что ему мешает, но, почувствовав нежелание коуча говорить на эту тему, он мгновенно подстраивался под него. Так было, когда Генри возразил коучу, что речь идет не о «потребностях», а о давлении на него Стива и Джереми, которое вызывает у него сильный стресс и страшно изматывает. Переведя коучинг в идеальный мир, коуч быстро «устранил-решил» этот запрос-проблему путем вычитания руководителей. Устранить («отделаться от двух наших друзей») Стива и Джереми и нет проблемы. Второй раз Генри выразил сомнение в поддерживаемом коучем решении проблемы, когда уже более робко заметил, что «хорошо бы это сделать в прагматическом ключе, по-деловому, чтобы минимизировать личные интересы», что было просто проигнорировано коучем.

Итак, мы детально проанализировали скрытую эмоциональную динамику коучинговой сессии, представленной в книге Майлза Дауни, и ее результаты, к которым привел подобный бессознательный сговор между обоими участниками сессии. Краткая цепочка произошедшего следующая. Генри: «замечательный шеф» – коуч: «двое наших друзей» – Генри: «разобраться с этой сладкой парочкой» – Генри: «отделаться от двух наших друзей».

Таким образом, создавая из обладающих реальной властью руководителей (у одного из которых она скоро кардинально возрастет) «сладкую парочку» и пребывая в уверенности, что это и есть решение проблемы, пара коуч–клиент сама превращается в «сладкую парочку». В этом и есть суть опасной ловушки – бессознательного сговора на основе переноса и контрпереноса: сделать так, чтобы нам обоим было «интересно», не трудно, не конфликтно, не напряженно... нам просто нужно удовлетворить фантазийные защитные ожидания друг друга, и тогда результат в виде состояния взаимного всемогущества будет легко достигнут. Сладкая парочка проводит сладкую работу, дающую сладкий, но быстро

растворяющийся результат. Ответственность за этот бессознательный сговор и его фальшивый результат в виде иллюзорного возрастания силы, осознанности и ответственности, безусловно, полностью лежит на коуче. Одной из основных профессиональных коучинговых компетенций является способность распознавать защитное сопротивление клиента, осознавать игру переноса-контрпереноса во взаимодействии клиента и коуча на сессии, совместно прорабатывать ограничения и конфликты, препятствующие решению запроса клиента. Клиенты бессознательно всегда делают все возможное, чтобы запутать коуча, ввести в заблуждение или сформировать бессознательный сговор: вместо работы сделаем так, чтобы нам было «интересно» и каждый из нас получил при этом свое удовлетворение от избегания изменений. Например, клиент получает очень краткосрочную иллюзию всемогущества, а коуч, причисляя эту сессию к другим таким же «успешным», – долгосрочное подтверждение своего профессионального всемогущества. Не попадать в подобные ловушки или, оказавшись в них, быть способным из них выбираться, помогая себе и своему клиенту прорабатывать сопротивления изменениям, – важнейшая задача любого профессионального бизнес-коуча.

Возвращаясь к кейсу Генри, я практически на сто процентов уверен, что, возможно, уже на следующий день после этой сессии защитные механизмы вернут его в прежнее состояние и он продолжит свою стратегию подстройки под руководителей – он же не профессиональный самоубийца, и исподволь на протяжении всей сессии где-то в глубине своей души он мог догадываться, что это просто игра с коучем, а не коучинг, направленный на достижение реальных изменений. Но даже если он этого и не понимал, то он немедленно осознает это после первой же попытки «всемогущего» контакта со Стивом или с Джереми. Я также уверен, что он никогда не скажет об этом своему коучу – ведь он должен быть сильным и ответственным в его глазах. Он просто будет находить все новые и новые причины, объясняющие, почему у него ничего не получается, или заявит коучу, что все проблемы решены и теперь у него есть совсем другой запрос или что у него больше нет потребности в дальнейшей коучинговой работе.

К моменту начала сессии коучинга Генри находился на важной развилке – выборе между двумя путями решения проблемы. Первый – тот, который стал его первой реакцией на фрустрацию, вызванную проблемами с финансированием, – я назвал его регрессией от взрослого профессионального Я к подростковому уровню восприятия реальности и соответствующим способам построения рабочих взаимоотношений. Этот уровень характеризуется высокой зависимостью от других, желанием удовлетворять их ожидания в надежде на ответное признание. Подобные подростковые переживания вызывают у взрослого человека нарциссическое унижение и желание немедленно перевернуть ситуацию, став мгновенно сильнее и могущественнее тех, кому он вынужден подчиняться. Разумеется, это возможно только в фантазии. Поэтому этот первый вариант решения проблемы я назову фантазийно-идеально-подростковым и совершенно неадекватным во взрослой бизнес-реальности. Именно этот

первый вариант решения запроса и предпочел реализовывать коуч в этой сессии. Конечно, он делал это неосознанно, веря в то, что предельно эффективно решает запрос клиента. Тупик здесь не только в том, что этот путь никак (кроме фантазии) не может привести к реальной успешной разработке проекта в более тяжелых финансовых условиях. Тупик состоит также в том, что реализация этого пути в бизнес-реальности приведет к очень губительным последствиям для профессиональной карьеры Генри. Он жаждет помощи Мака, но прекрасно знает, что место Мака очень скоро перейдет Стиву или Джереми. Оставляю читателю простор для размышлений о том, как может повлиять на проект и на карьеру Генри в целом его желание с подачи коуча низвести будущего главу всего подразделения, от которого и зависит финансирование в новых условиях, до «нашего друга» или члена «сладкой парочки», «отделаться» от него, «заставить» его следовать плану Генри.

Второй путь, по которому коуч мог бы помочь Генри идти, – это тот самый трудный, взрослый и профессиональный путь принятия внезапно возникших ограничений, сознательного отказа от чрезмерных амбиций, открытого конструктивного обсуждения различных противоречий со своими руководителями Стивом и Джереми, нахождение устраивающего все стороны компромиссного решения win-win, терпеливой и настойчивой реализации проекта, пусть и в сокращенном по сравнению с первоначальным, виде.

Но для такой проработки запроса Генри и помощи ему в достижении вызывающих серьезное сопротивление изменений коучу необходимо обладать даже не психологическими, а психоаналитическими коучинговыми компетенциями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дауни М.* Эффективный коучинг. Уроки тренера коучей. Добрая книга, 2003.

"Sweet couple" or unconscious collusion between client and coach

A.V. Rossokhin

Rossokhin Andrey Vladimirovich – Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science* in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", full-time member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis.

The article analyzes in detail a session of effective classical coaching. The unconscious collusion between the coach and the client that hinders the achievement of changes was investigated.

Keywords: classical coaching, coaching competencies, unconscious collusion, resistance to change, psychoanalytic coaching, transference and countertransference in coaching.

---

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

ГРУППОВОЙ И КОМАНДНЫЙ КОУЧИНГ

Командный коучинг: психодинамический подход

Е.В. Джабар-Заде

Джабар-Заде Екатерина Викторовна – магистр психологии (НИУ ВШЭ, Москва), организационный психолог, психодинамический организационный консультант и коуч, преподаватель магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член и сертифицированный коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК). Имеет более 18 лет опыта работы в качестве внутреннего и внешнего эксперта с руководителями среднего и высшего звена, командами, топ-талантами, внутренними тренерами, коучами и экспертами по развитию персонала в крупных российских и международных компаниях (IT, Telco, FMCG, Banking, Retail, HR консалтинг и др.).

В современном мире, где информация легкодоступна, а внешняя среда изменчива, быстрая обучаемость и способность выдерживать неопределенность являются важными конкурентными преимуществами компаний. Бизнес становится все более проектным, горизонтальным и требует от сотрудников, помимо экспертизы, хорошо развитых навыков кросс-функционального взаимодействия, способности выдерживать сложные эмоциональные разговоры, возможности меняться и нести изменения другим, справляясь со своим сопротивлением изменениям и выдерживая сопротивление других. Несмотря на то, что многие процессы становятся автоматизированными, сложные и тонкие эмоциональные моменты все еще остаются прерогативой человека. Коучинг уже давно сопровождает организации в их развитии, а коучинг команд приходит на смену командообразующим indoor- и outdoor-тренингам.

В данной статье рассматривается психодинамический подход в работе с командами, который позволяет исследовать не столько рациональные и уже осознанные и известные, сколько иррациональные, противоречивые и непонятные для членов команды и организации бессознательные предпосылки, переживания, внутриличностные, межличностные, межгрупповые и организационные конфликты, приводящие к дисфункциональным паттернам мышления и поведения членов команды и организации в целом.

Ключевые слова: коучинг команд, групповая динамика, психодинамика организаций, психодинамический коучинг, развитие команд, психоанализ организаций, организационное развитие.

Тавистокская парадигма как основа для психодинамической работы с группами и организациями

Тавистокская парадигма, или системно-психодинамический подход опирается на социальные исследования в области групповой и организационной динамики Тавистокского института человеческих отношений и Тавистокской клиники в Лондоне и включает в себя ряд концепций, которые определяют основу для групповой и организационной психодинамической работы (*Palmer, 1998*). Последние 50 лет Тавистокский институт и одноименная клиника, как в сотрудничестве, так и по отдельности, ведут интенсивную деятельность, сосредоточенную на исследовании групповых отношений, анализе институциональных процессов и консультировании государственных и частных организаций. Результаты, полученные в ходе этих исследований, развивают понимание функционирования рабочей команды, совершенствуют процессы организационной диагностики и бизнес-консультирования, а также углубляют понимание темы авторитета и лидерства. Ниже будут рассмотрены такие концепции, как системная теория, концепция «организация в уме» и «институция в уме», понятие тревоги и теория социальных защит, концепции Биона и Винникотта.

Системная теория

Системная теория, сформулированная в США и Великобритании, занимает важное место в осмыслении организации. Теория уходит своими корнями в общую теорию поля К. Левина, которая впоследствии была развита как социотехническая теория в области групп и организаций А.К. Райсом, Э. Тристом и Э. Миллером. «Индивидуум или группа могут рассматриваться как открытая система, которая существует и может существовать только во взаимодействии с окружающей средой <...> в нашей концептуальной рамке, индивид, малая группа и большая группа рассматриваются как прогрессивно более комплексные проявления основного структурного принципа. Каждый из них может быть описан в терминах внутреннего мира, внешней среды и функции границы, которая контролирует обмен между тем, что находится внутри, и тем, что находится снаружи» (*Molenkamp, Hayden, 2002, p. 13*).

Организация как система, а команда как подсистема имеют свою собственную сознательную и бессознательную жизнь. Команда, как подсистема большой системы, взаимодействует по горизонтали и вертикали с другими подсистемами организации и системами за ее пределами. Каждый член команды имеет свою собственную экосистему с внутренними силами и взаимосвязями. Находясь в тесной связи, все они оказывают влияние друг на друга. Для того чтобы понять команду внутри организации, следует понимать контекст, в котором эта команда существует. Порой проблема, с которой обращается организация и команда, не может быть полностью решена силами самой команды, так как та является только частью большой системы.

Еще один важный аспект теории систем – это ее потребность пребывать в парадоксе: абсурдном и противоречивом положении, которое при рассмотрении может оказаться вполне оправданным. Одна часть системы хочет для себя необходимых изменений, другая ее часть боится и сопротивляется этим изменениям, пытаясь сохранить статус-кво. Один из распространенных и неэффективных способов проживания этого парадокса представлен в виде параллельного существования системы в двух плоскостях: в плоскости декларируемой идеи, которая разделяется всеми (*espousetheory*), и плоскости реализуемой модели по факту (*theory-in-use*). Например, компания говорит, что строит бизнес вокруг клиента, а на самом деле ведет политику максимизации прибыли за счет снижения расходов на обслуживание. Несмотря на то что парадокс может тормозить развитие, он же может выступать и рычагом для необходимых изменений. Вот примеры таких парадоксов: быть инновационными и в то же время избегать ошибок; думать в долгосрочной перспективе и в то же время предоставлять результат сейчас; сокращать расходы и в то же время повышать нравственность. Ожидания организации чаще всего парадоксальны и противоречивы и поэтому не могут быть удовлетворены полностью (*Thornton, 2016*).

Одна из задач коуча в работе с командами заключается в том, чтобы помочь команде увидеть парадоксальные позиции, которые существуют и создают напряжение в команде, исследовать их, не поддаваясь тенденции занять одну из противоположных точек зрения, и осознанно найти свое решение для этого парадокса. Напряжение, которое возникает между двумя противоположными сторонами парадокса, – это место, где может возникнуть что-то новое. Сам по себе парадокс неразрешим, но его можно использовать для поиска чего-то более важного и полезного для команды и организации в целом.

Концепция «организация в уме» и «институция в уме»

Концепция «организация в уме» и «институция в уме» (*organization in the mind & institution in the mind*) была разработана Институтом The Grubb для организационных консультантов и описывает способ осмысления организации. «Институция – это то, что создано для выполнения определенной функции (официальной и неофициальной, формальной или неформальной), например: семья, бизнес, церковь, правительство, фонды, армия. Организация – это способ структурирования и развития этой функции с целью использования человеческих и материальных ресурсов для достижения своих целей. Иногда структура организации создается на таких предпосылках, которые не приводят к достижению основной задачи институции» (*Hutton, 1997, p. 1*).

«Организация в уме» требует менеджмента, так как представляет собой сознательную или предсознательную конструкцию, сфокусированную на эмоциональном переживании задач, ролей, целей, ритуалов, ответственности, компетентности, неудачи, успеха. «Институция в уме» требует лидерства, так как является бессознательной, сфокусированной

на эмоциональном опыте идеалов, ценностей, надежд, убеждений, мечтаний, символов, рождения, жизни, смерти и требующая лидерства. Можно сказать, что «организацию в уме» можно понимать как метафору тела, а «институцию в уме» – как метафору духа. Вместе они составляют единое целое. (Hutton, 1997, p. 2).

Организации создаются лидерами, у которых есть идеи, возможности и потенциал их воплотить. Лидер строит организацию или собирает команду так, как он ее видит, базируясь на определенных ценностях и убеждениях. Он пытается донести эти убеждения до других, но есть ряд моментов, которые усложняют реализацию задуманного и вносят неопределенность. Во-первых, видение лидера может расходиться с его первоначальной концепцией и тем, как он представляет это видение другим. Во-вторых, люди, которым лидер представляет свое видение и идеи, могут интерпретировать эти идеи, ценности и убеждения по-своему. В-третьих, неизвестно, смогут ли эти люди нанять других компетентных людей, способных достичь цели, управляя имеющимися ресурсами в постоянно меняющейся и динамичной среде. В этом ключе важной задачей становится нахождение динамического баланса между этими неопределенностями и эффективным использованием ресурсов (Hutton, 2014).

Тревога и теория социальных защит

Впервые концепция социальной защиты была предложена Жаком Эллиотом в 1955 году. Гипотеза, которую он исследовал, заключалась в следующем – «одним из основных элементов, связывающих индивидов в институционализированные человеческие ассоциации, является защита от психотической тревоги» (Bain, 1998, p. 2). Классическое исследование социальных защит было проведено Изабель Мензис, в котором она изучала систему обучения медсестер одной из больниц в Лондоне. Исследование проводилось в конце 1950-х годов. В этом исследовании Мензис показала, как система была структурирована и что она функционировала как способ избегания тревоги, связанной с функцией заботы о пациентах, многие из которых испытывали страдания и боль, а некоторые умирали. Очевидными защитными факторами были: деперсонализация и отрицание значимости личности, которые, например, проявлялись в высказываниях «печень в палате десять», «пневмония в палате пятнадцать»; разделение отношений, когда за одним пациентом ухаживают несколько медсестер и ни одна из них не несет ответственности за конкретного пациента; снижение уровня ответственности за принятие решений путем постоянных проверок и т. д. (Bain, 1998, p. 3).

Предварительным условием развития социальных защит является коллективное переживание тревоги. Все организации имеют свою выстроенную социальную защиту от тревоги, которая возникает в процессе выполнения первичной (primary) задачи организации. Социальные защиты проявляются через структуру организации, ее процедуры, информационные системы, роли, культуру, разрыв между тем, что организация говорит, и тем, что она фактически делает. Социальные защиты создаются

бессознательно членами организации посредством их взаимодействия при выполнении первичной задачи. Защитные механизмы позволяют сделать работу безопасной и приемлемой. Например, при повышении уровня тревоги в организации может увеличиться потребность в структуре, дополнительных правилах и регламентах, соблюдении ритуалов, письменной коммуникации и т. д. Рационализация и интеллектуализация позволяют людям оставаться эмоционально не вовлеченными, чувствовать себя в безопасности и способными сохранять контроль над псевдореальностью.

«Мы покупаем некоторое облегчение за счет того, что отвлекаем наше внимание от проблемы, которая изначально вызывала тревогу <...>. Но это требует эмоциональной платы, которая приводит к выгоранию. В таком образе мышления требуется затрачивать эмоциональную энергию или проделывать психическую работу, чтобы удержать какой-то неприятный факт или чувство от осознания» (*Hirschhorn, 2010, p. 4*).

Эта концепция тесно связана с теорией организационного функционирования «жестких угроз» (*threat-rigidity*). Эта теория предполагает, что, сталкиваясь с угрозами, лидеры организаций становятся более жесткими, например ограничивают поток информации, чрезмерно контролируют расходы или прекращают коммуникацию друг с другом. Они не думают о том, что угроза, которую необходимо реально устранить, может потребовать от организации инновативности и гибкости. Психоаналитическая концепция предполагает, что жесткость помогает организационному субъекту отвлекать внимание от угрозы извне и направлять его на те части процесса организации, которые можно непосредственно контролировать, например расходы, а не доходы. Таким образом, защита от тревоги создает то, что называется «бегством от задачи» с последующим снижением производительности. Защита от тревоги приводит к защите от реальности. «Каждая социальная защита увеличивает ригидность, с которой члены организации реагируют на ситуации. Динамические среды требуют гибкости, вам нужно "разнообразие, чтобы управлять разнообразием", но если динамические среды слишком тревожны, то реакция получается прямо противоположной» (*Hirschhorn, 2010, p. 6*).

Сильная тревога мешает людям функционировать должным образом, в сильной тревоге они теряют способность учиться на своем опыте (*Bennis & Shepard, 1956*). Командам важно развивать способность анализировать и изучать свою собственную тревогу и тревогу организации, преодолевать препятствия для эффективного общения между членами команды.

Концепция Уилфреда Биона о групповых процессах

Концепция Уилфреда Биона о групповых процессах, рабочей группе и группе базовых допущений базируется на идеях Мелани Кляйн о защитных механизмах личности, параноидно-шизоидной и депрессивной позициях. По мнению Кляйн, здоровое развитие ребенка подразумевает разделение им мира и его объектов на две категории: «хорошее» и «плохое». Это расщепление позволяет «интроецировать в себя хорошее

и идентифицировать себя с ним». Позднее, когда психика ребенка окрепнет, «плохое» также может быть интегрировано, и появляется способность воспринимать другого, который расстраивает, так же как того, кто и удовлетворяет. Возникает депрессивная позиция, а вместе с ней становятся терпимыми амбивалентность и конфликт. Функционируя в «депрессивной позиции», индивид, группа или организация проявляют способность брать на себя личную ответственность и воспринимать себя и другого как целый и отдельный объект.

Подобно ребенку взрослый человек, группа и даже целая организация, находясь в ситуации изменений и неопределенности, испытывают сильную тревогу и непроизвольно, неосознанно регрессируют в параноидно-шизоидную позицию, начиная расщеплять себя и других на «хорошее» и «плохое». Параноидно-шизоидная позиция проявляется в губительной конкуренции, закреплении ярлыков «хорошие» и «плохие», идеализации одних факторов или людей и обесценивании других, невозможности выносить противоречия и решать конфликты, разделении команды на подгруппы (коалиции) и воинственном или оборонительном настрое команды против других элементов организации.

У. Бион зафиксировал тот факт, что люди в группах порой ведут себя психотическим образом, у них возникает что-то подобное временному психозу. Термин «психотический» в данном контексте, означает «ослабление эффективного контакта с реальностью» (*Lawrence, 1996, p. 3*). Эта ментальность группы имеет особую культуру, в которой человек, несмотря на все его сложные и зрелые навыки, временно оказывается в регрессии. Участники группы ведут себя так, «как будто» они молчаливо разделяют одно и то же бессознательное допущение. Жизнь в группе базовых допущений ориентирована на бессознательную фантазию, которой не существует вне этой групповой ситуации ни у одного из участников группы. В отличие от рациональной, цивилизованной, целенаправленной рабочей группы, группа базового допущения состоит из бессознательных желаний, страхов, защит, фантазии, импульсов и проекций. Идентифицировать базовое допущение – значит придать смысл поведению группы и выяснить, почему она не работает как рабочая группа. Бион описал три группы базовых допущений: группы зависимости, борьбы или бегства, образования пар. В реальной жизни группа колеблется между тем, чтобы развиваться и стать рабочей группой (полноценной командой), и соблазном «свалиться» в группы базовых допущений, так как каждый человек имеет «валентность» или «способность к мгновенному и непроизвольному соединению одного человека с другим для обмена и действия на основании базового допущения» (*Lawrence, 1996, p. 3*).

К этим трем группам базовых допущений Пьер Турке добавил четвертое – базовое допущение «единство» (*openess*). В культуре этого базового допущения «участники стремятся присоединиться к влиятельному и недоступному союзу, обладающему всемогущей силой, они хотят отдаться ему, стать пассивными участниками и тем самым почувствовать свое существование, благополучие и целостность» (*Lawrence, 1996, p. 4*).

Лоуренс открывает пятое базовое допущение «себя-центризм» (meness), которое приравнивается к базовому допущению «не-единство». В культуре современных организаций данное базовое допущение становится все более заметным. Лоуренс выдвигает идею о том, что в условиях турбулентности и неопределенности человек больше зажимается в своей внутренней реальности, чтобы исключить (отрицать) пугающие реалии внешней среды. Внутренний мир, в котором пребывает человек, делает для него ситуацию комфортнее. Главное отличие себя-центризма от других групп базовых допущений состоит в том, что группа является невидимой и непознанной, тогда как в культурах других базовых допущений человек является невидимым и непознанным (Lawrence, 1996, p. 4).

«Сделать из команды рабочую (реальную) команду» – так звучит запрос от организации. Этот запрос подразумевает помощь команде в том, чтобы стать рабочей группой по Биону. Группой, которая имеет общую цель и единое понимание своих границ, обладает способностью принимать новых членов и расставаться со старыми, сохраняет свою целостность и не образует внутренние коалиции, понимает ценность каждого члена команды, принимает и справляется с неудовлетворенностью и неудачами. Рабочая группа рассматривается как открытая система, основным ресурсом которой на входе являются люди и их интеллектуальная способность превращать опыт в инсайт и понимание.

Концепция Уилфреда Биона о контейнере и контейнируемом

В основе этой концепции лежит идея о том, что ребенок, испытывая дискомфорт по разным причинам (голод, боль, усталость), нуждается в их эвакуации. Мать, принимая то, что он эвакуирует, через механизм проективной идентификации, трансформирует его переживания в осмысленное содержание и возвращает ему. Контейнируемое – это то, что проецируется, нуждается в эвакуации, как правило, это негативные осознанные и бессознательные переживания. Контейнер – это объект, вмещающий в себя контейнируемое. У. Бцион выделяет три типа отношений между контейнером и контейнируемым: (1) ригидная связь, когда контейнер отказывается отвечать на то, что вошло в него и контейнируемое утрачивает свою форму или смысл; (2) хрупкая связь, когда контейнируемое переполняет или разрушает контейнер и он утрачивает свою форму и функцию; (3) гибкая связь, когда контейнер способен принять в себя посредством проективной идентификации сложные и тяжелые чувства, выдерживать их и возвращать в переваренном (названном) виде (Хиншелвуд, 2007).

Работая с командой или организацией, коуч, с одной стороны, выступает контейнером для бессознательных негативных чувств, с другой стороны, помогает команде или организации исследовать и развивать собственную способность контейнировать негативные переживания людей. Также стоит сказать, что каждому нужен контейнер, так как мы не способны самостоятельно справляться со всеми сильными негативными чувствами:

менеджер выступает контейнером для подчиненных, вышестоящий менеджер является контейнером для нижестоящего, команда вместе с лидером являются контейнером для ее членов, организация – контейнером для команд и всех ее сотрудников.

Концепция Винникотта о холдинге и переходном пространстве

Процесс холдинга тесно связан с процессом контейнирования. Холдинг направлен на все переживания, контейнирование в большей степени позволяет переработать неприятные эмоции, опыт разочарований и наделять этот опыт смыслом, который адекватен реальности. Винникотт использует понятие «холдинг», говоря о материнской заботе и поддержке. Именно забота и преданность матери, чутко реагирующей на нужды ребенка, хорошо понимающей его желания и страхи, является ведущим фактором развития отношений (*Winnicott, 1982*).

Также и группе необходимо переходное пространство, где «люди открываются и обмениваются информацией, рассказывают о проблемах, которые их действительно волнуют <...>, перестают играть в политику и начинают поддерживать друг друга» (*Ketsde Vries M., 2015, p. 33*).

«Если группа собирается прогрессировать (не регрессировать), коучу необходимо создать безопасный контейнер для всего этого эмоционального и когнитивного мусора, создать атмосферу, в которой участники могут исследовать свои чувства и проблемы, не опасаясь осуждения или отвержения. Коучу важно создать безопасное, переходное пространство для участников, где у них есть возможность говорить о проблемах, о которых у них не было возможности говорить ранее» (*Ketsde Vries M., 2014, p. 22*).

Практика психодинамического командного коучинга

Цель командного коучинга – создать условия для развития у команды способности управлять собой таким образом, чтобы уметь концентрироваться на основной задаче (*primary task*), опираться на навыки и способности всех своих членов, эффективно управлять разногласиями, работать над уровнями самораскрытия, творчески использовать вклад каждого и эффективно управлять границами с другими частями организации (*Lee G., 2014, p. 33*).

Находясь в ситуации изменений, неопределенности, размытости границ или полномочий, команда испытывает сильную тревогу и неосознанно регрессирует в группу базовых допущений, теряя способность реализовывать свою основную задачу, подменяя ее задачей выживания.

Бессознательное является источником деструктивности, но оно также является источником творчества. Исследуя бессознательное, признавая его, понимая тревогу и ее источники, делая выбор на основании этого знания, команда может создавать генеративную организационную среду и двигаться к своей непосредственной цели – своей основной задаче.

Далее будет рассмотрен психодинамический инструментарий, который позволяет создавать достаточно безопасную среду, получать доступ к бессознательному группы, исследовать источники тревоги и динамику команды.

Создание холдинг-среды и контейнера

Создание холдинг-среды и контейнера является важным условием для психодинамической работы с тревогами группы. Это среда, в которой участники чувствуют себя физически и психологически достаточно безопасно, чтобы делиться своими мыслями и чувствами, тревогами, разочарованиями, стремлениями и надеждами.

Предполагается, что если группа сможет использовать консультанта для контейнирования и нахождения смысла своим преследующим и депрессивным тревогам, участники вернут себе способность мыслить и освободят ресурсы для решения своих проблем. Создать холдинг-среду и обеспечить контейнер поможет контракт и сеттинг, позиция коуча и потенциал самой команды к контейнированию.

Контракт и сеттинг, которые включают в себя такие параметры, как запрос и цели работы, количество и длительность сессий, формат работы, периодичность сессий, время и место сессий, организация пространства для групповой работы, определение релевантного состава группы, определение правил работ в группе, финансовые условия.

Позиция коуча, а именно его холдинг и контейнер, его терпение и желание наблюдать за тем, что группа может делать сама без его участия и помощи.

В психодинамическом коучинге идет работа с бессознательным группы, в том числе, через бессознательное самого коуча. Бессознательное коуча – своего рода инструмент, поэтому особенно важно, чтобы этот инструмент был в порядке. Динамика переноса и контрпереноса является одним из основных инструментов доступа к скрытым, бессознательным мотивам поведения участников и группы. Влияние переноса наиболее ощутимо, когда перенос направлен на коуча; например, участник бессознательно ведет себя с коучем так, как будто тот является его начальником или родителем. Или группа ожидает от коуча чрезмерной заботы и спасения. Молча изучая этот опыт, коуч может получить представление о бессознательных фантазиях группы. Например, в работе с группой коуч может ощущать себя беспомощным или бесполезным, подобные чувства могут говорить не столько о коуче, сколько о группе. Контрпереносные переживания дают некое представление о невыраженных чувствах участников группы. Эта таинственная передача бессознательных чувств происходит за счет механизма проективной идентификации, предложенного Кляйн и представляющего собой процесс, при котором бессознательный эмоциональный опыт одного человека

может передаваться другому. «Проективная идентификация – это особо мощный процесс, который бросает вызов терапевту и напрягает все его способности. Когда оказываешься пойманным в ловушку уверенности пациента в том, что терапевт «действительно» чувствует, трудно устоять перед эмоциональным отгораживанием. Более того, все мы люди и, следовательно, уже несем в себе все разнообразие эмоций, защит и отношений, которые проецируются на нас. В уверенности человека, использующего проективную идентификацию, всегда есть доля правды» (Мак-Вильямс, 2015, с. 168).

Рефлексия собственных контрпереносных чувств является одним из важных аспектов психодинамической работы. Коуч работает в двойном режиме внимания – следит за своим собственным саморегулированием и в то же время взаимодействует с группой. «Достаточно хороший коуч», модификация фразы Винникотта о «достаточно хорошей матери», – это не тот, кто всегда все правильно понимает, а тот, кому удастся вернуть себе состояние понимания, будучи временно захваченным проективной идентификацией группы. Работа на этом уровне закладывает основу для фундаментального сдвига в способности участников думать о чувствах и устанавливать связи между прошлым опытом и его влиянием на настоящее (Lee G., 2014, p. 28).

Мобилизация и признание переносных отношений, переработка их в отношения сотрудничества, которые признают автономность и возможности коуча, группы, участников, – является одной из задач психодинамического коучинга. Пространство, в котором чувства группы валидизируются и интерпретируются, позволяет переработать разрозненные, бессознательные и эмоциональные переживания в осознанные, связанные и осмысленные; это в свою очередь снижает потребность в защитных стратегиях и дает место мышлению.

Профессиональная подготовка коуча, которая включает в себя прохождение собственной психоаналитической терапии или психоанализа, а также супервизий, является необходимым условием работы в данном подходе.

Холдинг и контейнер самой команды подразумевают понимание каждым участником задачи и смысла своего участия, способность и готовность каждого проявлять эмоции и чувства, принимать и исследовать разные эмоции, рефлексировать и проявлять эмпатию. Кристин Торнтон говорит о том, что холдинг – это процесс, который нельзя навязать, и в то же время предлагает некоторые инструменты для развития холдинг-среды: следовать сеттингу; проявлять толерантность к эмоциям и чувствам участников; признавать нормальность всех чувств и эмоций; сообщать о том, что все чувства и эмоции разрешены для проявления; поощрять процесс исследования чувств; вносить ясность в понимание того, что есть чувства, мысли и действия; помогать в связывании проблем, новой информации и действий (Thornton, 2016).

Холдинг является основой для развития команды, которое возникает при правильном балансе безопасности и риска.

Исследование тревоги и работа с сопротивлением

Исследование тревоги и работа с сопротивлением – еще одна составляющая психодинамической работы с группой.

Амбивалентность, которую испытывает каждый человек по отношению к собственным проблемам, является одной из причин сопротивления. Человек одновременно хочет и не хочет решить проблему, хочет и не хочет изменить и измениться. Внутри человека идет борьба, которую очень точно и образно описал Ф. Перлз в форме метафоры *dogup & dogdown*, вечного внутреннего диалога «за» и «против» (Perls, 1969). Сопротивление принимает различные формы, и Э. Гловер выделяет явные и неявные формы сопротивления (Бурлачук и др., 2007). Явные формы включают опоздания, пропуски, излишнюю болтливость или полное молчание, автоматическое отрицание или неправильное понимание всех высказываний значимого лица, игру в наивность, постоянную рассеянность, сопливость и, наконец, преждевременное прерывание сессии. К неявным формам относится, например, формальное участие в процессе сессии, но отсутствие действий за ее пределами. Способы проявления сопротивлений многообразны и зависят от личностных особенностей, специфики взаимоотношений между участниками и коучем. Конкретные люди и группы используют различные формы для создания некой идентичности, которая защищает их от тревоги, поэтому попытки изменить эти формы вызывают сопротивление.

Феномен психологической защиты обнаруживается не только на индивидуальном, но и на групповом уровне. Говоря о защитах, интересно обратиться к семантике слова «защита» и попытаться ответить на следующие вопросы: 1) что защищает человек или группа? (предмет защиты); 2) от чего защищается человек или группа? (объект защиты); 3) как защищается человек или группа? (способ защиты); 4) к чему приводит защита? (краткосрочные и долгосрочные результаты защиты). Эти вопросы могут быть инструментами, с помощью которых группа, при умелой поддержке коуча, может исследовать свое сопротивление здесь и сейчас, тревогу и узнать о сложившейся ситуации гораздо больше.

Защитные механизмы, с одной стороны, снимают напряжение, позволяют чувствовать себя более безопасно, а с другой стороны, они искажают восприятие реальности и выступают антифактором развития для команды.

Команде важно помочь исследовать свою тревогу, быть с ней в контакте, а не пытаться ее блокировать.

Модель CIBART позволяет исследовать источники тревоги и аспекты групповой динамики, связанные с конфликтами, лидерством, полномочиями и властью, сопротивлением задаче, работой с границами, принятием роли. CIBART – это аббревиатура, обозначающая некоторые из этих ключевых понятий: конфликт (*conflict*), идентичность (*identity*), границы (*boundaries*), полномочия (*authority*), роль (*role*) и задача (*task*) (Cilliers u Koortzen, 2005).

– Конфликт – это то, что вызывает тревогу и что следует рассматривать как естественное и человеческое состояние, служащее движущей силой как для конкретного человека, так и для команды. Говоря о конфликтах, мы говорим о (1) внутренних конфликтах членов команды, например когда личные ценности участника вступают в противоречие с ценностями команды и/или лидера; (2) конфликтах между членами команды или командой и лидером; (3) конфликтах между подгруппами в команде, например «новые» и «старые» члены команды, «любимчики» и «нелюбимчики» для лидера, «важные» и «неважные» люди для команды; (4) конфликт между командой и другими подсистемами организации. Эти типичные примеры демонстрируют проекции, которые команде предстоит исследовать, чтобы понять бессознательную динамику своего конфликта.

– Идентичность – характеристики, которые отличают команду от других групп в организации: ее роль и основная задача, климат и культура. На идентичность напрямую влияют личность и стиль лидера, то, как члены команды воспринимают и проявляют индивидуальное лидерство.

– Границы – это что разделяет человека и группу, команду от других групп в организации, организацию и внешний мир. Они должны быть достаточно прочными, чтобы поддерживать целостность того, что содержится внутри (человека, группы, организации), но в то же время достаточно проницаемыми, чтобы обеспечивать контакт и обмен с внешней средой. Границы создают определенный контейнер для реализации поставленной задачи.

Групп-аналитический подход выделяет три типа границ в группе. Внешняя граница группы – то, что отделяет группу от «окружающей среды», идентичность группы. Внешняя граница отдельного участника – то, что отделяет каждого участника от других, его физическая и психологическая идентичность. Внутренние границы отдельного участника группы – эти границы структурируют психическое пространство индивида. В рамках психоаналитической парадигмы можно говорить о границе между субъективной и объективной реальностью, сознательным и бессознательным, о границах между Супер-Эго, Эго и Ид.

Барбара Эллиот (*Эллиот*, 1995) выделяет четыре категории действий в групп-анализе, которые направлены на установление и поддержание группы как единого целого. Эти рекомендации могут быть также использованы в психодинамическом командном коучинге. Первые действия – это действия, направленные на работу с каждым участником группы: его добровольное участие, запрос и мотивация к изменениям, его количество «внутренней боли», сила Эго, способность развивать отношения, готовность следовать сеттингу. Вторые действия – это действия в отношении группы: релевантный задаче состав группы, готовность группы следовать правилам и сеттингу и соблюдать конфиденциальность. Третьи

действия направлены на организацию пространства и его постоянство. Четвертые – действия в отношении самого коуча, направленные на его способность охранять границы группы и границы конкретного участника.

– Полномочия – они дают право выполнять работу, использовать ресурсы и принимать решения. Здесь стоит упомянуть концепцию полномочий и власти (*authority and power*) и определить различия между властью (*authority*) как атрибутом роли и властью (*power*) как атрибутом личности (*Reed and Armstrong, 1988*).

Полномочия всегда связаны с ролью команды и ролью члена команды. Когда человек берет на себя определенные полномочия, предполагается, что он берет на себя и ответственность за свои действия. Говоря о полномочиях, стоит сказать о процессе авторизации или процессе получения этих полномочий. Различают три типа полномочий: полномочия сверху – формальные полномочия, которые предоставляются вышестоящим руководством; полномочия снизу – формальные или неформальные полномочия, предоставляемые подчиненными или коллегами, власть санкционируется или удерживается подчиненными или коллегами; полномочия изнутри – человек сам авторизует себя и берет формальные или неформальные полномочия (*Green & Molenkamp, 2005*). Полноценное право на работу приходит только с получением всех трех авторизаций. «Чтобы взять на себя роль, нужно быть способным сформулировать или открыть, пусть и интуитивно, регулирующий принцип внутри себя, который позволяет человеку управлять тем, что он делает, в соответствии с требованиями ситуации, в которой он находится как член этой организации или группы» (*Palmer.B, 1998, p. 3*).

– Роль – «место, где встречается организация и личность» (*James Kranz на семинаре в НИУ ВШЭ в апреле 2020*). Можно продолжить эту мысль, роль – это место, где встретятся организация и команда, когда идет речь о роли команды для организации. Помимо формальных (официальных) ролей, которые реализуют члены команды, они также принимают на себя неформальные роли, которые, как правило, являются следствием того, что человек привносит в роль, или того, что неявно требуется команде. Говоря о роли, стоит сказать (вспомнить) о валентности человека к роли. Например, человек, склонный сопротивляться и критиковать все новое, станет очень активным в группе, где существует тревога касательно изменений. Неформальные и формальные роли, которые принимает на себя человек, частично продиктованы его валентностью. Роль неразрывно связана с полномочиями и границами, неправильное восприятие роли может привести к неправильному восприятию полномочий и границ.

– Задача. Каждый человек, вовлеченный в командную задачу, привносит свое видение и восприятие задачи. Конфликты возникают тогда, когда восприятие задачи одного человека / группы отличается от восприятия

задачи другого человека / группы. Именно граница полномочий в сочетании с границей задачи помогает понять задачу и обеспечить успешное ее выполнение. Отсутствие ясности на границе власти может привести к хаосу, тревоге и ощущению опасности, это подтолкнет группу к реализации задачи выживания (*Green & Molenkamp, 2005*). Первичная задача и задача выживания сосуществуют, иногда задача выживания находится на службе у первичной задачи или является дополнительной, но в основном она находится в конфликте с первичной задачей. Наконец, есть задача процесса, которая позволяет членам команды отрефлексировать свою динамику: исследовать вопросы конкуренции и авторитета, межличностные отношения, поведение участников команды и группы в целом; то есть позволяет уделить внимание задаче выживания, но не активировать ее. Выделение времени для задачи процесса позволяет уменьшить количество нештатного поведения и улучшить работу над первичной задачей. Такое время для задачи процесса может быть выделено, например, в конце регулярных встреч команды.

Получение психодинамического материала и работа с ним

Килбург в своей статье «When Shadows Fall» (*Kilburg, 2004*) выделяет 19 методов, позволяющих получить психодинамический материал и работать с ним. Некоторую часть приведенных в его статье методов можно объединить в две группы: недирективные и директивные отклики слушания.

Недирективные отклики слушания не предназначены для управления участниками, они позволяют участникам группе свободно и открыто говорить о том, что волнует. К данным приемам относятся: молчание, рефразирование, прояснение, обобщение (*Соммерз-Фланаган, 2006*). Неструктурированная ситуация, которая организуется посредством недирективных методов, провоцирует тревогу участников, а тревога рождает проекции и фантазии. Задача коуча – дать группе пространство и возможность исследовать свои фантазии, исследовать свое бессознательное. Молчание можно считать самым недирективным из всех откликов слушания. Оно может приносить успокоение, а может создавать напряжение. Молчание дает участникам больше пространства, которое они могут заполнить вопросом, рассказом, каким-то проявлением себя, обсуждением, молчанием и осмыслением. Коуч может много дать группе, если будет соблюдать спокойствие и молчание.

Директивные отклики слушания – это приемы, которые ставят коуча в позицию дирижера. Использование данных приемов требует от коуча межличностной и профессиональной чуткости. К данным приемам относятся: валидизация и интерпретативное отражение чувств, интерпретация, конфронтация, вопросы (*Соммерз-Фланаган, 2006*). Валидизация чувств и интерпретативное отражение чувств позволяют не только участнику

или группе понять свои чувства, но и принять их как естественные, а это приносит чувство полноценности. Интерпретация как «содействие превращению чего-либо неосознаваемого в осознанное посредством называния его в тот момент, когда оно стремится вырваться наружу» (Соммерз-Фланаган, 2006, С.129), помогает достичь нового уровня самосознания. Коуч направляет свои интерпретации на протекающие в группе актуальные процессы: регрессивные движения, фантазии, формирующиеся коалиции, отзеркаливающие феномены, повторяющиеся конфликтные ситуации, параллельные процессы. Конфронтация помогает продемонстрировать поведенческие несоответствия и противоречия и вместе с этим добиться более ясного восприятия реальных действий. Конфронтация также является одним из способов работы с сопротивлением без интерпретации его содержания и источника.

Люди и команды могут решать свои внутренние конфликты, мобилизовать свои ресурсы и предпринимать разумные действия только в том случае, если они могут справиться со своей тревогой и тревога не мешает им использовать свой интеллектуальный потенциал для анализа, предвидения, планирования и реализации задуманного.

Заключение: психодинамический коучинг и организационное развитие

«Организации-респонденты считают командный коучинг более масштабным способом организационного развития для изменения корпоративной культуры, наделения властными полномочиями и сотрудничества. Командный коучинг демонстрирует эффективность как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе» (Королихин, 2014, с. 19). Развитие – это всегда интеллектуальный и эмоциональный процесс. Коуч имеет дело с интеллектуально развитыми людьми, но все эти люди иногда «застревают» в своем процессе развития из-за наличия тревоги и эмоциональных барьеров, которые психоаналитический коучинг помогает нащупать, осознать и преодолеть. Настоящее развитие и обучение должно включать голову, сердце и интуицию (Kets de Vries, 2015).

Психодинамический подход помещает внимание коуча и участников за пределы поведенческих наблюдений к защитным источникам неэффективного поведения, идет работа с внутренними ограничениями, которые мешают команде достигать большего и лучшего для результата, и эта работа всегда сопровождается сопротивлением. «Любое изменение сопровождается сопротивлением. Если сопротивления нет, это означает, что изменения фальшивы» (Россохин, 2018, с. 5). Системно-психодинамический подход в коучинге и консультировании позволяет работать с командой и организацией целостно. Анализ команды, ее взаимоотношений с организацией, самого организационного контекста дает возможность более здраво определять направления для изменений, которые затрагивают не только команду и область командных взаимоотношений, но и другие сферы организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлачук Л.Ф. Психотерапия: Учебник для ВУЗов // Л.Ф. Бурлачук, А.С. Кочарян, М. Е. Жидко. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2007. 480 с.
2. Королихин А.В. Рынок коучинга в России и за рубежом: статистика и тенденции развития // Организационная психология. 2014.Т. 4. № 1. С.17–24.
3. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2015. 592 с.
4. Россохин А.В. Персона. 2018. [https://www.hse.ru/data/2018/04/19/1150489095/24%20\(2018\).pdf](https://www.hse.ru/data/2018/04/19/1150489095/24%20(2018).pdf) Просмотрено:10.08.2020
5. Соммерз-Фланаган Д. Клиническое интервьюирование // Д. Соммерз-Фланаган, Р. Соммерз-Фланаган. 3-е изд., доп. М.: Вильямс, 2006. 672 с.
6. Хиншелвуд Р.Д. Контрперенос и терапевтические отношения. Новейшие изменения в кляунианской технике. 2007. <https://psyjournal.ru/articles/kontrperenos-i-terapevticheskie-otnosheniya-noveyshie-izmeneniya-v-klyaunianskoj-tehnike> Просмотрено:10.08.2020
7. Эллиот Б. Динамическое администрирование. Стенограмма лекции для вводного курса IGA, 1995. <https://psyinst.moscow/biblioteka/?part=article&id=1499>Просмотрено:10.08.2020.
8. Bain A. (1998) Social defenses against organizational learning // Human Relations, Vol. 51. No. 3. P. 413–429.
9. Bennis W.G., Shepard H.A. (1956) A Theory of Group Development // Human Relations, Vol. 9. November. P. 415–437.
10. Cilliers F., Koortzen P. (2005) Working with conflict in teams: The CIBART model // HR Future, October. P. 51–52.
11. Green Z.G., Molenkamp R.J. (2005)The BART System of Group and Organizational Analysis Boundary, Authority, Roleand Task.<https://www.akriceinstitute.org/free-papers> Просмотрено: 10.08.2020
12. Hirschhorn L. The Tavistock (2010) Model of Organizational Psychodynamics: Bridging Psychoanalysis and Simulation in an Exploratory Study. <https://www.researchgate.net/publication/328253113> Просмотрено: 10.08.2020
13. Hutton J., Bazalgette J., Reed B. (1997) A paper published in «Developing Organisational Consultancy» (Ed Jean E. Neumann) Routledge. https://www.grubbinstitute.org.uk/wp-content/uploads/2014/12/034_Organisation-in-the-mind.pdf Просмотрено:10.08.2020
14. Hutton J. (2014) Working with the concept of Organisation-in-the-Mind. https://www.grubbinstitute.org.uk/wp-content/uploads/2014/12/034_Working-with-the-concept-of-organisation-in-mind.pdf Просмотрено:10.08.2020
15. Kets de Vries M. Coach and Couch 2nd edition: The Psychology of Making Better Leaders // M. F. R. Kets de Vries, C. Rook, K. Korotov, E. Florent-Treacy. UK: Palgrave Macmillan UK, 2015. 270 p.
16. Kets de Vries M. (2014) The Group Coaching Conundrum // International Journal of Evidence Based Coaching and Mentoring. Vol. 12(1). P. 79–91.
17. Kilburg R.R. (2004) When Shadows Fall: Using Psychodynamic Approaches in Executive Coaching / R.R. Kilburg // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. Vol. 56. No .4. P. 246–268.

18. *Lawrence W.G.* (1996) The fifth basic assumption/ W.G. Lawrence, A. Bain, L. Gould // *Free Associations*. Vol. 6. Part 1. No. 37. P. 28–55.
19. *Lee G.* Chapter The Psychodynamic approach to coaching. *The Complete Handbook of Coaching* edited by Elaine Cox, Tatiana Bachkirova, David Clutterbuck. 2014. 436 p.
20. *Molenkamp R.J., Hayden C.* (2002) The Tavistock Primer II. <https://collabscoopscoalitions.files.wordpress.com/2018/03/tavistock-primer-ii.pdf>
Просмотрено: 10.08.2020
21. *Palmer B.* (1998) The Tavistock Paradigm: Inside, Outside and Beyond. https://pdfs.semanticscholar.org/a7a3/480a41c2f600a28b75558c8d68294343ced6.pdf?_ga=2.39913506.1065102971.1597077534-1359614187.1589910112
Просмотрено: 10.08.2020
22. *Perls F.S.* *Gestalt Therapy Verbatium* / F.S. Perls. Lafayette, CA: Real People Press, 1969. 302 p.
23. *Thornton C.* *Group and Team Coaching: The Secret Life of Groups* / Thornton, Second edition. UK: Routledge, 2016. 304 p.
24. *Winnicott D.W.* *Playing and reality* / D.W. Winnicott. New York: Tavistock, 1982. P. 38–52.

Team Coaching: A Psychodynamic Approach

E.V. Dzhabar-Zade

Dzhabar-Zade Ekaterina Viktorovna – Master of psychology (HSE University, Moscow), organizational psychologist, psychodynamic organizational consultant and coach, teacher of masters' programme "Psychoanalysis and psychoanalytic business-consulting" HSE University, member of International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO), member and certified coach of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC). Ekaterina has over 18 years of experience as an internal and external expert working with middle- and top-managers, teams, top-talents, in-house coaches and staff development specialist in big russian and international companies (IT, Telco, FMCG, Banking, Retail, HR consulting etc).

In modern world information is easy to get while environment constantly changes so the ability to learn fast and to act within uncertainty is a competitive advantage of a company. Business becomes more a project-like, needs horizontal management and requires from employee not only expertise but well-developed cross-functional communication skills, high emotional quotient for difficult negotiations, readiness for change and to introduce changes, winning over own resistance to transformations as well as others. Despite the fact that more and more processes turn automated the most subtle and complicated emotional moments are still a human privilege. Coaching is a longtime partner of organizational development as a team-coaching comes to replace indoor- and outdoor-trainings for team-building.

There is a psychodynamic approach to team-work in this article that allows to study not only rational, conscious and known, as well as irrational, controversial and confusing assumptions, feelings; intrapersonal, interpersonal, intergroup and organizational conflicts that lead to dysfunctional patterns of thinking and behaviour of team members and organizations as a whole.

Keywords: team coaching, group dynamic, psychodynamic of organizations, psychodynamic coaching, team development, psychoanalysis of organizations, organizational development.

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Групповые защитные механизмы в психотической организации

Д.В. Мусатов, А.С. Евдокименко

Мусатов Дмитрий Владимирович – выпускник магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ «Высшая школа экономики», имеет опыт более 15 лет в бизнес-консультировании.

Евдокименко Александр Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ «Высшая школа экономики».

В исследовании представлены современные подходы к анализу групповых процессов в рамках психоаналитического подхода к анализу организаций. Подробно рассмотрена история развития понятийного аппарата и представлений о группах базового допущения. Также изучены существующие подходы к анализу организационных групп и человеческому капиталу в организациях.

Ключевые слова: группа базовых допущений, психоаналитический метод, социальная структура организации, защитные механизмы группы, групповое напряжение.

Подходы к групповым процессам

Исследования человеческого поведения в группах и организациях до определенного момента представляли собой отдельные разрозненные работы, авторы которых, в силу различных культурных и социальных условий, подходили к рассмотрению функционирования групп и организаций с разных точек зрения.

Среди исследователей, внесших вклад в становление знаний об организационной структуре (*Emery, Trist, 1969*), необходимо отметить М. Вебера, который предложил деление организаций на «харизматичные», «традиционные» и «рационально-легальные»; К. Левина, внесшего значительный вклад в исследование работы групповой динамики; З. Фрейда, основоположника психоаналитической теории, который предлагал рассматривать функционирование групп, организаций и общества через

призму данной теории; Ф. Тейлора, чьи идеи об основной мотивации работы сотрудников сводились к высоким материальным показателям труда; Х. Файоля (*Fayol, 1949*), основоположника теоретического анализа управленческой работы (*Robert De Board, 1978*).

Вышеуказанные исследователи, концентрируясь на различных аспектах функционирования организации, тем не менее создали предпосылки для дальнейшей работы над исследованием групповых и организационных процессов. Среди них можно отметить Хоторнский эксперимент Э. Майо, «групповые нормы» М. Шерифа и других известных авторов. Так, например, исследования К. Левина, посвященные тематике стилей управления, показали, что поведение группы может быть связано с различными качествами лидера. Разделив мальчиков-подростков на четыре группы по интересам и предоставив каждой лидера, использующего свой лидерский стиль, ученые фиксировали особенности поведения участников в группе. В группе с авторитарным стилем подростки проявляли меньше инициативы, больше беспокойства и агрессии по отношению друг к другу, а также незаинтересованность в целях группы. При этом подавляющее большинство участников выразили предпочтение демократическому стилю управления (*Robert De Board, 1978*).

Вышеуказанные исследования позволили открыть множество ранее неизвестных особенностей функционирования организаций и групп, заняв важное место в области социальной психологии. Полученные результаты и выводы этих основополагающих работ стали фундаментом для старта интереса к изучению института организации, что привело к большому количеству теоретических подходов в данной области.

Эти подходы можно объединить в шесть категорий: теории управления, структурные теории, групповые теории, индивидуалистические теории, технологические теории и экономические теории.

Рассматривая организационные теории с точки зрения групповой динамики, можно выделить следующие подходы:

1. Теория поля, основоположником которой является Курт Левин. Термин «поле» используется для описания различных взаимозависимых сил, определяющих поведение личности в ее «жизненном пространстве». Исследования К. Левина внесли большой вклад в развитие знаний о групповой динамике;

2. Теория интеракции, согласно которой группа – это система взаимодействующих друг с другом индивидов;

3. Теория систем, которая получила свое признание в широком ряде дисциплин и основана на представлении о системе как комплексе взаимосвязанных позиций и ролей;

4. Психоаналитическая теория – изначально разработанная З. Фрейдом и получившая свое развитие в русле групповых процессов в работах С. Шейдлингера и У. Биона. Главная концепция подхода – большое влияние на групповые процессы таких феноменов психики, как идентификация, тревога, защитные механизмы и бессознательное. Данные теоретические разработки получили широкое распространение в работах, связанных с изучением групповой динамики;

5. Социометрический подход, основанный на внутриличностных выборах как основном факторе, связующем людей;

6. Когнитивная теория, являющаяся одной из самых влиятельных среди подходов к изучению человеческого поведения и представляющая собой скорее «точку зрения» на процессы получения и интеграции индивидом информации, а также ее влияние на его поведение – например, теория «когнитивного диссонанса» Л. Фестингера (*Festinger, 1957*);

7. Эмпирико-статистически ориентированный подход, основанный на попытках изучить групповые особенности через статистические процедуры, например с помощью личностных методик, и разработать модели эффективных групповых процессов (*Robert De Board, 1978*).

Несмотря на разницу в подходах к рассмотрению особенностей групповой динамики, авторы всех вышеупомянутых подходов разделяют четыре общих предположения о группах:

- Образование групп неизбежно и повсеместно;
- В группах активизируются силы, производящие важные для индивидов эффекты;
- Группы могут производить как хорошие, так и плохие результаты;
- Правильное понимание групповых динамик (*Bushe, G.R., Marshak, 2014; 2015*) может помочь найти способы интервенций, возможных для достижения желаемого результата деятельности группы (*Corrigan, 2015; Heifetz, 1998*).

Как можно заключить из вышесказанного, использование знаний о групповых процессах может служить необходимым условием для эффективной работы с группами и построения оптимальной групповой работы, что является крайне важным при работе организации и выстраивании организационных процессов (*Gilpin-Jackson, 2013, 2015; Marshak, 2006*).

Для того чтобы лучше понять психоаналитические взгляды на принципы работы групповых процессов, необходимо более подробно ознакомиться с теоретическими предпосылками данного подхода.

Психоаналитические предпосылки изучения групповых процессов

3. Фрейд, основоположник психоаналитического подхода, стремясь объяснить не только поведение индивидов, но и функционирование образованных ими групп, обращается к понятию «либидо» – энергии тех инстинктов, которые связаны со всем, что подразумевается под словом «любовь». С его точки зрения, группа происходит из эмоциональных связей ее участников, являющихся проявлением энергии либидо (*Robert De Board, 1978*).

Основным процессом, который необходимо рассмотреть в связи с тематикой групповых процессов, является идентификация. Идентификация известна как самое раннее проявление эмоциональной связи с другим человеком. Рассматривая индивидуальный случай, можно привести пример маленького мальчика, который хочет вырасти похожим на своего отца. В ситуации группы идентификация может работать посредством желания

каждого ее члена быть похожим на общего лидера, таким образом обеспечивая эмоциональные связи всех участников друг с другом через общую либидинальную связь с лидером.

В процессе идентификации индивид, желающий быть похожим на другого, присваивает его, или интроецирует этого человека в свое Эго. Таким образом, основным связующим механизмом участников группы является «интроективная идентификация».

Объясняя процесс интроецирования образа лидера в группе, З. Фрейд использует понятие «эго-идеала» – дифференцированной структуры Эго, ответственной за самонаблюдение, моральную совесть, цензуру сновидений и главную роль в вытеснении (Фрейд, 2017).

Согласно воззрениям Фрейда, в процессе идентификации интроецируемый объект – в случае группы лидер – или дополняет, или заменяет эго-идеал, как, например, происходит в структуре армии страны, когда каждый солдат идентифицируется с главнокомандующим и заменяет им свой эго-идеал.

Другим примером является состояние влюбленности – когда индивид может обогатить свое Эго с помощью интроекции или, наоборот, обеднить – заменив свой эго-идеал объектом влюбленности (*Robert De Board, 1978*).

Суммируя вышерассмотренные идеи, Фрейд определил первичную группу как сообщество индивидов, которые выбрали один и тот же объект для замены своего эго-идеала и тем самым идентифицировались друг с другом внутри своего Эго.

Развивая психоаналитические идеи в рамках организационного взаимодействия, Ш. Ференци (*Ferenczi, 1952*) считает важным рассмотреть и другое открытие Фрейда, в частности феномен переноса.

Понятие переноса, открытое в процессе индивидуального анализа пациента, заключалось в том, что пациент «переносил» на аналитика свои чувства страха, ненависти и любви, которые до этого были вытеснены в бессознательное. Осознание переноса и анализ этих чувств стали основной тематикой фрейдистского психоанализа.

Ш. Ференци (*Ferenczi, 1916*) расширил представления о переносе, раскрыв, что феномен переноса существует не только в индивидуальном анализе, но проявляется повсеместно в обычной жизни. Он обратил внимание на то, что одни люди – параноидального типа – постоянно переносят свои вытесненные чувства на внешний мир, используя механизм проекции, а другие – невротического типа – наоборот, интроецируют элементы окружающего мира внутрь себя. Рассматривая две стороны процесса идентификации – проекцию и интроекцию, он смог описать раннее развитие младенца и его Эго (*Robert De Board, 1978*).

Изложенные им идеи важны для понимания механизмов функционирования групп, в частности принципов работы защитных механизмов в организациях. Чтобы лучше понять, почему эти механизмы оказывают влияние на работу организаций, необходимо обратиться к работам М. Кляйн (2001, 2012).

Психоаналитическая теория всегда относилась к детскому развитию как к ключевому моменту в понимании поведения взрослого человека (Кляйн М., 2008; *O'Rourke, James, 2006*). Психика ребенка намного проще устроена, ей еще только предстоит развитие в сложную и многомерную психодинамическую систему взрослого (Фрейд, 2017). В мире ребенка не так много объектов, как в мире взрослого, и единственными четко определенными чувствами являются переживания боли и удовольствия, которые могут полностью затопить его эмоции.

В отличие от взрослого, многое из происходящего с ним ребенок испытывает впервые, и из таких первичных опытов формируются дальнейшие паттерны его поведения.

Отношения ребенка с матерью, таким образом, являются крайне важными для его дальнейшего развития, так как это первые отношения ребенка вообще, и в какой-то степени они влияют на формирование всех его будущих отношений (Фрейд, 2017).

Рассматривая раннее развитие ребенка начиная с первых дней его жизни, М. Кляйн концептуализирует и описывает умственные процессы, происходящие с ребенком. Согласно ее воззрениям, мир ребенка не только прост, но крайне примитивен и состоит из единственного объекта – материнской груди. Первые отношения младенца строятся не с матерью, а только ее частью, грудью. Это и является, согласно кляйнианской теории, первичным отношением, влияющим в дальнейшем на становление и развитие всех будущих отношений ребенка.

Материнская грудь, являясь единственным объектом мира младенца, может становиться источником полного удовольствия или всепоглощающей фрустрации. Эти протекающие во внутреннем мире младенца процессы, согласно М. Кляйн, продолжают работать и во взрослом возрасте, будучи причинами как нормального, так и абнормального поведения (Кляйн, 2001, 2012).

Центральными процессами формирования первичных объектных отношений кляйнианская теория считает механизмы проективной и интроективной идентификации.

В истоках происхождения поведенческих механизмов лежит несколько базовых понятий. Это Эго, центральная часть личности, которая управляет внутренними процессами и служит посредником между внешним и внутренним миром индивида. Либи́до, или энергия жизни, которая связана со всеми чувствами, которые мы ассоциируем со словом «любовь». И мортидо, противоположность либи́до, или инстинкт смерти.

В начале своей жизни младенец испытывает тревогу, вызванную проживанием мортидо, что ощущается как страх преследования или уничтожения.

Чтобы объяснить дальнейшие стадии, необходимо обратиться к вышеупомянутым механизмам проективной и интроективной идентификации.

Младенец, переживая страх уничтожения, идентифицирует неприятные переживания, связанные с ним, с единственным доступным объектом – материнской грудью. Соответственно, она воспринимается как преследующий внешний неконтролируемый объект. Затем происходит обратный

процесс, и она интроецируется вовнутрь неразвитого Эго, становясь внутренним преследователем, подкрепляющим страх разрушительных импульсов ребенка.

Однако в реальности грудь обеспечивает ребенка интенсивными переживаниями счастья и удовольствия во время кормления. Переживая грудь как источник двух совершенно разных чувств, младенец начинает относиться к ней как к двум разным объектам: «хорошей» груди и «плохой» груди. В основе этого лежит механизм «расщепления», являющийся одним из основных понятий в теории М. Кляйн.

Эго «расщепляет» объект: избавляется от «плохой» груди, проецируя ее вовне, и сохраняет «хорошую» грудь, интроецируя ее вовнутрь. Таким образом, интроецированная «хорошая» грудь становится частью Эго, представляя собой первый внутренний хороший объект. «Плохая» грудь становится и внешним угрожающим объектом, и внутренней угрозой внутри эго (*Robert De Board, 1978*).

Так происходит формирование первых объектных отношений и самых ранних переживаний любви и ненависти. Теория М. Кляйн описывает ранние психические процессы ребенка, опосредованные внутренними и внешними объектами. Необходимо отметить, что происходящее с младенцем в реальности так же воздействует на протекание этих процессов. Так, степень удовлетворения, которое получает ребенок посредством материнской груди, определяет, насколько «хорошая» грудь сможет укрепить его Эго и будет ли его либидо спроецировано на внешний объект. Или, наоборот, этого может не произойти, и тревоги, связанные со страхом уничтожения возрастут, выражаясь в садистских фантазиях относительно груди, а также возросшей тревоге преследования внутренней плохой груди.

Таким образом, фантазийный мир ребенка состоит из процессов расщепления, проекции и интроекции.

Другими важными для дальнейшего развития аспектами являются процессы идеализации и отрицания. Чем больше младенец испытывает страха уничтожения, тем больше он преувеличивает хорошие аспекты внутренней груди, идеализируя ее и в то же время отрицая плохую грудь и связанные с ней негативные переживания. Но поскольку объект – плохая грудь – связан с Эго, отрицается не только сам объект, но вместе с ним уничтожается и часть самого Эго.

Вышеупомянутые процессы являются частью нормального развития, однако успех младенца в проживании этих сложных процессов может в дальнейшем выражаться как в нормальном, так и абнормальном поведении.

Так, например, взрослые личности, испытывая тревогу, могут обращаться к своим ранним переживаниям и использовать процессы проективной и интроективной идентификации в качестве защитных механизмов от неприятных переживаний.

Рассмотрение вышеизложенных механизмов функционирования детской психики, как можно увидеть, было крайне необходимым для понимания поведенческих аспектов взрослых индивидов.

Психоаналитическая теория, однако, не остановилась на рассмотрении данных процессов лишь на индивидуальном уровне – и далее будут рассмотрены механизмы работы защитных механизмов в группах, что имеет крайне важное значение для понимания специфики функционирования рабочих коллективов организаций.

Защитные механизмы в групповом и организационном поведении

У. Бион, создатель одной из самых оригинальных теорий групп (Бион, 2008; Гринберг, 2007) и организационного поведения, опирался в своих работах на идеи М. Кляйн, в качестве основных механизмов защиты групп – в частности, рабочих групп организации, – рассматривая механизмы проективной идентификации, расщепления, идеализации и отрицания (*Geldenhuys, Levin, Van Niekerk, 2012*).

Его разработки в области изучения групповых процессов (*Bion, 1961, 1999, 2014*) начались с проведения Нортфилдского эксперимента. Работая в психиатром в военном госпитале для солдат Нортфилда, он столкнулся в интересным феноменом: неврозы пациентов выражались не только в их пониженном моральном настрое, грязных палатах и апатии, но и в том, как они постоянно оказывались втянуты в административные проблемы, как со стороны пациентов, так и со стороны работников (*Bleandonu, 1994*).

Он предположил, в терминах армии, что, для того чтобы восстановить дисциплину, необходимо объединить мужчин против общего врага – и природу невроза отнести к проблемам организации, а самих членов организации поощрять работать совместно для его преодоления.

Так, мужчины оказались разделены на группы, вовлеченные в различную деятельность, например чтение карт, изготовление ручных изделий и тому подобное. Также они посещали ежедневный обязательный парад, во время которого обсуждали деятельность отделения.

Бион заметил, что пациенты стали проявлять больше инициативы и брать на себя больше ответственности, поднялся боевой дух, появилось больше групп, а палаты стали заметно чище.

Основными изменениями стала заинтересованность пациентов в их возможности вступать в контакт с реальностью и эффективно работать в кооперации над общими задачами (*Robert De Board, 1978; Dicks, 1970*).

Данный эксперимент положил начало насыщенной работе над исследованием групповых процессов и позволил позже сформулировать основные положения теории работы группы:

1. Индивидуальная психология является фундаментом групповой психологии: поведение одного члена группы влияет на поведение других и наоборот.

2. Рациональные аспекты работы группы глубоко затронуты эмоциональной сферой и иррациональными чувствами ее участников. Полный потенциал группы может быть реализован, если группа в состоянии осознать и проработать эти чувства.

3. Административные и управленческие проблемы одновременно являются личностными и межличностными проблемами, выраженными в организационных терминах.

4. Группа может развиваться, когда учится опыту установления больших связей с реальностью.

Продолжив свои исследования поведения людей в группах в различных организациях, ученый заметил, что существуют определенные паттерны общения людей в группах, построенные на предположениях, вокруг которых строится дальнейшее поведение всех членов группы. Он назвал такие предположения «базовыми допущениями».

Теория групп базового допущения – одна из центральных частей теории Биона.

Во время работы группы, раскрывал ученый, ее члены могут вести себя так, как если бы все они поддерживали какое-то базовое предположение, которое напрямую влияло на активность группы, в частности на рациональные аспекты стоящих перед группой задач и целей (*Robert De Board, 1978; Eeden, Cilliers, 2009*).

Согласно данной теории (*Bion, 2014*), существуют три отдельных эмоциональных состояния группы, из которых могут вытекать три базовых допущения группы. В текущий момент времени может наблюдаться работа только одного базового допущения, хотя они могут меняться три или четыре раза за час или сохраняться до трех месяцев.

Выделяют три типа групп базового допущения (в зависимости от ведущего ожидания):

1. группы зависимости;
2. группы образования пар;
3. группы бегства–атаки.

Группы зависимости. Когда группа работает, исходя из базовой установки зависимости, она ведет себя, как если бы ее участники встретились для того, чтобы получить материальную и духовную поддержку, заботу и защиту от лидера.

Соответственно, участники такой группы проявляют незрелое и неадекватное поведение, не имея необходимых знаний, которые можно предложить взамен. В то же время они ведут себя, как будто их лидер всемогущий и всезнающий и способен магическим образом решить все их проблемы.

Научные методы работы чужды данной группе, так как для ее участников энергия для разрешения всех проблем представляет собой магический источник в лице лидера, которого можно возвести в разряд бога.

Подобное поведение группы работает, если есть кто-то, готовый принять на себя роль, которая будет соответствовать желаниям группы (*Bion, 1961, 1999, 2014*).

Данное базовое допущение существует для успешной защиты группы от реальности. Сама динамика группового поведения возникает из внутренних фантазий (практически как у младенца, охваченного первичной тревогой) группы, представляя собой определенное корпоративное

безумие, в которое впадает каждый ее участник и которое подавляет любые проявления независимого мышления или совместной работы.

Однако необходимо отметить, что ни один участник группы априори не может выполнить все ожидания группы. Любой, кто осмелится взять на себя эту роль, рано или поздно столкнется с враждебностью и агрессией группы.

После того как группа свергает не оправдавшего ее ожидания лидера, как правило, на его место приходит ее самый «нездоровый» член, и спустя какое-то время процесс повторяется. Такие колебания между «плохим» и «хорошим» лидером могут в конечном счете привести к таким взрывным эмоциональным ситуациям, которые невозможно будет сдерживать внутри группы – процесс будет распространяться на другие группы, пока наконец не затронет достаточно внешних объектов для поглощения реакции.

Другим вариантом может стать разделение группы на подгруппы, одна из которых будет манипулировать лидером, чтобы установить безболезненные способы поддержания существования группы в ущерб ее развитию, а вторая – манипулировать лидером для обеспечения условий, в которых никто не сможет к ней присоединиться.

Группы образования пар. Когда группа работает по базовому допущению образования пар, ее участники ведут себя так, как если бы они встретились для того, чтобы объединиться и создать нового – пока еще не рожденного – лидера.

Основным механизмом работы группы данного допущения является надежда, что появится Мессия, способный избавить их от страхов и тревог. Эта надежда проявляется в их повышенных ожиданиях от того, что в этот раз продукт их деятельности обязательно получится более грандиозным, чем в прошлый раз. Однако эти надежды заранее обречены на провал, так как они могут существовать только до тех пор, пока Мессия остается нерожденным.

Таким образом, как только в данной группе появляется лидер, надежда ослабевает, так как он не способен избавить ее от собственных от страхов и тревог, которые возникают внутри группы и несут в себе эмоции разрушения, отчаяния и ненависти.

И опять, основное допущение данной группы является защитным механизмом группы. Оно помогает группе не вступать в контакт с реальностью, сохраняя ее закрытой системой. Динамика группы возникает внутри, позволяя фантазиям о том, что может произойти, заслонить ее участников от наблюдения за тем, что происходит в реальности.

Группы бегства–атаки. Группа базового допущения «бегство–атака» (или «бегство–борьба») является группой, участники которой встретились для того, чтобы бороться с чем-либо или бежать от этого, и с равной готовностью могут сделать то или другое.

Пока группа находится в данном допущении, ее участники будут игнорировать любые другие виды деятельности или, если не справятся, попытаются подавить их или сбежать от них.

В этой группе роль лидера важнее, чем в двух других группах базового допущения, так как его функция – сохранение группы.

Человек, который примет на себя роль лидера в данной группе, должен быть готов вести группу против общего врага, а если такого не существует, создать его.

Ожидается, что он будет осознавать угрозы и распознавать врагов, а также побуждать членов группы к храбрости и самопожертвованию.

Такое лидерство основано на паранойяльной фантазии: «они», тотальное зло, угрожают группе и потому должны быть атакованы и уничтожены. После того как враг обезврежен, лидер игнорируется, как и всего его высказывания, если они не относятся к базовому допущению группы.

Работая на данном допущении, группа не может развиваться или продуктивно работать, потому что вся ее энергия сосредоточена на групповых фантазиях.

Точно так же реальность не осознается участниками группы, в противном случае необходимо будет столкнуться с пугающей правдой о том, что настоящий враг является не внешней угрозой, а внутренней (*Robert De Board, 1978*).

Четвертый вариант базовых допущений был позднее добавлен *Turquet (1974)*: базовое допущение единства (тождественности); и выделен пятый: «себя-центризм» (*me-ness*), обособленность, «Мне» (*Lawrence et al., 1996*).

Цели группы и реальность. Каждая группа, будь то крупная организация или студенческий клуб, имеет перед собой определенные реальные цели.

Для того чтобы достигать этих целей, участникам группы необходимо взаимодействовать друг с другом и с мудростью подходить к организации административных и формальных структур. Члены таких групп (в дальнейшем – «рабочие группы») осведомлены, что им необходимо учиться и улучшать свои навыки, как личностные, так и межличностные, чтобы иметь возможность вносить полноценный вклад в работу группы (*Eeden, Cilliers, 2009; Rioch, 1970*).

Однако в группах базового допущения существует негласная вера в то, что индивид уже имеет все необходимое для того, чтобы инстинктивно играть полную роль в деятельности группы.

Рабочая группа, как следствие, развивается и растет, а группа базового допущения – находится в стагнации или регрессе. Рабочая группа находится в контакте с реальностью, она функционирует как открытая система, осознавая, что необходимо прикладывать усилия для поддержания баланса сил между внешними процессами и процессами внутри группы. Группа базового допущения, в свою очередь, работает по принципу закрытой системы, игнорируя реальность и защищаясь от нее.

Необходимо отметить, что рабочие группы и группы базового допущения – не всегда разные группы, состоящие из разных индивидов. Одни и те же группы могут функционировать и в режиме рабочих групп, и в режиме базового допущения. Рабочие группы, столкнувшиеся с трудными ситуациями, могут переходить в режим зависимости, образования пар или бегства–борьбы, используя свою энергию для защиты от внутренних страхов и тревог, и таким образом не справляться с поставленными перед ними реальными задачами.

Рассматривая природу возникновения базовых допущений, Блон отмечал, что источник основных эмоциональных влечений возникает посредством процессов, описанных М. Кляйн (*Eeden, Cilliers, 2009*).

Страх преследования и тревога – характеристики инфантильной позиции – возникают в группе, когда ее члены сталкиваются с реальностью собственного поведения. Чтобы защитить себя от сложностей жизни в группе, индивиды могут обращаться к механизмам, описанным в теории Кляйна как ранние фазы психической жизни.

Базовые допущения, таким образом, являются специфическими проявлениями психотической тревоги внутри группы и защитными механизмами, направленными на совладание с этой тревогой (*Robert De Board, 1978; Eeden, Cilliers, 2009*). Их общая основа связана с механизмами расщепления и проективной идентификации, а также с примитивными тревогами объектных отношений.

С помощью этих процессов можно объяснить становление лидера группы, когда каждый ее участник расщепляет части своего Эго и проецирует их на избранного лидера.

В группах зависимости, например, главными механизмами являются расщепление, отрицание и идеализация (*Robert De Board, 1978; Eeden, Cilliers, 2009*). Хорошие части индивидов проецируются на выбранного лидера, а плохие – отрицаются. Таким образом, лидер становится объектом идеализации, богоподобной фигурой, наделенной абсолютной, можно сказать, магической, властью.

Когда группа регрессирует и обращается к подобным процессам (*Cooper, 1975, 1977*), ослабевает ее возможность достигать контакта с реальностью, как происходит в случае с примитивным инфантильным Эго, которое распадается в процессе расщепления и проекции в параноидально-шизоидной позиции.

Чем больше происходит попыток разделить «хорошую» группу от «плохой» группы, идеализируя одну и атакуя другую, тем больше индивиды обращаются к своим первичным объектным отношениям.

Так же как и младенец, проходя через депрессивную позицию, так и группа, если имеет своей целью развитие и укрепление, должна осознать, что хорошие и плохие части – это части одного целого, которые присущи каждому отдельному индивиду.

Если удастся достичь данной позиции, базовые допущения становятся непригодны, и группа возвращается к рабочему режиму функционирования.

Согласно теории систем, эффективность индивида заключается в осознании собственных границ и границ внешнего мира. Механизм проекции размывает эти границы, искажая реальность и представляя внутреннее содержимое как часть внешней реальности, что применимо в том числе и к групповым процессам (*Robert De Board, 1978; Eeden, Cilliers, 2009*).

Психоаналитически ориентированные подходы. Взгляд на организационные процессы через призму теории групповых процессов Биона предполагает оптимистичный взгляд на разрешение проблемы, так как все психоаналитически ориентированные подходы строятся на вере в возможности развития, изменения и улучшения.

Как только группа входит в контакт с реальностью и осознает, что сталкивается с собой, ее внутренние тревоги и ужасы отступают, открывая возможности для использования психической энергии для достижения продуктивной работы и развития.

Продолжая рассматривать организационное поведение в русле работы защитных механизмов человеческой психики, исследователи обращаются к теории М. Кляйн, для того чтобы проиллюстрировать работу механизмов защиты от параноидальной и депрессивной тревоги.

Согласно теории М. Кляйн, параноидальная тревога, которую испытывает младенец в первые месяцы жизни, разрешается им с помощью механизмов расщепления и проективной идентификации. Внутренний страх уничтожения проецируется на материнскую грудь, которая затем переживается как внутренний и внешний угрожающий объект.

То же самое, по мнению Э. Жака, происходит с индивидами в организации: они проецируют свои плохие внутренние объекты и импульсы на других членов этой организации, которые, осознанно или неосознанно, интроецируют их в свое Эго (*Eeden, Cilliers, 2009*).

Этот процесс можно проиллюстрировать на примере роли и фигуры первого офицера флота. По общему мнению, он является источником большинства проблем на корабле, включая те аспекты, за которые он не ответственен. Э. Жак считает, что остальные члены команды проецируют на него свои плохие внутренние объекты и импульсы, что дает им возможность избавления от собственной внутренней тревоги преследования. В то же время это позволяет капитану корабля остаться хорошей фигурой защитника (*Robert De Board, 1978*).

Достигая депрессивной позиции, младенец осознает, что плохие и хорошие объекты на самом деле являются разными сторонами одного объекта – так, например, мать может быть одновременно хорошей и плохой. Одновременно с этим он осознает, что и сам может любить и ненавидеть один и тот же объект, и испытывает стыд и вину за кажущееся разрушение любимого объекта.

Взрослые могут использовать защитные механизмы этого типа для того, чтобы справиться с тревогой уничтожения и не столкнуться с осознанием, что в реальности плохие и хорошие стороны являются разными аспектами собственного Эго.

Э. Жак (*Jaques*, 1994, 1997) иллюстрирует это феноменом «козла отпущения», когда группы большинства обвиняют различные меньшинства. Группы большинства сохраняют представление о себе как о «хороших» объектах, проецируя внутренние «плохие» черты на группы меньшинств.

Исследователь приводит примеры, основанные на личном опыте работы в инженерной компании «Глейшер Металс». Он наблюдал следующие особенности: несмотря на дружелюбную атмосферу в переговорах, работники относились к управляющим с чрезвычайным недоверием, а управляющие подчеркивали уверенность в ответственности работников, игнорируя очевидные свидетельства обратного.

Анализ данной ситуации с точки зрения функционирования социальных защитных механизмов помог объяснить возникающие трудности во взаимодействии сотрудников и управляющих. По мнению Э. Жака (*Jaques*, 1994, 1997), рабочие бессознательно расщепили управляющих на «плохих» и «хороших», при этом хорошие менеджеры – это те, с которыми они ежедневно работали, а плохие – те, с кем они вели переговоры. Проецируя свои «хорошие» импульсы, работники поддерживали дружелюбную атмосферу в рабочих отношениях с ними.

Нереалистичные ожидания управляющих, что рабочие могут выполнять свои обязанности с должной ответственностью, он объяснил механизмами идеализации, расщепления и отрицания. Управляющие, расщепив собственные управленческие обязанности на плохие и хорошие аспекты, спроецировали хорошие на работников, сделав их ответственными людьми. Отрицая плохие аспекты работников, они на самом деле отрицали свои собственные плохие аспекты и тем самым защищали себя от внутреннего преследования (*Robert De Board*, 1978).

Таким образом, подытоживая вышеописанные подходы к рассмотрению места защитных функций в группах, можно заключить, что защитные механизмы от тревоги в то же время являются защитными механизмами от реальности, когда внутренняя или внешняя ситуация становятся слишком невыносимыми и индивид регрессирует к примитивным способам защиты.

В организациях социальные защитные механизмы служат способом избегания чувств, связанных с тревожностью, виной и неопределенностью. Так как эти защиты требуют определенного количества энергии для поддержания своего функционирования, остается меньше ресурсов для выполнения первоочередной задачи, и группа не справляется с поставленными перед ней целями.

Защитные механизмы, таким образом, не только не справились с задачей снижения первичной тревоги, но и послужили фундаментом для возникновения вторичных тревог (*Eeden, Cilliers*, 2009).

Единственным способом продуктивного разрешения ситуации является встреча индивидов с настоящими, локализованными внутри них, причинами их тревог, что требует не только высокого уровня самоосознанности, но и достаточно крепкого Эго, чтобы справиться с ними.

Известно, однако, что количество используемых индивидом проекций зависит от нескольких факторов. Первый – это личная предрасположенность к использованию защитных механизмов, присущая индивиду черта. Второй – ситуация, в которой находится индивид, в частности, организационная структура и рабочий климат.

На рабочем месте социальная структура организации определяет условия, повышающие или понижающие уровень тревоги (*Robert De Board, 1978*).

Согласно исследованиям Райса (*Rice, 1958, 1963, 1965, 1969*) и Триста (*Trist at all, 1951, 1953, 1959, 1963*), такие рабочие факторы, как природа поставленных задач и структура организации, могут влиять на уровни тревоги, тем самым определяя уровень сил, потраченной на работу защитных механизмов.

Таким образом, работа и дизайн организации должны стремиться к воплощению рабочей среды, в которой психическая энергия может быть использована для выполнения задач, а опасности – разрешены методами разумной и продуктивной работы (*Robert De Board, 1978*).

Основываясь на теоретических и практических разработках в области групповых процессов организации, в частности изучении эффективности тренинговых групп в организационном консультировании, многие психоаналитически ориентированные исследователи рассматривают консультации, основанные на системном динамическом подходе, как эффективный инструмент для практической работы в организационной среде.

Консультант анализирует личные взаимоотношения в организации, между организацией и ее средой, посредством выборочных интерпретаций и обратной связи относительно скрытых и динамических аспектов данной системы.

Среди аспектов, которые необходимо рассмотреть, выделяют следующие: поддержание и регуляция границ, анализ задач, власть и лидерство, прояснение ролей, внутриорганизационные отношения, зависимость подгрупп и автономия.

Необходимо различать содержание – то есть конкретную задачу, и разные уровни процессов, происходящих в организации в целом, в подсистемах и в отдельных личностях (*Eeden, Cilliers, 2009*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бион У.Р. Внимание и интерпретация. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2010.
2. Бион У.Р. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008.
3. Бион У.Р. Элементы психоанализа. М.: Когито-Центр, 2009.
4. Гринберг Л. Введение в работы Биона. М.: Когито-Центр, 2007.
5. Кляйн М. «Зависть и благодарность» и другие работы 1955–1963 гг. Т. VI. Ижевск: ERGO, 2012.
6. Кляйн М. «Развитие одного ребенка» и другие работы 1920–1928 гг. Т. I. Ижевск: ERGO, 2008.

7. *Кляйн М.* Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.
8. *Фрейд З.* Введение в психоанализ // З. Фрейд. М.: АСТ, 2017. 320 с.
9. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции // З. Фрейд. СПб.: Питер, 2017.
10. *Bion W.R.* (1959) Experiences in groups. New York: Basic Books.
11. *Bion W.R.* (1961) Experiences in Groups, London: Tavistock.
12. *Bion Wilfred R.* (1999) Seminar held in Paris, 10 July 1978. Transcribed by Francesca Bion. Sept.
13. *Bion Wilfred R.* (2014) The Complete Works of W.R. Bion. Edited by Mawson, C. (2014). Karnac Books, London. 16 Volumes
14. *Bleandonu G.* Wilfred Bion: His Life and Works. Free Association Books, London, 1994.
15. *Bushe G.R.* (2010) Being the container in dialogic OD. Practising Social Change (1) 2, 10–15.
16. *Bushe G.R. & Marshak R.J.* (2014) The dialogic mindset in organization development. In A.B. Shani & D.A. Noumair (Eds.) Research in organization change and development, 22 (pp. 55–97). Bingley, UK: Emerald Group Publishing.
17. *Bushe G.R. & Marshak R.J.* (Eds.) (2015) Dialogic organization development: The theory and practice of transformational change. Oakland, CA: Berrett-Koehler Publishers.
18. *Cooper C.L.* (1975) How Psychologically Dangerous are T-Groups and Encounter Groups? Human Relations 28 (3): 249–60.
19. *Cooper C.L.* (1977) Taking the Terror out of T-Groups. Personnel Management. January 1977: 22–6.
20. *Corrigan C.* (2015) Hosting and holding containers. In G. R. Bushe & R. J. Marshak (Eds.), Dialogic organization development: The theory and practice of transformational change (pp. 291–304) Oakland, CA: Berrett-Koehler Publishers.
21. *Dicks H.V.* (1970) Fifty Years of the Tavistock Clinic. London: Routledge & Kegan Paul.
22. *Emery F.E. and Trist E.L.* (1969) Socio-technical Systems. In F.E. Emery (ed.), Systems Thinking. Harmondsworth: Penguin.
23. *Fayol H.* (1949) General and Industrial Management. London: Pitman. (Translated by C. Storrs from the original Administration Industrielle et Générale 1916)
24. *Ferenczi S.* (1952) First Contributions to Psychoanalysis, Hogarth Press, London.
25. *Ferenczi S.* (1916) Contributions to Psychoanalysis. Boston: Richard Badger.
26. *Festinger L.* (1957) A Theory of Cognitive Dissonance. New York: Row Peterson.
27. *Geldenhuis D.J., Levin M.M. & Van Niekerk A.* Risk management as a social defence against anxiety. SA Journal of Industrial Psychology, 38 (2), Art. #982, 9 pages, 2012.
28. *Gilpin-Jackson Y.* (2015) Transformative learning during dialogic OD. In G.R. Bushe & R.J. Marshak (Eds.) Dialogic organization development: The theory and practice of transformational change (pp. 245–267). Oakland, CA: Berrett-Koehler Publishers.

29. *Gilpin-Jackson Y.* (2013) Practicing in the grey area between dialogic and diagnostic organization development. *OD Practitioner*, 45(1), 60–66.
30. *Heifetz R.A.* (1998) *Leadership without easy answers*. Cambridge, MA: Harvard.
31. *Jaques E.* *Executive Leadership: A Practical Guide to Managing Complexity*. Oxford: Blackwell Publishing, 1994.
32. *Jaques E.* *Human Capability: Study of Individual Potential and Its Application*. London: Gower, 1994.
33. *Jaques E.* *Requisite Organization: Total System for Effective Managerial Organization and Managerial Leadership for the 21st Century*. London: Gower, 1997.
34. *Krantz J.* Social defences and twenty-first century organizations. *British Journal of Psychotherapy*, 26 (2): 192 – 201, 2010.
35. *Lawrence G.W., Bain A. and Gould L.* (1996) The Fifth Basic Assumption. *Free Associations* 6(1): 2855: 1–20
36. *Marshak R.J.* (2006) *Covert processes at work: Managing the five hidden dimensions of organizational change*. San Francisco, CA: Berrett-Koehler Publishers.
37. *Marshak R.J.* Anxiety and Change in Contemporary Organization Development. *OD Practitioner*, 48 (1), 11–19, 2016.
38. *O'Rourke James L.* *Sex, Lies, And Autobiography: The Ethics of Confession*. 2006. P. 169.
39. *Rice A.K.* (1958) *Productivity and Social Organisations: the Ahmedabad Experiment*. London: Tavistock Publications.
40. *Rice A.K.* (1963) *The Enterprise and its Environment*. London: Tavistock Publications.
41. *Rice A.K.* (1965) *Learning for Leadership*. London: Tavistock Publications.
42. *Rice A.K.* (1969) Individual, Group and Intergroup Processes. *Human Relations* 22 (6):565–84.
43. *Rioch M.J.* (1970) The Work of Wilfred Bion on Groups. *Psychiatry* 33(1): 56–66.
44. *Robert De Board.* *The Psychoanalysis of Organizations: A Psychodynamic Approach to Behaviour in Groups and Organizations*. Routledge, 1978.
45. *Trist E.L.* (1953) *Some Observations on the Machine Face as a Socio-Technical System. A report to the Area General Manager, No. 1 Area, East Midlands Division (Report 341)*. London: Tavistock Institute of Human Relations.
46. *Trist E.L. and Bamforth K.W.* (1951) Some Social and Psychological Consequences of the Longwall Method of Coal-cutting. *Human Relations* 4 (1): 3–38.
47. *Trist E.L. and Sofer C.* (1959) *Exploration in Group Relations*. Leicester: Leicester University Press.
48. *Trist E.L., Higgin G.W., Murray H. and Pollock A.B.* (1963) *Organizational Choice*. London: Tavistock Publications.
49. *Turquet P.M.* (1974) *Leadership: The individual and the group*. In: Gibbard, GS. (eds) *The Large Group: Therapy and Dynamics*. San Francisco and London: JosseyBass.

50. *Van Eeden R., Cilliers F.* Social defence structures in organizations: How lack of authorization keeps managers from moving to transformational leadership. *International Journal of Organization Theory and Behavior*, 12 (3), 475–501, 2009.

Group defense mechanisms in a psychotic organization

D.V. Musatov, A.S. Evdokimenko

Musatov Dmitry Vladimirovich – Graduate of the master's program "Psychoanalysis and psychoanalytic business consulting" of the Higher school of Economics, has more than 15 years of experience in business consulting.

Evdokimenko Aleksandr Sergeevich – Associate Professor, Higher school of Economics.

The study presents modern approaches to the analysis of group processes in the framework of the psychoanalytic approach to the analysis of organizations. The history of the development of the conceptual apparatus and ideas about groups of the basic assumption is considered in detail. The existing approaches to the analysis of organizational groups and human capital in organizations are also studied.

Keywords: group of basic assumptions, psychoanalytic method, social structure of the organization, group defensive mechanisms, common group tension.

Глубинные причины критических инцидентов на производстве

Е.Л. Пацына, Е.А. Стрижова

Пацына Евгения Леонидовна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), больше 20 лет работает в области HR в крупных российских производственных компаниях по направлениям: компенсации и льготы, обучение и развитие персонала.

Стрижова Екатерина Андреевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ.

Данная статья посвящена изучению глубинных причин критических инцидентов на производстве. Мы рассмотрели особенности функционирования организационного бессознательного, применяемые защитные механизмы подавления тревоги в организации. В проведенном исследовании проверяли гипотезу о существовании значимых различий фантазирования сотрудников о производственном процессе, связанном с наличием или отсутствием смертельных несчастных случаев на предприятии, которая получила свое подтверждение.

Было показано, что существуют различия в восприятии сотрудников производственного процесса на предприятиях, где происходили смертельные несчастные случаи и где они не происходили. Рисунки испытуемых (полученные по методу «Метафора») на предприятиях, где происходили смертельные несчастные случаи, находятся в кластерах, связанных с усталостью, депрессией, защитой. При этом ни один рисунок испытуемых, работающих на предприятиях, где не было смертельных несчастных случаев, не попал в эти категории. Было отмечено, что на предприятиях, где происходили смертельные несчастные случаи, в фантазиях сотрудников, проанализированных с помощью рисунков, присутствует ощущение непригодности, усталости и тревоги; на предприятии, где не происходили смертельные несчастные случаи, ощущается небезразличие, вовлеченность и смысл.

При анализе динамики тревоги в организации было сделано предположение о мазохистической тенденции, которая обусловила эту динамику. Данное предположение было подтверждено результатами дисперсионного анализа факторов организационного поведения.

Ключевые слова: критический инцидент, коллективное бессознательное, тревога, коллективные ритуалы, мазохистические черты.

В классическом организационном консультировании и в самих организациях, на наш взгляд, причины производственного травматизма часто рассматриваются с формальной точки зрения, глубинные причины перегрузок работников не анализируются и не обсуждаются. Вместе с тем анализ психологических причин, провоцирующих ошибочные действия, может способствовать проведению грамотных интервенций на уровне управления, корпоративной культуры, производственных процессов, способствуя повышению безопасности. В данной статье мы обращаемся к проблеме глубинных причин критических инцидентов на производстве.

Психодинамика безопасности и глубинные причины аварий на производстве на конкретных случаях из практики психоаналитически ориентированного консультирования организаций представлены в работах Ларри Хиршхорна (*Hirschhorn, 1993*). Природу и механизм ошибок, которые приводят к травмам на производстве, изучал в своих исследованиях Джеймс Т. Ризон (*James T. Reason, 1990*).

Для исследования описанных выше проблем нами были проанализированы особенности фантазий сотрудников предприятий о производственном процессе в связи с наличием или отсутствием факта критических инцидентов (смертельных несчастных случаев) на производстве.

Результаты исследования позволили продемонстрировать и проанализировать схожесть фантазирования работников предприятий, на которых регулярно происходили смертельные несчастные случаи.

Организационное бессознательное и особенности его функционирования

Бессознательные процессы, наряду с сознательными и доступными для непосредственного наблюдения, играют большую роль не только в жизни конкретного человека, но и в деятельности организаций. Бессознательное соответствует области личности и психическому функционированию, при котором опыт и воспоминания постоянно обрабатываются и интегрируются во внутренний мир человека. Бессознательное наделено функцией защиты сознательных переживаний от чрезмерной нагрузки, повышенного возбуждения и последствий неразрешимых конфликтов с помощью контактного барьера (*Bion, 1990*). Это относится как к конкретному человеку, так и к организациям, которые состоят из конкретных людей. Таким образом, опыт и воспоминания, которые могут вызвать чувства вины, растерянности и стыда, вытесняются из сознательных переживаний и остаются в области бессознательного. Однако в результате этого они не утрачиваются, а проходят естественную активацию бессознательного и выражаются в ошибочных действиях, снах, страхах и навязчивых идеях, а также в творческом ходе мыслей, который выражается в нахождении нестандартных решений и в творчестве. Этот уровень функционирования психики называется первичным процессом, который является основой любой творческой деятельности. Уровень сознательных и упорядоченных размышлений и переработки называется вторичным

процессом (Гирнальзик и др., 2019). Здесь говорится об адекватном восприятии реальности и принятии за основу того, что может быть выполнено. Для идей, целесообразных правил, а также для осуществления изменений и установления порядка необходимо успешное взаимодействие обоих типов функционирования психики. Организация сама по себе не имеет своего бессознательного. В большей степени групповая динамика организации может быть истолкована таким образом, что каждый конкретный человек, определяющий ее культуру, взаимодействуют с другими на уровне своего индивидуального бессознательного, и, таким образом, на уровне группы образуется коллективное бессознательное (*Sivers et al.*, 2003).

Психодинамика организации охватывает бессознательные процессы, которые прорабатываются успешно или неуспешно с помощью ежедневных конфликтных и групповых динамик в организации. Если процессы, протекающие в бессознательном организации, учитываются в недостаточной мере, то могут взять верх защитные процессы, мешающие дальнейшему развитию организации.

Согласно Таунли, бессознательное в организациях может находить свое отражение в конфликтах, в повторяющихся ошибках, нерешенных проблемах и в ритуальных оборонах (*Townley*, 2008). Снижение способности традиционных ритуалов и институтов, таких как церковь, сдерживать всеобщее беспокойство, приводит к тому, что на рабочем месте принимаются защитные меры для защиты членов организации (*Obholzer*, 1999). Мензис внесла значительный вклад в теорию организации (*Menzies*, 1989). Эта теория была одной из самых ранних основных конструкций, используемых для определения системного психодинамического подхода (*Fraher*, 2004b). Она фокусируется на тревоге, которая имеет прямое отношение к природе самой трудовой деятельности (*Obholzer*, 1999). Организационные защитные механизмы соотносятся с концепцией индивидуальных защитных механизмов (*Menzies*, 1989). Они встроены в структуру организации и объединены в организационный опыт, чтобы облегчить тревогу и создать безопасность (*Kets de Vries u Engellau*, 2004).

Тревога в организации

Огромный вклад в изучение эмоции в организациях внесло исследование поведения медсестер в лондонской больнице, которое проводила Изабель Мензис Лит. Медсестры сталкиваются со множеством различных эмоций пациентов и их родственников: благодарностью за оказываемый уход, восхищением и даже завистью к их навыкам и негодованием из-за вынужденной зависимости от них. Их собственные чувства к пациентам, особенно чувства близости и личной заботы сдерживаются пониманием того, что пациент может умереть (*Menzies*, 1988).

Сталкиваясь с таким эмоциональным бурлящим котлом, многие медсестры снова испытывают детский страх наказания, от которого они пытаются избавиться с помощью знакомых механизмов проецирования, разделения и отрицания. Важный вклад Мензис Лит заключается в том,

что она сумела увидеть, как присущие организации бюрократические черты, ее правила и процедуры, штатные расписания, перечни задач, сдержки и противовесы, бумаги, иерархии и все остальное, как все эти безличностные инструменты используются в качестве вспомогательных средств в защитных методиках. Прибегая к ритуалам при выполнении задач, избавляясь от личных отношений с пациентами, используя организационные иерархии, медсестры подавляли свои тревоги.

Тем не менее такие организационные меры защиты от тревожности в итоге оказываются бесполезны, потому что система не предусматривала возможности рассмотрения тревоги и ее проработки, что является единственным способом, при помощи которого можно действительно повысить способность справляться с ней и обеспечивать развитие личности (Menzies, 1988). Неэффективность системы проявлялась в неудачах в обучении и удержании медсестер, постоянно упавшем состоянии духа, высоком уровне стресса, выгорании и отсутствии удовольствия от работы. Напротив, институциональное здоровье подтверждается не только результатами работы и количественными показателями, но и индикаторами морального состояния, а также индивидуальными ощущениями роста и развития. В рекомендациях роль консультантов рассматривалась как возможность восстановить здоровое состояние организации путем применения ряда принципов, которые довольно точно совпадают с критериями здоровой личности, выведенными путем психоанализа. В их число входят: отказ от борьбы с тревогой путем использования регрессивных мер защиты, более широкое использование адаптации и сублимации, способность противостоять проблемам и работать над их решением, предоставление людям возможностей полностью раскрыть свой потенциал (то есть давать им ровно те задачи, которые они могут решить, не больше и не меньше), предоставление людям возможностей по передаче (в реалистичной мере) контроля над своей собственной жизнью в учреждении, при том условии, что они могут учитывать потребности и вклад других, независимость без необоснованного надзора и очевидную связь между затраченными усилиями и вознаграждением, не только в финансовом плане (Menzies, 1991).

Вышеперечисленные рекомендации были взяты на вооружение более или менее успешно многочисленными консультантами, ориентированными на психоанализ. Авторы, работавшие с таким взглядом на психодинамику, зафиксировали бесчисленное множество примеров негативного эффекта мер общей защиты от тревожности, самые яркие примеры вредного воздействия таких мер защиты на индивидов и на организации приводятся в работах: Гоулд (Gould, 1993), Кранц (Krantz, 1989), Лапьер (Lapierre, 1989), Даймонд (Diamond, 1985, 1993), Хиршхорн (Hirschhorn, 1988) и Хиршхорн и Гилмор (Hirschhorn, Gilmore, 1993).

В исследовании «Организация изнутри: психодинамика организационной жизни» Хиршхорн использует примеры из своей практики в качестве консультанта для организаций (Hirschhorn, 1988), чтобы показать, как тревога в организациях приводит к появлению первобытных страхов уничтожения, что в свою очередь влечет появление мер общей защиты.

К базовым допущениям добавляются еще два режима общей защиты – организационные ритуалы и скрытые коалиции. Организационные ритуалы рассматриваются как безличностные процедуры, которые обеспечивают дистанцию между людьми и их ролями, что предотвращает угрожающие эмоциональные привязанности и заменяет их набором механических действий. С другой стороны, скрытые коалиции представляют собой своего рода бессознательные психологические сделки, в которых участники организации объявляют перемирие в конфликте путем принятия на себя ролей, взятых из семейной жизни, что предоставляет им модель для сдерживания тревоги. Ценой такого перемирия является создание табуированных тем, о которых нельзя упоминать, и закрепление дисфункциональных порядков внутри организации (*Hirschhorn, 1988*). Многочисленные социальные и технологические факторы совместно меняют фундаментальные конфигурации эмоций в организациях. Успешным организациям будущего будут требоваться участники, тревоги которых выявляются и прорабатываются, а не те участники, которые ищут подходящих козлов отпущения, которых можно преследовать. Рассматривается возможность появления культуры, в которой принимается сложность и поддерживаются процессы обучения и роста как на индивидуальном, так и на организационном уровне (*Hirschhorn, 1988*). Возникшая в психоанализе идея общих мер защиты от тревожности все шире признается многими учеными, включая тех, кто работает за пределами сферы глубинной психологии.

Исследование механизмов сдерживания тревоги, предлагаемых организациями, а также вызываемых ими осложнений, искажений и дисфункций – это один из важнейших вкладов глубинной психологии в этой области. Однако небольшое количество теоретиков направляют свое внимание на противоположное утверждение, а именно говорят о том, что организации также являются источниками тревоги. Тогда как первая точка зрения интересует в основном теоретиков, попавших под традиции объектных отношений в психоанализе, вторая точка зрения больше заимствуется напрямую из собственной теории Фрейда о тревоге как о сигнале опасности. Ценный вклад в этой области внес Хауэлл С. Баум в своей книге «Невидимая бюрократия» (*Howell S. Baum, 1987*). В книге исследуется близость психологических и организационных процессов, но основные аналогии здесь проводятся в обратном направлении. Принимается, что бюрократия отличается определенными особенностями, которые работают как систематические генераторы тревоги. Самой заметной из них является иерархия, которая распределяет ответственность, но концентрирует власть. Зоны ответственности отдельных людей обычно крайне размыты, что дополняется разобщенностью и дистанцией между индивидами в рядах организации. Соответственно, индивиды прибегают к защитному поведению, постоянно стремясь прикрыть свои тылы.

Бюрократическое безличие создает пустое психологическое пространство между подчиненными и руководителями, которое заполняется фантазиями. Отмечаются две особенно распространенные среди подчиненных фантазии, которые называются «моральный образец» и «превосходство

по навыкам и силе» (Baum, 1987). Каждая такая фантазия пробуждает тревогу своего типа, например, для первой фантазии это тревога с чувством вины, а для второй – тревога с чувством стыда. Обвинения и похвалы рассматриваются как жизненно важная валюта, которой участники организации постоянно обмениваются. Поиск виноватых, преследование и назначение козлов отпущения не только являются важными составляющими в эмоциональной жизни организаций, но и происходят из самой природы бюрократии, а не из ошибок управления. Сталкиваясь с необоснованными обвинениями, индивиды часто испытывают угрозу уничтожения, сильно превосходящую фактически возлагаемую на них вину. Сильные чувства ярости, тревоги и страха, возникающие в таких ситуациях, являются признаками регрессии в более ранний и ранимый возраст (Baum, 1987). Страх и тревога являются адекватными реакциями на опасность, в случае страха опасность очевидна и объективна, в случае тревоги она скрыта и субъективна (Хорни, 2018). Неудовлетворенность или агрессивное напряжение может при определенных обстоятельствах найти свое выражение и внутри организации, ослабив тем самым сплоченность членов организации (Фон Розенштиль и др., 2014).

Когда организационные тревоги не управляются должным образом, люди могут использовать регрессию как защиту, чтобы трансформировать и нейтрализовать сильную напряженность. Эта защита включает в себя расщепление (рассматривание явлений исключительно как черное или белое); проекцию (видение собственных недостатков в других); замещение (замену отрицательных эмоций путем сосредоточения внимания на менее угрожающих); отрицание (отказ принять факты).

Критические инциденты

Метод критических инцидентов, относящийся к категории методов профессиографического анализа деятельности, был впервые описан Дж. Фланаганом (Flanagan, 1954). Этот метод связан со сбором множества описаний эпизодов эффективных и неэффективных трудовых действий, которые реально наблюдали в своей трудовой деятельности специалисты и руководители. Эти эпизоды, названные критическими инцидентами, представляют собой характерные действия, которые наглядно показывают успех или провал в одной из сторон анализируемого вида деятельности.

Суть метода состоит в том, что проводится опрос работников изучаемой профессии, которых просят описать критическую ситуацию в работе и ее результат. Инцидентом может стать любая поддающаяся наблюдению и анализу деятельность, позволяющая по особенностям ее осуществления сделать определенные выводы о работнике. При этом акцент делается не на повседневных действиях, а скорее на более редких, но существенных событиях, которые составляют различие между успехом и неудачей. Для признания инцидента критическим необходимо, чтобы он имел начало, окончание и выводы; описывал не самые крайние или редкие случаи из рабочей практики; были определены последствия трудового поведения

(успешные, неуспешные). В описаниях инцидента не должно быть толкований с применением профессиональной терминологии. Важно, чтобы как можно более точно и полно была описана сама рабочая ситуация. Каждое описание должно содержать: изложение профессиональной ситуации и предпосылки поведения работника, конкретизированные во времени и в пространстве; точное описание действий работника, которые считаются эффективными или неэффективными для данной ситуации; последствия поведения работника; зависимость результатов действий от работника или от внешних причин.

При анализе критических инцидентов в организации следует фокусироваться на одном инциденте и стремиться распутать эмоциональные и символические ассоциации работников в связи с инцидентом. Такие моменты кризиса часто оставляют долгосрочные воспоминания, формируя мировоззрение человека. В организациях кризисы становятся частью фольклорного или коллективного наследия его членов. Тем не менее если внимательно подойти к этому вопросу, то оказывается, что за общим признанием того, что конкретный момент был критическим, разные люди имеют разные воспоминания и интерпретации точной значимости события.

Индивидуальные и организационные критические инциденты могут легко стать трамплином для фантазии и свободной ассоциации с помощью таких вопросов, как:

- Почему это было такое значимое событие?
- Представьте, что вам поручили функции главного. Что бы вы сделали?
- С возможностью оглянуться назад, что бы вы смогли сделать?
- Какие уроки вы извлекли из инцидента?
- Были ли какие-либо непредвиденные преимущества от этого инцидента?
- Кто в первую очередь виноват в кризисе? Был ли кто-то несправедливо назначен виноватым?

При этом необходимо помнить, что эти вопросы порождают хорошо отрепетированные, безопасные ответы, обеспечивая мало понимания. Они могут больше говорить об эмоциях, вызванных кризисом и его последствиями. При диагностике должно обращать внимание на работу защитных механизмов, неадекватные реакции, выборочные восприятия, перфекционизм.

Подводя итоги проведенного обзора, можно отметить следующее:

1. Бессознательные процессы наряду с сознательными и доступными для прямого наблюдения процессами играют одну из важных ролей в организации. Бессознательные процессы должны учитываться в достаточной мере, иначе защитные механизмы могут помешать эффективному развитию и функционированию организации.

2. На основе проведенного анализа проявления тревоги мы установили, что для того, чтобы справиться с тревогой, в организациях используются существующие структуры и процессы. Когда такие способы справляться с организационными тревогами становятся преобладающими, они становятся неэффективными для организации в целом, создавая

бюрократические препятствия. Ориентация исключительно на задачи, административные процедуры, операционные процессы, рационализацию, интеллектуализацию и другие процедуры, структуры и процессы используется для того, чтобы люди были эмоционально не вовлечены; это помогает начальникам чувствовать себя в безопасности оттого, что людей становится легче контролировать. Однако эти бюрократические процессы могут делать существование как личности, так и организации в целом очень пессимистичным, заменяя креативность, осознание, открытость к изменениям и смыслу на контроль и безличность, утрату бдительности.

3. Благодаря проведенному анализу организационной тревоги также было установлено, что если тревога в организации не управляется должным образом, то регрессия используется как защита, чтобы трансформировать и нейтрализовать сильную напряженность. Защитные механизмы против тревоги могут стать защитными механизмами против реальности.

4. В результате рассмотрения метода критических инцидентов мы установили, что данный метод является открытым и коротким путем получения информации о проблемах организации.

Анализ глубинных причин критических инцидентов на производстве

Участники исследования

Данное исследование проводилось на выборке линейных руководителей (начальники участка, главные инженеры, механики) в крупной российской производственной компании, основные предприятия которой расположены в районах Крайнего Севера. Количество предприятий – 7. Общее количество участников исследования – 86 человек, все из них – мужчины. Средний возраст респондентов составляет 40 лет, средний стаж работы 15 лет. Самому молодому респонденту – 26 лет, самому старшему – 64 года. Минимальный стаж – 0,5 года, максимальный – 43 года. На шести предприятиях в период с 2013 по 2018 год происходили несчастные случаи со смертельным исходом, в 2018 году на трех предприятиях из семи произошли несчастные случаи со смертельным исходом.

Методика

Для выявления глубинных причин критических инцидентов на производстве были использованы:

- метод «Метафора»;
- проведение опроса.

По методу «Метафора» (Пригожин, 2017) испытуемым было предложено нарисовать рисунки о предприятии.

Опрос осуществлялся по трем открытым вопросам:

- назовите 10 фактов того, что изменилось на вашем предприятии за последний период;
- назовите 10 фактов того, что не изменялось на вашем предприятии в последний период;

- назовите 10 фактов того, что повторяется на вашем предприятии постоянно.

Данные

Используя описанные выше методики, мы получили:

- рисунки по методу «Метафора» – 84 шт.
- заполненные опросные листы – 258 шт.

Для анализа данных, полученных по методу «Метафора», была привлечена группа экспертов, имеющих опыт применения психоаналитического подхода к анализу рисуночных методов, – всего четыре человека. Экспертами была проведена классификация рисунков с разделением на кластеры с последующим глубинным анализом каждого кластера. Опираясь на статистический метод кластерного анализа, было проанализировано, насколько схожи между собой семь изучаемых предприятий по критерию количества рисунков в каждом из выделенных экспертами кластеров.

Для анализа данных, полученных при помощи опроса, был применен метод дисперсионного анализа, с помощью которого были получены сведения о значимости процессов, происходящих на предприятиях, с точки зрения провоцирования событий, влекущих смертельные несчастные случаи.

По испытуемым в разрезе наличия или отсутствия смертельных несчастных случаев в 2013–2018 годах было выявлено 9 значимых факторов – возможных триггеров возникновения смертельных несчастных случаев.

В разрезе по испытуемым по фактору «предприятие» было выявлено 20 значимых факторов различия.

Результаты

В результате анализа изображений экспертами были сформированы и проанализированы 9 кластеров:

1. В первый кластер сгруппированы рисунки, выполненные с использованием разных цветов с хорошей прорисовкой форм и четкими линиями, на рисунке есть сюжет. Рисунки расположены в центре листа и занимают более 2/3 объема. При рассмотрении рисунков чувствуется эмоционально-позитивная интонация. *Кластер был обозначен как «Эмоции и сюжет».*

2. Во второй кластер объединены рисунки, изображающие схему производственного процесса. Рисунки выполнены преимущественно карандашом одного цвета, несмотря на наличие цветных карандашей, линии четкие, штриховки нет, присутствует схематичность. Рисунки среднего размера, занимают от 1/3 до 2/3 листа. *Кластер назван «Рабочий процесс».*

3. Обедненная цветовая гамма, пониженная плотность и яркость цвета, использование карандаша одного цвета, обрывистые линии, нечеткая прорисовка – признаки снижения общего уровня активности, что часто свидетельствует об астении, истощении, в том числе связанном с работой защитных механизмов. Рисунки объединены в *третий кластер под названием «Астеничность».*

4. В четвертый кластер объединены рисунки, выполненные не по заданной теме, рисунки носят характер символов. В рисунках использовались контрастные цвета, линии штриховки неровные и прерывистые, для рисунков характерен тревожный эмоциональный фон, на который ссылались эксперты, описывая свои контрпереносные реакции. *Кластер был назван «Тревога».*

5. В пятый кластер попали рисунки с четким разделением на два объекта – дом и работа. Причем испытуемые на всех рисунках обозначили направление к дому. Описывая контрпереносные реакции, возникающие от рисунков, эксперты отмечали расщепление: на желанное, родное, безопасное (дом) и тяжелое, изнуряющее, несвободное пространство работы. *Кластер был назван «Работа – дом».*

6. Шестой кластер – это отсутствие рисунка и описание словами того, что понимается под темой «мое предприятие». Такой тип рисунков эксперты связывали с защитой респондентов от процедуры исследования, вместе с тем эта защита в их фантазии схожа с башней без дверей, из которой невозможно выбраться самостоятельно. *Кластер обозначен как «Слова».*

7. азмере и занимающие 1/3 и менее листа. Рисунки выполнены преимущественно одним цветом (черным). На рисунках изображены контуры объектов, отсутствует закрашивание. Для рисунков характерна низкая детализация, схематичность. *Кластеру дано название «Депрессивность».*

8. В восьмом кластере рисунки отличаются сходством следующего содержательного признака: присутствие черного юмора, обличение посредством пояснительных надписей (например, весы, на одной чаше которых «бюрократия», на другой – «план»; гроб с могильной плитой с надписью «Здесь покоятся твои мечты»; человечек с портфелем радостно бегущий на работу с неестественным наклоном вперед). В контрпереносе эксперты отмечали, что, несмотря на негативный характер изображений, есть ощущение силы и возможности действовать. *Кластер обозначен как «Защита через черный юмор/обличение».*

9. В девятый кластер сгруппированы рисунки, выполненные с использованием разных цветов с очень слабым нажимом на карандаш. Рисунки выглядят бледными, еле различимыми. На рисунках присутствуют производственные корпуса, производственный процесс, люди в процессе работы изображены схематично маленькими фигурками. Рисунки расположены в центре листа и занимают около 2/3 объема. *Кластер был обозначен как «Усталость».*

Анализируя полученные результаты, было обнаружено различие в психологическом восприятии своего рабочего пространства испытуемыми на предприятиях, где происходили смертельные несчастные случаи по сравнению с испытуемыми на предприятии, где не было смертельных несчастных случаев. Рисунки испытуемых на предприятии, на котором за исследуемый период не было смертельных несчастных случаев, в основном находятся в кластере 1 («Эмоции и сюжет») и кластере 2 («Рабочий процесс») – 55 % из всех рисунков этого предприятия. Рисунки в кластере

1 позволяют почувствовать эмоции испытуемых, выполнены с использованием разных цветов и с хорошей прорисовкой форм и четкими линиями, есть сюжет. В кластере 2 («Рабочий процесс») рисунки выполнены без штриховок, четкими линиями, преимущественно карандашом одного цвета, не обязательно черного. При рассмотрении рисунков можно предположить, что большая часть испытуемых из этого предприятия находилась в спокойном, уравновешенном состоянии. В то же время 36 % всех рисунков испытуемых предприятия, где не было смертельных несчастных случаев, находятся в кластере 3 («Астеничность»). Отсутствие цвета или его неяркость, обедненная цветовая гамма, использование карандаша одного цвета и нечеткость прорисовки. Можно предположить признаки снижения общего уровня активности и истощения. И один испытуемый нарисовал рисунок, который расположился в кластере 4 («Тревога»). Рисунок выполнен не по заданной теме, использованы контрастные цвета, линии неровные, чувствуется тревога.

В то же время рисунки испытуемых на предприятиях, на которых происходили смертельные несчастные случаи, распределились по кластерам 1 и 2, 3, 4 в пропорции 28 %, 14 % и 3 % соответственно. Большая доля рисунков попала в кластер 7 («Депрессивность») – 14 %. Сами рисунки занимают на листе мало места, контуры объектов выполнены преимущественно черным цветом, почти нет деталей. Следующие большие кластеры – кластер 8 («Защита через черный юмор / обличение» и кластер) и 9 («Усталость») – собрали по 16 % всех рисунков каждый. Рисунки в кластере 8 отличаются тем, что испытуемые добавляли в них пояснительные надписи (например, весы, на одной чаше которых «бюрократия», на другой – «план»; гроб с могильной плитой с надписью «Здесь покоятся твои мечты»; человек с портфелем, радостно бегущий на работу с неестественным наклоном вперед). В кластере 9 сгруппированы рисунки, выполненные с использованием разных цветов с очень слабым нажимом на карандаш. Рисунки еле различимы на белом листе бумаги. На рисунках присутствуют производственные корпуса, производственный процесс, люди в процессе работы изображены схематично, маленькими фигурками. В кластеры 6 («Слова») и 5 («Работа – дом») попали 5 % и 4 % рисунков соответственно. На рисунках в кластере 5 есть четко обозначенный надписью объект «Дом» или направление к дому. Шестой кластер – это отсутствие рисунка и описание словами, что испытуемые вкладывают в понятие «мое предприятие».

Таким образом, уникальными кластерами для подразделения со смертельными несчастными случаями стали кластеры 6 («Слова»), 7 («Депрессия»), 8 («Защита») и 9 («Усталость»). 51 % рисунков испытуемых на предприятиях, где происходили смертельные несчастные случаи, находятся в кластерах, связанных с усталостью, депрессией, защитой. При этом ни один рисунок у испытуемых на предприятии, где не было смертельных несчастных случаев, не попал в эти категории.

Анализируя корпоративную структуру и особенности взаимоотношений предприятий с центральным офисом, можно предположить структуру

отношений, аналогичную многодетной семье, где мать должна перераспределять внимание между большим количеством детей. Ощущая невозможность привлечь внимание матери другим способом, некоторые дети находят особый, манипулятивный способ: когда с ними происходит что-то фатальное, мать вынуждена быть с ними, уделять внимание, удовлетворяя потребность в защите и любви. Такой способ получения любви может свидетельствовать о мазохистической тенденции, которая обусловила динамику организационной тревоги. В этом случае, когда нет более сил справляться с тревогой недостаточного, несправедливо малого внимания со стороны материнского объекта, предприятие находит иррациональный способ привлечь это необходимое внимание, используя отреагирование вовне и нанося ущерб самому себе.

При этом на предприятиях, в которых были смертельные несчастные случаи, объективные данные по итогам дисперсионного анализа по испытуемым по фактору «наличие или отсутствие смертельных несчастных случаев в 2013–2018 гг.» показывают, что важными факторами из раздела «что изменилось на предприятии», оказались те, что связаны с внедрением на предприятиях стандартов по промышленной безопасности и охране труда, повышением информирования и контроля за соблюдением правил промышленной безопасности и охране труда. Внедрение таких процедур как бы снимает необходимость со стороны материнского объекта осуществлять личный контроль за безопасностью, подменяя любовь и близость формальной процедурой.

Следующие значимые факторы связаны с изменением подходов к организации производственного процесса, повышением сплоченности в коллективах и снижением межличностной напряженности в коллективе.

Важным оказался также фактор из раздела «что не меняется на предприятии», связанный с неизменностью технологического процесса и производственными планами предприятия.

Можно предположить, что на предприятиях, где происходили смертельные несчастные случаи, внедрение различных стандартов и усиление системы контроля за соблюдением правил охраны труда, повышение требований к соблюдению правил по охране труда явились триггером для отреагирования вовне. Правила, с одной стороны, должны помогать материнскому объекту найти баланс между «своей жизнью» и «тревожностью» детей. Руководитель, подписывая бумаги, как бы снимает с себя ответственность за безопасность. При этом сотрудники не чувствуют себя в безопасности, нуждаются в присутствии материнского объекта и возвращают случаи, связанные с нарушением правил.

Для предприятия, в котором за исследуемый период не было смертельных несчастных случаев, важными факторами из раздела «что изменилось на предприятии», стали те, что связаны с фактом смены руководителя, изменением технологического процесса, встречами руководителя с коллективом, которые в том числе указывают на достаточное внимание со стороны материнского объекта.

Из раздела «что не изменилось» отличительными факторами были определены отсутствие улучшения снабжения участка, доставка людей

к месту работы, а в разделе «что повторяется» – фактор, связанный с проблемами с транспортом и отсутствием питьевой воды в административно-бытовом комплексе.

Как видно, анализируемый материал для предприятия, где не было смертельных несчастных случаев, отражает важность как гигиенических факторов (постоянство того, что за счет предприятия работники доставляют к месту работы; работников заботит отсутствие воды в административно-бытовом комплексе), так и важность фактора, связанного с производственной сферой, который создает трудности в нормальной деятельности предприятия (нет изменений в финансировании предприятия; нехватка запасных частей). При этом испытуемые отмечают важность того, что появился новый руководитель, произошли организационные изменения. Можно предположить, что факт смены руководителя создает надежду или общую фантазию об изменениях и «спланирует» коллектив, давая возможность совместно переживать трудности. При этом демонстрируемым поведением оказываются «послушание» материнскому объекту и собственная «правильность».

Еще одним результатом анализа является наличие значимых различий в восприятии испытуемыми фактов деятельности предприятия. Дисперсионный анализ показал, что для предприятия, в истории которого не было смертельного несчастного случая, оказались несущественными факторы производственного процесса из раздела «что изменилось на предприятии», связанные с внедрением стандартов по промышленной безопасности и охране труда, с изменением подходов к организации производственного процесса, со снижением межличностной напряженности в коллективе.

Из раздела «что не изменилось» оказался несущественным фактор неизменности технологического процесса и постоянства необходимости выполнения плановых показателей.

Наиболее существенными для предприятия, в котором не было смертельного несчастного случая, оказались факторы из раздела «что изменилось» – регулярные встречи с руководством, из раздела «что не изменилось» – доставка к месту работы.

Таким образом, дисперсионный анализ в разрезе по испытуемым по фактору «наличие или отсутствие смертельных несчастных случаев в 2013–2018 гг.» и в разрезе по испытуемым по фактору «предприятие» показал, что на предприятии, где не было смертельных несчастных случаев, факторы, связанные с внедрением стандартов и усилением требований к соблюдению правил по охране труда, с изменением подходов в организации производственного процесса, необходимостью постоянно выполнять плановые задания, не являются факторами давления. А важными оказались связанные с человеческим фактором, с постоянством заботы о людях. Можно сделать предположение, что на предприятии найден верный баланс в соблюдении бдительности при проведении всех видов работ, отсутствует напряженность, работники могут действовать безопасно.

Проводя анализ дендрограммы, можем видеть, что на самом высоком уровне иерархии по совокупности признаков находится предприятие 1.

По объективным данным мы видим, что предприятие 1 имеет самое большое количество несчастных случаев, произошедших в период с 2013 по 2018 г., в том числе самое большое количество смертельных несчастных случаев за рассматриваемый период. В отличие от других предприятий на предприятии 1 наиболее значимыми оказались факторы из раздела «что изменилось» – внедрение стандартов по ОТ и ПБ, повышение информирования и контроля за соблюдением ОТ и ПБ, снижение травматизма и несчастных случаев.

Также для предприятия 1 значимым оказался фактор снижения межличностной напряженности в коллективе. Из раздела «что повторяется» – фактор, связанный с большим количеством документов, бумажной работы, проверок, совещаний и собраний.

Анализ факторов по предприятию 1 подтверждает ранее сформулированные обобщения. В то же время для испытуемых предприятия 1 в большей степени значимым, чем для других испытуемых, оказался фактор повторения большого количества собраний, совещаний, проверок и документов для заполнения.

Правила и стандарты играют важную роль в том, чтобы персонал промышленных предприятий смог найти баланс между работой и тревожностью. Они облегчают груз бдительности и помогают работникам действовать безопасным образом без особых размышлений об опасностях, на которых эти правила и стандарты основаны. Выполняя правила без значительных осознанных раздумий, работники защищают себя, не разыгрывая в своем воображении аварийные ситуации, которые могут причинить им вред. Освободившись от избыточных тревог, они могут концентрироваться на работе. С другой стороны, правила и стандарты могут сопровождаться большим количеством бюрократических процедур (документов, собраний, совещаний, протоколированием встреч), что может привести к упрощению процедур. Используя упрощения, работники могут представлять себя неуязвимыми. Следуя бессмысленным протоколам, оторванным от реальных опасностей, работники могут избавляться от необходимости представлять себе потенциальные аварии и сознательно обдумывать свои действия.

В психологическом плане картина по предприятию 1 следующая: 17 % рисунков находятся в кластере «Эмоции и сюжет», и все остальные рисунки, или 83 %, – в кластерах «Астеничность», «Депрессия», «Защита» и «Усталость».

Проводя анализ сходства между предприятиями по кластерам рисунков на дендрограмме (рис. 1), мы видим, что предприятия 3, 4 и 5 наиболее похожи по психологической динамике. Предприятие 2 образует свой кластер на дендрограмме, предприятия 1, 6 и 7 образуют третий кластер. По объективной информации предприятия 3, 4 и 5 ранее были единым предприятием, и только в начале 2018 года произошли организационные изменения – разделение на три отдельных предприятия. Можно предположить, что менеджмент на предприятии 5 работал и работает таким образом, что смертельные несчастные случаи не происходили и, если

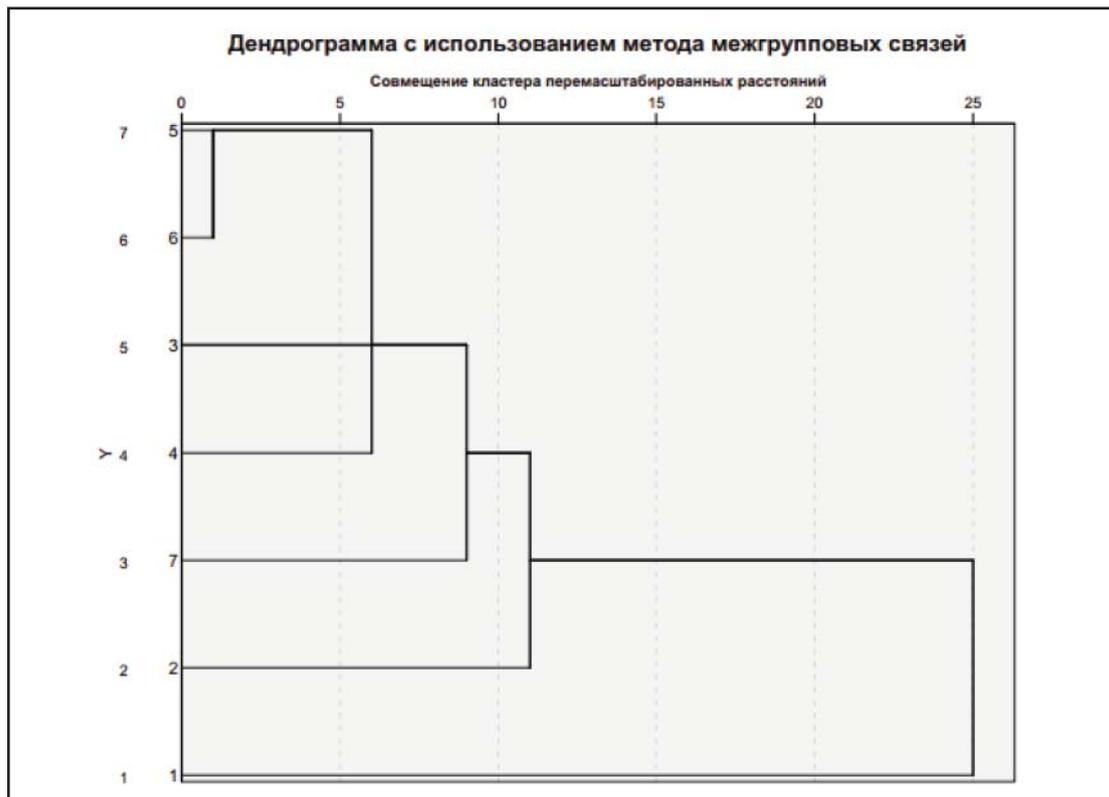

Рис. 1. Дендрограмма сходства между предприятиями

действия менеджмента предприятий 3 и 4 будут такими же, как и на предприятии 5, можно будет добиться недопущения смертельных несчастных случаев.

Таким образом, схема исследования и полученные результаты говорят о существовании различий в восприятии сотрудников производственного процесса на предприятиях, где происходили смертельные несчастные случаи и где они не происходили.

Выводы

На основе проведенного анализа было установлено, что существуют различия в восприятии сотрудников производственного процесса на предприятиях, где происходили смертельные несчастные случаи и где они не происходили. Рисунки испытуемых на предприятиях, где происходили смертельные несчастные случаи, находятся в кластерах, связанных с усталостью, депрессией, защитой. При этом ни один рисунок у испытуемых на предприятии, где не было смертельных несчастных случаев, не попал в эти категории. На основе проделанной работы мы можем утверждать, что на предприятиях, где происходили смертельные несчастные случаи, в фантазиях сотрудников через рисунки проявляется ощущение непригодности, усталости и тревоги; на предприятии, где не происходили смертельные несчастные случаи, ощущается небезразличие, вовлеченность и смысл.

В анализе динамики тревоги в организации было сделано предположение о мазохистической тенденции, которая обусловила эту динамику. Данное предположение было подтверждено результатами дисперсионного анализа факторов организационного поведения.

Так, результаты проведенного дисперсионного анализа организационного поведения для предприятия, где не было смертельных несчастных случаев, подтверждают то, что факторы, связанные с внедрением стандартов и усилением требований к соблюдению правил по охране труда, с изменением подходов в организации производственного процесса, необходимостью постоянно выполнять плановые задания, не являются факторами давления. Важными оказались человеческие факторы, связанные с постоянством заботы о людях. Можно сделать предположение, что на предприятии отсутствует напряженность, работникам небезразлична окружающая их обстановка и они могут действовать безопасно.

Результаты проведенного дисперсионного анализа для предприятий, где происходили смертельные несчастные случаи, значимыми оказались факторы внедрения различных стандартов и усиления системы контроля за соблюдением правил охраны труда, повышение требований к соблюдению правил по охране труда. Можно сделать вывод, что правила помогают руководителям найти баланс между работой и тревожностью. Руководитель при подписании документов, снимает с себя ответственность за безопасность. При этом сотрудники могут не чувствовать себя в безопасности и возвращать случаи, связанные с нарушением правил руководителю.

Анализ полученных данных выявил, что для предприятия, которое значительно отличается от других и которое по объективным данным имеет самое большое количество несчастных случаев за рассматриваемый период, наиболее важным является фактор повторения большого количества собраний, совещаний, проверок и документов для заполнения наряду с жесткими стандартами и ужесточением требований. Как мы можем предположить, следуя бессмысленным протоколам, оторванным от реальных опасностей, работники могут избавляться от необходимости представлять себе потенциальные аварии и игнорировать потенциальные угрозы.

Полученные результаты могут стать основой для продолжения изучения данной проблематики в будущем. Правила и стандарты играют важную роль в том, чтобы персонал промышленных предприятий смог найти баланс между работой и тревожностью. С другой стороны, правила и стандарты могут сопровождаться большим количеством бюрократических процедур (документов, собраний, совещаний, протоколированием встреч), что может привести к упрощению процедур. Используя упрощения, работники могут представлять себя неуязвимыми. Следуя бессмысленным протоколам, оторванным от реальных опасностей, работники могут избавляться от необходимости представлять себе потенциальные аварии и сознательно обдумывать свои действия. Стресс, переутомление ведут к уменьшению интереса к работе и снижению бдительности, что может спровоцировать опасную ситуацию на производстве.

Традиционное расследование причин несчастных случаев на производстве необходимо дополнить детальным анализом причин с участием всего коллектива, когда все участники смогут глубже осознать зависимость друг от друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гирнальзик Т., Катуржевский А., Ломер М.* Бессознательное в организации. Психодинамика руководства, консалтинга и управления изменениями. М.: Независимая фирма «Класс», 2019. 416 с.
2. *Донцов А.И.* Психология безопасности: учебное пособие для академического бакалавриата / А.И. Донцов, Ю.П. Зинченко, О.Ю. Зотова, Е.Б. Перельгина. М.: Юрайт, 2015. 276 с. (Бакалавр. Академический курс. Модуль.).
3. *Кернберг О.* Конфликт, лидерство, идеология в группах и организациях // О. Кернберг. М.: Независимая фирма «Класс», 2018. 424 с. (Библиотека психологии и психотерапии).
4. *Котик М.А.* Психология и безопасность // М.А. Котик. Таллин: Валгус, 2001. 440 с.
5. *Фон Розенитиль Л., Мольт В., Рюттингер Б.* Организационная психология / Пер. с нем. Х.: Гуманитарный центр, 2014. 464 с.
6. *Моллон Ф.* Бессознательное. М.: ООО «Издательство Проспект», 2002. 79 с.
7. *Пригожин А.* Методы развития организаций: Организации: природа (цели, стадии развития, патологии). Профессии консультанта по управлению. Организационная диагностика. Методы выработки решений. Управленческое консультирование нововведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2017. 848 с.
8. *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1989. 448с.
9. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2018. 288 с.: ил.
10. *Baum H.S.* (1987) *The Invisible Bureaucracy.* Oxford: Oxford University Press.
11. *Bion W.R.* (1961) *Experiences in Groups.* New York: Basic Books.
12. *Bion W.R.* (1990) *Lerner durch Erfahrung.* Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag.
13. *Cilliers F. & May M.* (2002) *South African Diversity Dynamics: Reporting on the 2000*
14. *Robben Island Diversity Experience: A group relation's event.* SA Journal of Labour Relations. 26 (3), 42.
15. *Diamond M.A.* (1985) *The Social Character of Bureaucracy: Anxiety and Ritualistic Defens* // *Political Psychology.* 6 (4): 663-79.
16. *Diamond M.A.* (1993) *The Unconscious Life of Organizations Interpreting Organizational Identity.* London: Quorum.
17. *Flanagan J.G.* (1954) *The critical incident technigue.* *Psychological. Bulletin,* 51, 327–358.

18. *Fraher A.* (2004b) A history of group study and psychodynamic organisations. London: Free Association Books.
19. *Freud S.* (1921) Group Psychology and the Analysis of the Ego, in: Freud: Civilization, Society and Religion. Vol. 12. Harmondsworth: Penguin.
20. *Gould L.J.* (1993) Contemporary Perspectives on Personal and Organizational Authority: the Self in System of Work Relationships, in: Larry Hirschhorn and Carole K. Barnett (eds), The psychodynamics of Organisations. Philadelphia, PA: Temple University Press.
21. *Hirschhorn L.* (1988) The Workplace Within. Cambridge, MA: MIT Press.
22. *Hirschhorn L.* and *Gilmore T.N.* (1993) The Psychodynamics of a Cultural Change Learning from a Factory, in: L. Hirschhorn and C. K. Barnett (eds). The Psychodynamics of Organizations. Philadelphia, PA: Temple University Press.
23. *Hirschhorn, L.* (1997b). Reworking authority: Leading and following in the post- modern organisation. London: The MIT Press.
23. *Kets de Vries M. F. R. & Engellau E.* (2004) Organisational dynamics in action. In T. N. A. Meyer & I. Boninelli (Eds). Conversations in leadership. Randburg: Knowledge Resources. (pp. 18–38).
24. *Krantz J.* (1989) The Managerial Couple: Superior-Subordinate Relationships as a Unit of Analysis, Human Resource Management, 28 (2): 161-76.
25. *Lapierre L.* (1989) Mourning Potency and Power in Management // Human Resource Management. 28 (2): 177-89.
26. *Lawrence W.G.* (2006) Organisational role analysis: The birth and growth of ideas. In J. Newton, S. Long & B. Sievers (Eds). Coaching in depth: The organisational role analysis approach. London: Karnac Books. (pp. 29–42).
27. *Menzies Lyth I.* (1988) Containing Anxiety in Institutions: Selected Essays. London: Free Association Books.
28. *Menzies Lyth I.* (1989) The dynamics of the social: Selected essays. Vol. 2. London: Free Association Books.
29. *Menzies Lyth I.* (1991) Changing Organizations and Individuals: Psychoanalytic Insights for Improving Organizational Health, in: M. F. R. Kets de Vries (ed.). Organizations on the Couch. San Francisco: Jossey-Bass.
30. *Obholzer A.* (1999) Managing the unconscious at work. In R. French & R. Vince (Eds). Group relations, management, and organization. New York: Oxford University Press. (pp. 87–97).
31. *Reason J.* Human Error. Cambridge University Press, 1990.
32. *Sievers B., Ohlmeier D., Oberhoff B., Beumer U.* (2003) Das Unbewusste in Organisationen. Freie Assoziation zur psychosozialen Dynamik von Organisationen. Gießen: Psychosozial.
33. *Townley B.* (2008) Reasons' neglect: Rationality and organising. NY: Oxford University Press.

Deep causes of critical incidents in industrial enterprises

E.L. Patsyna, E.A. Strizhova

Patsyna Evgeniya Leonidovna – master of psychology (HSE), more than 20 years at HR for large Russian manufacturing companies, expert in compensation and benefits, training and development.

Strizhova Ekaterina Andreevna – PhD, associate professor, psychoanalysis and business consulting chair, NRU Higher School of Economics.

This article is devoted to the study underlying causes of critical incidents in industrial company. We examined the features of the organizational unconscious' functioning, the protective mechanisms used to suppress anxiety in the organization. The study tested the hypothesis about existence of significant differences in employees ' fantasies about the work process according with presence or absence of fatal accidents at the enterprise.

It was shown that there are differences in the employees ' perception of the work process in enterprises where fatal accidents occurred and did not occur. Drawings of subjects (obtained using the "Metaphor" method) at enterprises where fatal accidents occurred are in clusters associated with fatigue, depression, and protection. At the same time, none of the subjects working at enterprises where there were no fatal accidents fell into these categories. It was noted that in enterprises where fatal accidents occurred, the fantasies of employees analyzed with the help of drawings present a sense of unsuitability, fatigue and anxiety; in the enterprise where fatal accidents did not occur, involvement and meaning were analyzed.

Analyzing the dynamics of anxiety in the organization, the assumption about the masochistic tendency that caused this dynamics was made. This assumption was confirmed by the results of variance analysis of organizational behavior factors.

Keywords: critical incident, collective unconscious, anxiety, collective rituals, masochistic traits.